

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

Научный журнал

№ 4(43) 2021

- Лингвистика
- Методика преподавания языков
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология
- Журналистика в историко-теоретическом аспекте
- Язык СМИ
- События, обзоры, рецензии

**ACTUAL ISSUES
OF MODERN PHILOLOGY
AND JOURNALISM**

Scientific journal

№ 4(43) 2021

- Linguistics
- Methods of teaching languages
- Literary text: aspects of study
- Language and culture studies
- Intercultural communication
- Concept studies
- Journalism in historical and theoretical aspect
- Language of mass media
- Events and reviews

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-70532 от 25.07.2017.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал выходит четыре раза в год.

Подписной индекс в «Каталоге периодических изданий. Газеты и журналы» ГК «Урал Пресс» - 34121. Физические лица могут оформить подписку в интернет-магазине «Деловая пресса» <http://www.ural-press.ru/dlya-fizicheskikh-lits/>.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – Л.В. Ковалева, доктор филологических наук

Заместитель главного редактора – С.А. Скуридина, доктор филологических наук

Н.Н. Лапынина, кандидат филологических наук

Ответственный секретарь – О.В. Сулемина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

Е.А. Акелькина – доктор филологических наук – Омск, Россия; **В.Р. Аминева** – доктор филологических наук – Казань, Россия; **С.М. Белякова** – доктор филологических наук – Тюмень, Россия; **Н.В. Борисова** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **Н.Б. Бугакова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.А. Воронова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **В. Гладров** – доктор филологических наук – Берлин, Германия; **А.Э. Еремеев** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **О.В. Загоровская** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.Л. Каминская** – доктор филологических наук – Новгород, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **Л.П. Клобукова** – доктор педагогических наук – Москва, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Л.М. Кольцова** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Э.И. Коптева** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **Н.Н. Коростылева** – доктор социологических наук – Москва, Россия; **Е.В. Косинцева** – доктор филологических наук – Ханты-Мансийск, Россия; **Е.О. Кузьминых** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Д. Лесневска** – доктор кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики – София, Болгария; **А.В. Полонский** – доктор филологических наук – Белгород, Россия; **Ю.С. Попова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **С.С. Распопова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.К. Рева** – доктор филологических наук – Пенза, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Томтогтох Гомбо** – доктор PhD – Улан-Батор, Монголия; **Н.В. Цымбалистенко** – доктор филологических наук – Салехард, Россия; **В.И. Шульженко** – доктор филологических наук – Пятигорск, Россия.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Юридический адрес учредителя и издателя: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84

Фактический адрес учредителя и издателя: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84

Адрес редакции: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473)271-50-48.

© ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2021

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

The journal is registered by Federal service for supervision in the sphere of connection, information technologies and mass media (Roskomnadzor)

Certificate of registration: PI № FS77-70532 from 25.07.2017.

The journal «Actual Issues of Modern Philology and Journalism» is included into the list of leading scientific publications which publishes the results of thesis for the degree of doctor of science and PhD.

Subscription index in the «Catalog of periodicals. Newspapers and magazines» of the «Ural Press» Group of Companies – 34121.

Individuals can subscribe to it in the online store «Business Press» <http://www.ural-press.ru/dlya-fizicheskikh-lits/>.

The journal is published four times a year.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors' point of view.

Editorial committee:

Chief editor – L.V. Kovaleva, doctor of philology

Deputy chief editor – S.A. Skuridina, doctor of philology

N.N. Lapynina, PhD in philology

Executive secretary – O.V. Sulemina, PhD in philology

Members of the editorial committee:

E.A. Akelkina – doctor of philology – Omsk, Russia; **V.R. Amineva** – doctor of philology – Kazan, Russia; **S.M. Belyakova** – doctor of philology – Tyumen, Russia; **N.V. Borisova** – doctor of philology – Elets, Russia; **N.B. Bugakova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **T.A. Voronova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **V. Gladrov** – doctor of philology – Berlin, Germany; **A.E. Ereemeev** – doctor of philology – Omsk, Russia; **O.V. Zagorovskaya** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **T.L. Kaminskaya** – doctor of philology – Novgorod, Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **L.P. Klobukova** – doctor of pedagogy – Moscow, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **L.M. Koltsova** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **E.I. Kopteva** – doctor of philology – Omsk, Russia; **N.N. Korostyleva** – doctor of sociology – Moscow, Russia; **E.V. Kosintseva** – doctor of philology – Hanty-Mansiysk, Russia; **E.O. Kuzminykh** PhD in philology – Voronezh, Russia; **D. Lesnevskaya** – PhD – Sophia, Bulgaria; **A.V. Polonsky** – doctor of philology – Belgorod, Russia; **Yu.S. Popova** - PhD in philology – Voronezh, Russia; **S.S. Raspopova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **E.K. Reva** – doctor of philology – Penza, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **Tomtogtogkh Gombo** – PhD – Ulaanbaatar, Mongol; **N.V. Tsymbalistenko** – doctor of philology – Salekhard, Russia; **V.I. Shulzhenko** – doctor of philology – Pyatigorsk, Russia;

Cover design - M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «Voronezh State Technical University».

Legislative address of the publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

Factual address of the publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ковалева Л.В.</i> Вступительное слово главного редактора.....	6
К 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского и Н.А. Некрасова	
<i>Скуридина С.А., Новикова М.В., Попова Ю.С.</i> Шляпа, пальто и сапоги как элементы костюмного кода в романе «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского.....	7
<i>Кольцова Л.М., Чуриков С.А.</i> «Я дам вам слово верное...» («крылатика» Н.А. Некрасова в русском языковом пространстве).....	13
Лингвистика	
<i>Ермакова Н.Л.</i> К вопросу о парцелляции придаточного в сложноподчиненном сравнительном предложении.....	20
<i>Новичихина М.Е., Дрогайцева М.А.</i> О месте коммерческой номинации в ономастическом пространстве.....	27
<i>Абрамова А.М.</i> Диалогизация текста как один из основных стилистических приемов лингвистического дискурса рубежа XIX – XX веков.....	36
<i>Кисель О.В.</i> Место никнейма как знака идентификации в ономастической системе языка.....	43
<i>Попов С.А.</i> Материалы к «Словарю исчезнувших названий населенных пунктов Воронежской области».....	49
Методика преподавания языков	
<i>Дубских А.И.</i> Обучение профессионально-ориентированному английскому языку студентов технических направлений с помощью технологии дополненной реальности.....	56
<i>Лескова Е.В.</i> Фразеологизмы и деловое общение: изучение бизнес-лексики на занятиях по РКИ.....	64
<i>Веденева Е.В.</i> Проблемы применения дистанционных образовательных технологий в процессе обучения русскому языку как иностранному.....	69
Аспекты изучения художественного текста	
<i>Королева И.А.</i> Об особенностях прочтения имен собственных в художественном тексте.....	73
<i>Абузова Н.Ю.</i> Семиотика «дачного текста» в повести А.П. Гайдара «Тимур и его команда» (1940).....	79
<i>Новикова О.В., Лапынина Н.Н.</i> Особенности синтаксиса А. Варламова (на примере романа «Душа моя Павел»).....	89
<i>Расторгуева В.С.</i> Чеховский контекст в романе А. Иличевского «Анархисты».....	96
Лингвокультурология	
<i>Верховых Л.Н.</i> К изучению этапов развития отечественного лингвокраеведения.....	102
<i>Логвинова И.В., Шульдишова А.А.</i> Звуковые образы в сборнике М.А. Волошина «Демоны глухонемые» и поэме А.А. Блока «Двенадцать».....	114
Межкультурная коммуникация	
<i>Гао Ли</i> Образ матери в произведениях Чжан Айлин, Л. Улицкой и Л. Петрушевской: сопоставительный аспект.....	121
Концептология	
<i>Ковалева Л.В., Коростылева Н.Н.</i> Фразеологизация как универсальное явление в культурном языковом пространстве.....	127
Журналистика в историко-теоретическом аспекте	
<i>Сергеева Ю.М., Уварова Е.А.</i> Юмор как инструмент социального взаимодействия в эпоху глобальных катастроф (на материале интернет-мемов на тему COVID-19).....	132
Язык СМИ	
<i>Кудрявцева З.Г.</i> Виды нарративов в политическом дискурсе.....	142
Правила оформления статей	147

CONTENTS

<i>Kovaleva L.V.</i> Opening remarks of the chief editor	6
<i>On the 200th anniversary of F.M. Dostoevsky and N.A. Nekrasov</i>	
<i>Skuridina S.A., Novikova M.V., Popova Yu.S.</i> Hat, coat and boots as elements of the costume code in the novel “Crime and punishment” by F.M. Dostoevsky.....	7
<i>Koltsova L.M., Churikov S.A.</i> «I will give you the right word...» (N.A. Nekrasov’s winged expressions in the Russian language space).....	13
<i>Linguistics</i>	
<i>Ermakova N.L.</i> On the question about parcelation of additional in a complete comparative sentence.....	20
<i>Novichihina M.E., Drogaitseva M.A.</i> On the place of commercial nomination in onomastic space.....	27
<i>Abramova A.M.</i> Dialogizing the text as one of the basic stylistic methods of the linguistic discourse of the boundary of the XIX - XX centuries.....	36
<i>Kisel O.V.</i> The place of nickname as an identification sign in the onomastic system.....	43
<i>Popov S.A.</i> Materials for the «Dictionary of disappeared names of settlements of Voronezh region».....	49
<i>Methods of teaching languages</i>	
<i>Dubskikh A.I.</i> ESP teaching for engineering students using augmented reality technology.....	56
<i>Leskova E.V.</i> Phraseological units and business communication: learning business vocabulary in RCT classes.....	64
<i>Vedeneeva E.V.</i> Application of remote educational technologies problems in the process of learning Russian as a foreign language.....	69
<i>Literary text: aspects of study</i>	
<i>Koroleva I.A.</i> About the peculiarities of reading proper names in artistic text.....	73
<i>Abuzova N.Yu.</i> Semiotics of «country text» in the story of A.P. Gaidar «Timur and his team» (1940).....	79
<i>Novikova O.V., Lapynina N.N.</i> Syntax particularities of A.Varlamov (on the example of the novel «Soul my Paul»).....	89
<i>Rastorgueva V.S.</i> Chekhov’s context in novel “Anarhists” by A.Ilichevsky.....	96
<i>Language and culture studies</i>	
<i>Verkhovykh L.N.</i> To studying the stages of development of domestic linguistic regional studies.....	102
<i>Logvinova I.V., Shuldishova A.A.</i> Sound images in M.A. Voloshin’s collection “Demons deaf” and A.A. Block’s poem “Twelve”.....	114
<i>Intercultural communication</i>	
<i>Tao Li</i> The image of the mother in the works of Zhang Ailin, Lyudmila Ulitskaya and Lyudmila Petrushevskaya: a comparative aspect.....	121
<i>Concept studies</i>	
<i>Kovaleva L.V., Korostyleva N.N.</i> Phraseologisation as a universal phenomenon in the cultural linguistic space.....	127
<i>Journalism in historical and theoretical aspect</i>	
<i>Sergeeva Y.M., Uvarova E.A.</i> Humor as an instrument of social interaction in periods of global disasters (on the material of Internet-memes devoted to the COVID-19 pandemic).....	132
<i>Language of mass media</i>	
<i>Kudryavtseva Z.G.</i> The types of narrative in political discourse.....	142
<i>Layout of the articles</i>	147

Вступительное слово главного редактора

Представляем вниманию читателей сорок второй выпуск научного журнала «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» Воронежского государственного технического университета. Выпуск включает работы, посвященные актуальным проблемам различных областей научного знания – лингвистическим, литературоведческим, методическим и др.

Научный журнал состоит из следующих разделов: *I – «Лингвистика», II – «Методика преподавания языков», III – «Аспекты изучения художественного текста», IV – «Лингвокультурология», V – «Межкультурная коммуникация», VI – «Концептология», VII – «Журналистика в историко-теоретическом аспекте», VIII – «Язык СМИ».* Отдельно представлен раздел «К 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского и Н.А. Некрасова».

Авторы научных статей – доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов). В выпуске содержится 20 научных работ.

В раздел «К 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского и Н.А. Некрасова» входят работы воронежских исследователей-лингвистов (Л.М. Кольцова, С.А. Чуриков; С.А. Скуридина, М.В. Новикова, Ю.С. Попова). Раздел «Лингвистика» включает статьи, рассматривающие явление парцелляции (Н.Л. Ермакова), специфику номинации (М.Е. Новичихина, М.А. Дрогайцева; О.В. Кисель), диалогизации текста (А.М. Абрамова), а также принципы составления «Словаря исчезнувших названий населенных пунктов Воронежской области» (С.А. Попов). В разделе «Методика преподавания языков» представлены возможности обучения профессионально-ориентированному английскому языку студентов технических направлений с помощью технологии дополненной реальности (А.И. Дубских), проблемы применения дистанционных образовательных технологий в процессе обучения русскому языку как иностранному (Е.В. Веденева), а также рассматриваются принципы изучения фразеологизмов и бизнес-лексики на занятиях по РКИ (Е.В. Лескова). Раздел «Аспекты изучения художественного текста» содержит статьи, затрагивающие особенности прочтения имен собственных в художественном тексте (И.А. Королева), представляющие исследование семиотики гайдаровского «дачного текста» (Н.Ю. Абузова), выявляющие специфику синтаксиса А.Варламова (О.В. Новикова, Н.Н. Лапынина) и чеховский контекст в романе А. Иличевского «Анархисты» (В.С. Расторгуева). Раздел «Лингвокультурология» содержит работы, которые освещают этапы развития отечественного лингвокраеведения (Л.Н. Верховых) и анализируют звуковые образы в творчестве М.А. Волошина и А.А. Блока (И.В. Логвинова, А.А. Шульдишова). В разделе «Межкультурная коммуникация» представлено исследование образа матери в произведениях Чжан Айлин, Л. Улицкой и Л. Петрушевской (Тао Ли). В разделе «Концептология» рассматривается фразеологизация как универсальное явление в культурном языковом пространстве (Л.В. Ковалева, Н.Н. Коростылева). Раздел «Журналистика в историко-теоретическом аспекте» включает работу, представляющую юмор как инструмент социального взаимодействия в эпоху глобальных катастроф (Ю.М. Сергеева, Е.А. Уварова). В разделе «Язык СМИ» рассматриваются виды нарративов в политическом дискурсе (З.Г. Кудрявцева).

Содержащиеся в выпуске 4(43) научные работы затрагивают проблемы современной лингвистики, журналистики, методики преподавания, межкультурной коммуникации, изучения языка художественных текстов и СМИ. Данное издание может быть интересно специалистам-филологам, журналистам, методистам, преподавателям русского языка как иностранного, учителям школ, гимназий и лицеев, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Ковалева Л.В.

**К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И Н.А. НЕКРАСОВА
ON THE 200-TH ANNIVERSARY
OF F.M. DOSTOEVSKY AND N.A. NEKRASOV**

УДК 81

10.36622/AQMPJ.2021.10.12.001

*Воронежский государственный
технический университет
доктор филологических наук, доцент
зав. кафедрой русского языка
и межкультурной коммуникации
Скуридина С.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(920)404-04-48;
e-mail: saskuridina@ya.ru*

*Voronezh State Technical University
Doctor of Philology, associate
professor, department chairman,
the chair of Russian language and cross-cultural
communication,
Skuridina S.A.
Russia, Voronezh, +7(920)404-04-48
e-mail: saskuridina@ya.ru*

*Воронежский государственный
технический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и
межкультурной коммуникации
Новикова М.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-919-246-6211
e-mail: litra.novikov@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
PhD, associate professor
Novikova M.V.
Russia, Voronezh, tel. +7-919-246-6211
e-mail: litra.novikov@yandex.ru*

*Воронежский государственный
технический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и
межкультурной коммуникации
Попова Ю.С.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-226-2368
e-mail: buka1621@rambler.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
PhD, associate professor
Popova Ju.S.
Russia, Voronezh, tel. +7-920-226-23-68
e-mail: buka1621@rambler.ru*

С.А. Скуридина, М.В. Новикова, Ю.С. Попова

**ШЛЯПА, ПАЛЬТО И САПОГИ КАК ЭЛЕМЕНТЫ КОСТЮМНОГО КОДА В РОМАНЕ
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО**

Статья посвящена анализу костюмного кода, представленного наименованиями предметов одежды в гардеробе Родиона Раскольникова в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». В настоящее время костюмный код художественной литературы, являющий собой систему наименований предметов гардероба (включая аксессуары), объективизированную в виде модели в определенном историческом хронотопе, является малоизученным элементом индивидуально-авторского стиля, несмотря на то что наименования одежды, включаемые писателем в текст произведения, предоставляя читателю разноплановую информацию, способствуют визуализации художественного образа. По мнению авторов работы, костюмный код романа «Преступление и наказание» автобиографичен: Ф.М. Достоевский уделял своему гардеробу особое внимание, о чем свидетельствуют воспоминания его жены и современников. Элементы костюма Раскольникова выявляют «расколотость» его внутреннего мира, в связи с чем для их описания используются глаголы с деструктивной семантикой. Писатель намеренно вводит описание гардероба Раскольникова, тем самым создавая дополнительные коннотации, помогающие глубже проникнуть во внутренний мир героя. Его костюм демонстрирует не столько эстетические предпочтения, неся

индивидуализирующую функцию, сколько помогает транслировать внутреннее состояние, приоткрывая тайну психологического состояния героя, поясняя мотивы его поступков. В исследовании выделены три доминанты в описании костюма персонажа: пальто, шляпа, сапоги. Они связаны с архетипическими образами и мотивами (путь, род, мышление, статус, раскол). Семантика данных образов многоаспектна. Она позволяет выявить духовно-ценностный мир героев, помогая интерпретировать художественный мир Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: костюмный код, костюм, гардероб, Ф.М. Достоевский, «Преступление и наказание», Раскольников.

S.A. Skuridina, M.V. Novikova, Yu.S. Popova

HAT, COAT AND BOOTS AS ELEMENTS OF THE COSTUME CODE IN THE NOVEL "CRIME AND PUNISHMENT" BY F.M. DOSTOEVSKY

The article is devoted to the analysis of the costume code represented by the names of items of clothing in Rodion Raskolnikov's wardrobe in F.M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment". Currently, the costume code of fiction, which is a system of names of wardrobe items (including accessories) objectified in the form of a model in a certain historical chronotope, is a little-studied element of the individual author's style, despite the fact that the names of clothes included by the writer in the text of the work, providing the reader with diverse information, contribute to the visualization of the artistic image. According to the authors of the work, the costume code of the novel "Crime and Punishment" is autobiographical: F.M. Dostoevsky paid special attention to his wardrobe, as evidenced by the memoirs of his wife and contemporaries. The elements of Raskolnikov's costume reveal the "cleavage" of his inner world, in connection with which verbs with destructive semantics are used to describe them. The writer intentionally introduces a description of Raskolnikov's wardrobe, thereby creating additional connotations that help to penetrate deeper into the inner world of the hero. His costume demonstrates not so much aesthetic preferences, carrying an individualizing function, as it helps to broadcast the inner state, revealing the secret of the psychological state of the hero, explaining the motives of his actions. The study identified three dominants in the description of the character's costume: coat, hat, boots. They are associated with archetypal images and motives (path, gender, thinking, status, split). The semantics of these images is multidimensional. It allows us to reveal the spiritual and value world of the heroes, helping to interpret the artistic world of F.M. Dostoevsky.

Keywords: costume code, costume, wardrobe, F.M. Dostoevsky, "Crime and punishment", Raskolnikov.

В настоящее время костюмный код художественной литературы является малоизученным элементом индивидуально-авторского стиля. Костюмный код – это система наименований предметов гардероба (включая аксессуары), представленная в виде модели в определенном историческом хронотопе. Данная модель воспринимается как действующее в настоящий момент правило, отклонение от которого может нести значимую информацию для читателя художественного текста, представляющего своего героя в определенном времени-пространстве: «Костюм рассчитан на массовое восприятие, поэтому он во все времена был сложной знаковой системой и давал опытному наблюдателю обильную и разнообразную информацию о хозяине (даже когда его видели издалека, со спины, если не разговаривали с ним и т.п.), часто заменяя обширное современное личное досье» [1].

Ф.М. Достоевский внимательно относился к своему костюму с юности. Доктор С.Д. Яновский, к которому приехал писатель на осмотр, вспоминал свое первое впечатление от знакомства с Ф.М. Достоевским в 1846 году: «Одет он был чисто и, можно сказать, изящно; на нем был прекрасно сшитый из превосходного сукна черный сюртук, черный казимировый жилет, безукоризненной белизны голландское белье и циммермановский цилиндр; если что и нарушало гармонию всего туалета, это не совсем красивая обувь и то, что он держал себя как-то мешковато, как держат себя не воспитанники военно-учебных заведений, а окончившие курс семинаристы» [2]. В воспоминаниях младшего брата писателя А.М. Достоевского есть любопытный факт, касающийся обсуждения платья во время регулярных чаепитий в компании с домочадцами старейшего врача Мариинской больницы для бедных К.А. Щировского: «Предметом разговора были базарные цены на говядину, телятину, рафинад и меласс и т. п., а далее про ситцы и другие материи и про покрой платьев. В то старое патриархальное время дамы среднего сословия, и даже высшего, но незначительно богатые, шили и кроили все платья, даже и дорогие, шелковые, визитные, своими собственными руками, а швейных машин не было и в помине. Отдавать же платья на пошив портнихам считалось даже зазорным. Я всегда, бывало, присутствовал при этих разговорах, и они крепко запали мне в память!» [3]. Полагаем, что подобные беседы мог слышать и Ф.М. Достоевский.

Позднее, уже будучи женатым во второй раз, Ф.М. Достоевский не изменил своей привычке хорошо одеваться, о чем упоминает Анна Григорьевна Достоевская в своем дневнике: «Мне нужно

что-нибудь купить, я хожу в рваном платье, в черном, гадко одетая, но я ему ничего не говорю, что мне, может быть, очень хотелось бы одеваться порядочно. Я думаю, авось он сам догадается, авось сам скажет, что вот надо и тебе купить платьев летних, они же здесь ведь так недорого стоят. Ведь о себе он позаботился и купил в Берлине и в Дрездене заказал платье, а у него тогда не хватило заботы о том, что и мне следовало бы себе сделать, что я так скверно одета» [4].

В романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» костюм является индикатором состояния главного героя, описанию внешнего вида которого Ф.М. Достоевский уделяет большое внимание: «...Слишком уж на нем был скверен костюм...»; «...но, боже мой, какой у него костюм, как он ужасно одет!...» [5; с. 76, 173]. Подобные указания на особенности гардероба Раскольникова наталкивают читателя на мысль о том, что главный герой романа – человек небольшого материального достатка, поскольку «одежда выполняет функцию знака: она несет на себе отпечаток статусной позиции человека» [1]. Все персонажи романа, которых встречает Раскольников, охарактеризованы с «костюмной» точки зрения соответствия/несоответствия занимаемому положению. Раскольников обращает внимание на «совершенно оборванный черный фрак, с осыпавшимися пуговицами» Мармеладова, на «очень щеголевато» одетого Свидригайлова, на одетого «по моде и фатом» письмоводителя с «золотыми цепями на жилете», на «простенькое домашнее платьице» Сони Мармеладовой, на «цвета светлые и юношественные» в верхней одежде Лужина и на его «только что купленное тонкое белье» и т.д. [5; с. 12, 40, 76, 181, 114].

Изображая бедное платье Раскольникова, автор ведет читателя к дальнейшей мысли о бедности как явлении, толкающем на преступление, ведь костюм не только до неузнаваемости изменяет внешность своего владельца, но и перекраивает его внутренний мир. В этом смысле эмблематичны слова Мармеладова, произнесенные в момент знакомства с Раскольниковым: «... бедность не порок, это истина, <...> но нищета, милостивый государь, нищета – порок-с. В бедности вы еще сохраняете свое благородство врожденных чувств, в нищете же никогда и никто» [5; с. 13]. Автор, описывая костюм Раскольникова, пытается показать, что страшны не лохмотья, которые он носит, а то состояние, которое они рождают в человеке.

Интересно обратить внимание на описание такой детали гардероба героя, как шляпа (головной убор является обязательной составляющей мужского дворянского костюма XIX века): «Шляпа эта была высокая, круглая, циммермановская, но вся уже изношенная, совсем рыжая, вся в дырах и пятнах, без полей и самым безобразнейшим образом заломившаяся на сторону» [5; с. 7]. В этом описании прослеживаются автобиографические детали, связанные с жизнью самого автора и реалиями эпохи, поскольку «Циммерман – известный в Петербурге владелец фабрики «круглых и форменных шляп» и магазина головных уборов на Невском проспекте, в доме церкви Св. Петра. В его магазине была куплена шляпа самого Ф.М. Достоевского [5; с. 363]. В описании головного убора Раскольникова содержится противопоставление: с одной стороны, характеристики, подчеркивающие статусность («высокая, круглая, циммермановская»), с другой стороны, абсолютно непригодная к носке шляпа, не защищающая от плохих погодных условий. На наш взгляд, состояние шляпы всецело отражает душевное состояние героя: «исковерканная» шляпа, «самым безобразнейшим углом заломившаяся на сторону» [5; с. 117, 7], соотносится с деформировавшимся сознанием героя. Неслучайно в описании шляпы используются причастия, мотивированные глаголами с корнем, отражающими деструктивную семантику (*лом-*; *коверк-*), что контекстуально соотносится с фамилией героя, в корне которой также актуализируется деструктивная семантика [см.: 7]). Так, герой с расколотым сознанием, с «разбитым телом» [5; с. 49], в заломившейся циммермановской шляпе обитает в расколотом мире, где даже мыло лежит «на расколоте блюдечке» [5, с. 14]. Раскол внутреннего мира героя объясняется разделением «на две половины, одна из которых пытается утвердиться в мысли о том, что он «право имеющий», другая осознает, что он всего лишь «тварь дрожащая» [5, с. 212].

Описание шляпы Раскольникова навязчиво повторяется в романе: «...сей пальмерстон (он достал из угла исковерканную круглую шляпу Раскольникова, которую, неизвестно почему назвал пальмерстоном)» [5; с. 101]. Во времена Ф.М. Достоевского пальмерстоном называли длинное приталенное мужское с или женское пальто с узкими рукавами [8]. Название одежды восходит к фамилии английского политического деятеля Генри Пальмерстона, который отдавал предпочтение этому фасону пальто. В подобном контексте шляпа как деталь, олицетворяющая собой теорию Раскольникова, и наименование *пальмерстон*, связанное с образом успешного политического деятеля Пальмерстона, выявляют не только авторскую иронию, обусловленную негодующим отношением прогрессивной общественности к позиции Пальмерстона во время Крымской войны (1853–1856). Называя шутливо

именем *Пальмерстона* шляпу Раскольников, Разумихин намекает на ее ветхость и устарелость. Полагаем, что, кроме иронии, наименование *пальмерстон* актуализирует мотив выбора (по христианской традиции – свобода выбора): Раскольников может выбрать свою «исковерканную» шляпу, олицетворяющую разрозненные мысли и давление окружения на него, или же выбрать головной убор по статусу (картуз), успокоенные мысли и новый образ (мотив переодевания, связанный с изменением (возможно, обновлением) личностных установок, сопровождает героя на протяжении всего романа). Коррелирует с намерениями Раскольникова прозвище Пальмерстона – «поджигатель всех смут и всех революций». В одном из стихотворений П.А. Вяземского Пальмерстон именуется пророком, представляя на самом деле в образе лжепророка.

До сих пор нет единого мнения, для чего Раскольников убил старуху, каковы были его истинные мотивы: проверить себя или возможность существования своей теории, помочь бедным, изменить свое социальное положение и т.д. Д.И. Писарев в своей работе «Борьба за жизнь» утверждает, что герой под давлением социальной действительности, убивает старуху из-за нищеты. И.Ф. Фархатова считает, что только лишь социальным мотивом нельзя оправдать поступок Раскольникова: «И хотя мотив бедности не снимается, всем строем своего романа <...> автор доказывает, что в основе его произведения – не простое уголовное дело, а философски обоснованное, опирающееся на логически выстроенную теорию преступление <...> именно эта теория, а не само преступление, есть порождений неприятия социальной действительности» [9, с. 96]. Обращаясь к тексту романа, мы видим подтверждение этой мысли: богатство, полученное после убийства, он не применил по назначению, не раздал нуждающимся, не использовал, чтобы изменить свое бедственное положение, отсюда напрашивается вывод о том, что убийство было совершенно вовсе не для наживы, и не для того, чтобы раздать бедным, а с целью проверить, испытать себя: «Мне надо было узнать тогда и поскорей узнать, вошь ли я, как все, или человек?» [5; с. 322]. Исходя из выше приводимых доказательств, можем сделать вывод, что ключевым мотивом для совершения убийства было желание Раскольникова проверить свой потенциал, но это вовсе не исключает состояние бедности, довлеющей над героем и способствующей зарождению подобных идей в его голове.

В.К. Кантор указывает на скромность детализированных портретных штрихов в романах Ф.М. Достоевского, но «если уж он уцепится за какую-нибудь вещь, то вырастает она в символ человеческой жизни» [10]. Именно так происходит с описанными деталями гардероба героя, каждая из них символизирует его чувства и мысли.

Именно головному убору в романе уделяется большое внимание. Разумихин, принеся новую одежду Раскольникову, подчеркивает главную роль в costume этого атрибута, который выполняет не только утилитарную функцию (защищает от холода, ветра, осадков, жары), демонстрирует эстетические представления человека (выбор фасона и цвета, соответствие моде), но и раскрывает его статусную позицию в обществе («самая первейшая вещь в costume, своего рода рекомендация» [5; с. 101]). Эту мысль Разумихин подкрепляет примером приятеля Толстякова, который вынужден все время снимать свою «покрышку» или «гнездо» (такие нелестные слова употребляются вместо названия головной убора) [5; с. 101]. Но жест этот окружающие воспринимают как принижение героя перед другими. Важно, чтобы вещь соответствовала своему статусу и была одобрена другими членами общества, к которому принадлежит человек.

Раскольников все время боится, что его шляпа станет приметной деталью, по которой его смогут опознать свидетели. И это станет связующим звеном, указывающим на него как на убийцу. Головной убор традиционно отождествляется с верхней частью тела – головой, которая «ассоциировалась с верхом, главенством... рассматривалась какместилище души и ума» [11]. Шляпа Раскольникова, как мы отмечали ранее, отражает его характер, надломленность, неустроенность, постоянное движение мыслей в голове. Несмотря на страх, быть узнанным по шляпе, герой совершает преступление именно в ней. Помимо приметности из-за нелепости, автор подчеркивает наличие пятен на шляпе, которые олицетворяют темные места в психике героя. Затем пятна появляются и на обуви Раскольникова (именно после совершения убийства), то есть не только мысли стали неясны и кровавы, но и выбранный героем путь.

Пальто Раскольникова, упоминаемое на страницах романа, тоже не становится исключением: «Машинально потащил он лежащее подле, на стуле, бывшее его студенческое зимнее пальто, теплое, но уже почти в лохмотьях...»; «...так как пальто было очень широкое, настоящий мешок...» [5; с. 71, 57]. Как отмечает К.В. Гарнова, «именно в нем (т.е. в пальто) Раскольников проносит орудие убийства – топор <...> и сам пытается «спрятаться» при помощи этого же пальто» [12]. Мешковатость

пальто имеет двойственное значение: скрыть орудие убийства, скрыть самого героя. Пальто выступает неким атрибутом, скрывающим его от «расколотого» мира, а вместе с ним и скрывающим его «расколотые» мысли. Отправляясь к старухе-процентщице, Раскольников постоянно прокручивает весь план в голове, но при этом, ни разу не называет те действия, которые он собирается совершить, убийством, заменяя данное слово другими – более общими по семантике: «когда я вышел делать эту...*пробу*», «о том, что *дело* надо сделать топором» [5; с. 7, 57] и т.д. Полагаем, происходит это по той причине, что он не готов к реализации собственной теории, не готов к роли, которую отвел себе. Символика гардероба в этом смысле вновь синонимична его теории и всему, что он с ней связывает. Ведь если спрятаться за бесформенным пальто, то вроде и незаметно, что ты несешь орудие убийства, а если не называть вещи своими именами, то ты их и не совершал. Возможно, с этим связана и оговорка, допущенная Ф.М. Достоевским, когда пальмерстоном названа шляпа, тогда как это пальто, как будто Раскольников и свою голову хочет спрятать в пальто, чтобы скрыться от идей, его преследующих.

Еще одним неизменным атрибутом костюма является обувь. Традиционно она связана с мотивами пути человека, его опоры, а также принадлежностью к роду, корням. Эта составляющая костюма упоминается в романе 22 раза. Размышляя о возможности поправить свой костюм на деньги, полученные от уроков, найденных для него Разумихиным, Раскольников отмечает, «что можно даже и сапоги купить» [5; с. 44]. Но именно отсутствие нормальной обуви становится причиной отказа героя от работы с детьми. Состояние его собственных сапог удручает героя (впоследствии о костюме Раскольникова Разумихин скажет: «в рубище и в сапогах без подметок» [5; с.206-207]), в связи с чем прогнозируемым становится то, что Раскольников обращает внимание на сапоги окружающих его людей: в распивочной в эпизоде, предшествующем знакомству Раскольникова с Мармеладовым, время от времени появляется хозяин заведения, «спускаясь в нее откуда-то по ступенькам, причем прежде всего выказывались его щегольские смазные сапоги с большими красными отворотами» [5; с.11]. Особую роль этой части костюма отмечает и Разумихин. Он наделяет людей, которые носят сапоги, качествами, помогающими в работе: деловитость, толковость, энергичность. При этом отмечается, что эти качества присущи не молодым и горячим людям, а хорошо и крепко стоящим на своем пути, уверенным в том, что они делают, идущим по своей дороге.

Важность этого атрибута портретной характеристики Раскольникова отмечена автором. После убийства герой внимательно осматривает свой костюм, не замечая на нем сначала пятен. Но именно сапоги оказываются запачканными в крови после убийства старухи. Внешне герой остался как будто незапятнанным, но образ этой обуви будет все время преследовать его после убийства. Оторванность от корней, от рода все время гонит его из дома. Он стремится выйти из дома, все время проваливается в сон, в бред. Реальность смешивается с болезненным состоянием, не отпуская его.

Когда Разумихин приносит Раскольникову новые сапоги, то отмечает, что прежняя обувь не просто дырявая и грязная, она чудовищна. Распаковка и примерка новой пары наполнены комизмом. Разумихин отмечает, что сапоги поношенные, хватит их на два месяца, но при этом предыдущий хозяин их носил всего шесть дней. Также он уважительно отзывается о качестве пары. Изготовлены они не в России и носил их секретарь английского посольства. Таким образом, проявляется мотив другого пути, возможности выбора, который стоит перед Раскольниковым: пойти по своему пути (сапоги без подметок – испачканные кровью сапоги) или же выбрать иной путь (новая обувь, но она уже ношенная). И этот новый путь тоже не его собственный, хотя размер сапог был восстановлен по старой паре. Эта перемена свидетельствует о том, что идти по старой дороге герой не может, он потерял свою связь с родом, с семьей, непрочно стоит на ногах. Но и по-другому он тоже не может. Другая пара обуви тоже не дает ему возможности двигаться к успокоению, не приносит радости и облегчения, несмотря на заикленность героя на этом элементе одежды и его особом символизме. И если головной убор Раскольникова меняется со шляпы на фуражку, то обувь остается прежней – сапоги. То есть перемены происходят в мыслях героя, но не в выбранной им дороге, жизненном пути.

Интересно, что в портрете Раскольникова четко прослеживается контраст внешности («...он был замечательно хорош собою, с прекрасными темными глазами, темно-рус, ростом выше среднего, тонок и строен...» [5; с. 6] (это отмечает как автор, так и мать), как и его сестра Авдотья Романовна: «была замечательно хороша собою – высокая, удивительно стройная» [5; с. 157]) и костюма. Насколько герой приятен внешне, настолько ужасен его костюм. Он полностью не соответствует его статусу, а Раскольникову, несомненно, важно мнение окружающих.

Как видим, костюмный код – значимый элемент языка Ф.М. Достоевского. Писатель намеренно вводит описание гардероба Раскольникова, тем самым создавая дополнительные коннотации, помогающие глубже проникнуть во внутренний мир героя. Гардероб Раскольникова – это не просто пред-

меты одежды, отражающие особенности эпохи, в которой существует герой, это вещи, тождественно связанные с его сознанием. Автор описывает внешний вид героя с особенной тщательностью, останавливаясь не только на чертах внешности, но и на деталях костюма. В тексте упоминается множество предметов гардероба Раскольникова: его верхняя одежда, головные уборы и даже нижнее белье и носки. Некоторые из этих предметов несут не только визуальные характеристики, но и становятся ключевыми деталями, наделенными мотивной функцией (это пальто, шляпа, обувь).

Библиографический список

1. Попова Ю.С. «Язык одежды» в произведениях И.А. Бунина // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2012, № 2 (46), с. 186.
2. Яновский С.Д.. Воспоминания о Достоевском // Достоевский Ф. М. в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1990. С. 231.
3. Достоевский А.М. Из «Воспоминаний» // Достоевский Ф. М. в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1990. С.44-45.
4. Достоевская А.Г. Из «Дневника 1867 года» // Достоевский Ф. М. в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1990. С. 81-82.
5. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Т. 6. Ленинград : Наука, 1972–1988.
6. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Т. 7. Ленинград : Наука, 1972–1988.
7. Скуридина С.А. Антропоним Раскольников в романе Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» // Литература в школе. 2017. № 12. С. 8-9.
8. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz/15938> (дата обращения – 24.10.21).
9. Фархатова И.Ф. Преступление Родиона Раскольникова // Уголовно-исполнительное право. 2006. № 1 (1). С. 96.
10. Кантор В.К. В поисках личности: опыт русской классики. Электронный ресурс: <https://culture.wikireading.ru/25611> (дата обращения – 27.10.21).
11. Топорков А.Л. Заговоры в русской рукописной традиции XV-XIX вв.: история, символика, поэтика. М. : Индрик, 2005. 478 с.
12. Гарнова К.В. О некоторых функциях костюма в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Научные исследования и разработки молодых ученых. 2014. № 2. С.122.

References

1. Popova Yu.S. "The language of clothing" in the works of I.A. Bunin // Scientific notes of the Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences, 2012, No. 2 (46), p. 186.
2. Yanovsky C.D.. Memories of Dostoevsky // Dostoevsky F. M. in the memoirs of contemporaries. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Art. lit., 1990. p. 231.
3. Dostoevsky A.M. From "Memories" // Dostoevsky F. M. in the memoirs of contemporaries. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Art. lit., 1990. pp.44-45.
4. Dostoevskaya A.G. From the "Diary of 1867" // Dostoevsky F. M. in the memoirs of contemporaries. In 2 t. T. 2. M.: Khudozh. lit., 1990. P. 81-82.
5. Dostoevsky F. M. Complete works in 30 volumes, vol. 6 Leningrad : Nauka, 1972-1988.
6. Dostoevsky F. M. Complete works in 30 volumes. vol. 7. Leningrad : Nauka, 1972-1988.
7. Skuridina S. A. The anthroponym of Raskolnikov in the novel by F.M.Dostoevsky's "Crime punishment" // Literature at school. 2017. No. 12. pp. 8-9.
8. Encyclopedia of Brockhaus and Efron. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz/15938> (date of appeal - 24.10.21).
9. Farkhatova I.F. Crime of Rodion Raskolnikov // Penal enforcement law. 2006. No. 1 (1). p. 96.
10. Kantor V.K. In search of personality: the experience of Russian classics. Electronic resource: <https://culture.wikireading.ru/25611> (date of circulation - 27.10.21).
11. Toporkov A.L. Conspiracies in the Russian manuscript tradition of the XV-XIX centuries: history, symbolism, poetics. Moscow : Indrik, 2005. 478 p.
12. Garnova K.V. About some of the functions of the costume in F.M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" // Scientific research and development of young scientists. 2014. No. 2. p.122.

УДК 811.161.1'42
10.36622/AQMPJ.2021.11.65.002

*Воронежский государственный университет
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка,
Кольцова Л.М.
Россия, г. Воронеж, тел. +79009441389
e-mail: kolzowa@mail.ru*

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
Чуриков С.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +79204498200
e-mail: churikovsa@yandex.ru*

*Voronezh State University
Doctor of Philology,
Professor of Department of Russian language,
Koltsova L.M.
Russia, Voronezh, tel. +79009441389.
e-mail: kolzowa@mail.ru*

*PhD, associate Professor
of Department of Russian language
Churikov S.A.
Russia, Voronezh, tel. +79204498200
e-mail: churikovsa@yandex.ru*

Л.М. Кольцова, С.А. Чуриков

**«Я ДАМ ВАМ СЛОВО ВЕРНОЕ...»
(«КРЫЛАТИКА» Н.А. НЕКРАСОВА В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ)**

В статье, посвященной двухсотлетию великого русского поэта Николая Алексеевича Некрасова, рассматриваются крылатые выражения поэта, широко представленные в русской речи второй половины XIX – начала XXI веков. Опираясь на проведенное исследование, авторы называют наиболее частотные крылатые строки Н.А. Некрасова и указывают на то, что общее число крылатых единиц, восходящих к его произведениям, более трехсот. На примере пяти широко употребительных некрасовских фраз демонстрируются особенности бытования «крылатики» Н.А. Некрасова в текстах различных стилей и жанров. Полученные данные не оставляют сомнений в том, что Н.А. Некрасов относится к числу самых цитируемых русских писателей, а многие строки из его поэтических произведений входят в ядро фонда крылатых единиц отечественной культуры, превратившись в общенациональные афоризмы.

Ключевые слова: Н.А. Некрасов, поэтический язык, крылатые выражения, цитаты.

L.M. Koltsova, S.A. Churikov

**«I WILL GIVE YOU THE RIGHT WORD...»
(N.A. NEKRASOV'S WINGED EXPRESSIONS IN THE RUSSIAN LANGUAGE SPACE)**

The article, dedicated to the bicentennial of the great Russian poet Nikolai Alekseevich Nekrasov, examines the poet's winged expressions, widely represented in Russian speech in the second half of the 19th - early 21st centuries. Based on the conducted research, the authors list the most frequent catch phrases of N.A. Nekrasov and indicate that the total number of his catchphrases exceeds 300. On the example of five widely used Nekrasov phrases, the features of the existence of the winged expressions of N.A. Nekrasov in texts of various styles and genres. The data obtained show that N.A. Nekrasov is one of the most cited Russian writers, and many lines from his poetic works are included in the core of the fund of winged units of Russian culture, turning into nationwide aphorisms.

Key words: N.A. Nekrasov, poetic language, popular expressions, quotations.

*Он проповедует любовь
Враждебным словом отрицанья
Н.А. Некрасов. Блажен незлобивый поэт*

Двухсотлетие со дня рождения великого русского поэта Николая Алексеевича Некрасова – нелишний повод еще раз обратиться к творчеству поэта, который жил, мыслил и страдал, исповедуя убеждения: «...горе и стыд тем, кто приносит истину в жертву корысти и самолюбию!.. Стыд

всем сплетничающим, клеветующим, барышничаящим, обращающим благородное орудие литератора – мысль и слово – в орудие личных своих интересов и страстей» [1, с. 329]. Следуя правилу «чтобы словам было тесно, а мыслям – просторно», Н.А. Некрасов стал автором множества афоризмов и крылатых выражений, которые прочно и навсегда вошли в русское языковое пространство.

Высочайшая ценность многогранного и многомерного творчества Н.А. Некрасова давно признана просвещенным обществом, филологической и педагогической наукой, о чем свидетельствует то, что именем поэта названы улицы и скверы наших городов, музеи и библиотеки, школы и высшие учебные заведения. Его наследию посвящены труды многих филологов и литераторов, среди которых нельзя не отметить работы В.И. Есина, Б.О. Кормана, Г.В. Краснова, Ю.В. Лебедева, Б.В. Мельгунова, Н.Н. Мостовской, В. Рымашевского, Н.Н. Скатова, К.И. Чуковского. Есть среди них место и исследованиям воронежских ученых и писателей: В.А. Малкина, Г.А. Шпилевой, В.В. Будакова и мн. др.

Особого внимания и признания заслуживает прекрасный «Библиографический указатель о Н.А. Некрасове», подготовленный информационно-библиографическим отделом ЦУНБ им. Н.А. Некрасова. Первый выпуск указателя содержит сведения о книгах и авторефератах диссертаций [2], а второй – работы, опубликованные на русском языке в СССР и Российской Федерации в сборниках статей, материалах конференций, монографиях, учебных и методических пособиях, периодических изданиях и пр. [3]. Этот библиографический указатель сам по себе свидетельствует о значении и значимости Н.А. Некрасова для русской культуры.

Творчество Н.А. Некрасова неисчерпаемо и непреходяще. И есть в нем языковые явления, которые, несмотря на их особую ценность, не получили пока достаточного, на наш взгляд, представления в исследованиях языковедов. К таким явлениям относятся крылатые выражения, ставшие неотъемлемой принадлежностью той живой народной речи, о которой сам Н.А. Некрасов говорил, что в ней есть «слово меткое, какого не придумаешь, хоть проглоти перо». Авторитетнейший исследователь творчества Н.А. Некрасова Н.Н. Скатов писал: «...способность дать общенациональные афоризмы – признак великого поэта; в этом смысле Некрасов пока что наш последний великий поэт» [4: 270].

Не вызывает сомнений, что многие строки из поэтических произведений Н.А. Некрасова входят в ядро фонда крылатых единиц русской культуры. Отдельные некрасовские фразы и выражения представлены уже в словарях конца XIX – начала XX вв. Так, в известном лексикографическом труде М.И. Михельсона «Русская мысль и речь» [5] обнаруживаем такие крылатые единицы, как «Есть женщины в русских селениях», «Зеленый шум» и др. В словарях крылатых выражений и цитат русского языка советской эпохи представлено около 40 крылатых выражений и цитат из произведений великого поэта (см., например, [6] и др.). Еще более представительные подборки некрасовской «крылатики» находим в современных словарях. Так, в «Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка» [7] включено описание 50 фраз и выражений, создателем которых является Н.А. Некрасов. А в «Большом словаре цитат и крылатых выражений» [8] зафиксировано около 150 цитат из произведений великого поэта.

Однако, как показывают наши исследования, в русской речи XX–XXI веков представлено более 300 крылатых единиц поэта. Самыми частотными некрасовскими фразами, по нашим данным, являются: *Кому на Руси жить хорошо?* (название знаменитой поэмы); *Есть женщины в русских селениях* («Мороз, Красный нос»); *Коня на скаку остановит, // В горящую избу войдет* («Мороз, Красный нос»); *Пройдет, словно солнцем осветит, посмотрит – рублем одарит* («Мороз, Красный нос»), *Размышления у парадного подъезда* (название известного стихотворения); *Жаль только: жить в эту пору прекрасную // Уж не придется ни мне, ни тебе...* («Железная дорога»); *Этот стон у нас песней зовется* («Размышления у парадного подъезда»); *Вот придет барин – барин нас рассудит* («Забывшая деревня»), *Правилу следуй упорно: // Чтоб словам было тесно, // Мыслями просторно* («Форма. Подражание Шиллеру»); *Бывали хуже времена, // Но не было подлей* («Современники»), *Писать для публики, для света – // Удел не русского поэта* («Чуть-чуть не говоря...»); *Где ж как не в буре, // И развернуться славянской натуре?* («Псовая охота»); *Как ни дорого бедному жить, // Умирать ему вдвое дороже* («О погоде»); *Нужны нам великие могилы, // Если нет величия в живых* («Ты не забыта...»); *То сердце не научится любить, // Которое устало ненавидеть* («Замолкни, Муза мести и печали!...»); *Сбирается с силами русский народ // И учится быть гражданином* («Кому на Руси жить хорошо»); *Поэтом можешь ты не быть, // Но гражданином быть обязан* («Поэт и гражданин»);

Братья-писатели, в нашей судьбе // Что-то лежит роковое («В больнице»); Злобою сердце питаться устало – Много в ней правды, да радости мало («Саша»); Сейте разумное, доброе, вечное. // Сейте! Спасибо вам скажет сердечное // Русский народ («Сеятелям»); Покажет Русь, что есть в ней люди, // Что есть грядущее у ней... («Несчастные»).

Мы сосредоточим наше внимание только на нескольких крылатых выражениях, приобретших особую злободневность в языке последних десятилетий в той обстановке, о которой с глубокой горечью в блистательной статье «За что мы не любим Некрасова» писал ушедший от нас 29 октября 2021 года выдающийся исследователь творчества поэта Н.Н. Скатов: «Думаю, что наше неприятие Некрасова может определяться не только его устарелостью, но и его злободневностью – иногда до жути. <...> Не то поэт стремительно и неожиданно догнал будущее, не то мы столь же стремительно и внезапно оказались в прошлом. Как будто, пробивая какие-то исторические этажи, кувырком пролетаем вниз. <...> Ну прямо какая-то безумная машина времени, да и только! Прогресс наоборот. Впрочем, полюбуйтесь: вот некоторые фрагменты и голоса некрасовской поэмы [«Современники»]:

Я заснул...

Мне снились планы

О походах на карманы

Благодушных россиян.

И, ощупав мой карман,

Я проснулся...

Шумно... В уши

Словно бьют колокола,

Гомерические куши,

Миллионные дела,

Баснословные оклады,

Недовыручка, дележ,

Рельсы, шпалы, банки, вклады –

Ничего не разберешь!..

Вот и мы так – проснулись. И – «ничего не разберешь» [4; с. 280-284].

Вне всякого сомнения, в этом ряду первое место занимает некрасовский вопрос, ставший риторическим: «Кому на Руси жить хорошо?» Кто из думающих и любящих Родину людей не задается этим вопросом?! Приведем несколько из многочисленных примеров (большинство из которых взято нами из «Национального корпуса русского языка» [9]):

Владимир Путин еще раз подчеркнул, что главная задача бюджетной политики, в том числе и в 2003 году, – повышение уровня благосостояния россиян. Правительство должно постоянно задаваться вопросом: «Кому на Руси жить хорошо?» «Ответ будет не очень радостным для нас», – подытожил президент. (Труд-7, 2002.05.31).

– Андрей Михайлович, но все-таки сам рост и укрепление рубля нам нужны или нет? Конечно, я за сильный рубль, но Вы опять не туда клоните!

- Все дело в том, что в моем понимании «сильный» означает совсем другое, а не то, к чему вас приучили по телевизору! Чтобы разобраться в этой проблеме, надо прислушаться к словам Некрасова, спросившего когда-то у самого себя: «А кому на Руси жить хорошо?», а уж затем курсы валютные анализировать. (РБК Daily, 2004.02.26).

Еще Николая Некрасова интересовало, «кому на Руси жить хорошо». С выхода поэмы прошло полтора века, а вопрос, ставший риторическим, не теряет своей актуальности. Росстат пошел дальше и оценил индекс стоимости жизни в городах России. (Комсомольская правда, 03.05.2011).

Специалисты досконально изучили вопрос «Кому на Руси жить хорошо», волнующий всех жителей нашей необъятной страны. Конечно, объезжать города и веси и приставать к каждому встречному-поперечному они не стали. <...> Специалисты Института региональной информации взяли данные Росстата с 2006 по 2010 год и тщательно проанализировали каждый год и каждый квартал. (Комсомольская правда, 24.08.2010).

Этот крылатый вопрос часто используется в самой сильной позиции текста – заглавии, а также подвергается преобразованиям. Например:

«Кому на Руси жить честно» – название статьи Е. Дьяковой (Новая газета, 16.10.2015);

«Где на Руси жить хорошо» – название статьи Р. Зайнутдинова (Комсомольская правда, 07.03.2013).

Как нами неоднократно отмечалось (см., например, [10]), преобразования, которым подвергаются крылатые единицы, весьма разнообразны. Можно выделить следующие стандартные разновидности таких трансформаций:

а) **замена компонента / компонентов** – важно отметить, что замещаться может любой элемент крылатого выражения: словосочетания, слова, знаки препинания и т.д.;

б) **удаление компонента / компонентов** – см. предыдущий пункт;

в) **добавление компонента / компонентов** – введение новых элементов, которые синтаксически связаны с другими элементами крылатой единицы, а не просто разделяют ее на несколько частей;

г) **дистантное расположение компонентов** – механическое разделение крылатой фразы на несколько частей с помощью вставки между ее элементами других элементов;

д) **перестановка компонентов** – изменение порядка следования элементов крылатого выражения;

е) **морфологическая трансформация** – изменение одних форм слов, входящих в состав крылатой единицы, на другие формы этих лексем;

ж) **синтаксическая трансформация** – изменение синтаксической структуры крылатой фразы.

Как и следовало ожидать, перечисленным видам преобразований подвергаются в основном наиболее употребительные некрасовские строки.

К их числу, безусловно, относится и так актуально звучащая сегодня фраза – «Жаль только: жить в эту пору прекрасную // Уж не придется ни мне, ни тебе», – которая широко цитируется уже в нашей классической литературе:

*Через дымку грусти, порой очень красивой, порой разъедающей и острой и всегда поэтической, эта надежда сквозит, как куполы церквей дальнего города, едва видные сквозь знойную пыль и удушливый туман трудного пути... И над всем царит меланхолическое сознание: **Жаль только: жить в эту пору прекрасную Уж не придется ни мне, ни тебе...*** (В. Г. Короленко. Антон Павлович Чехов).

Совершенно понятно и оправдано ее присутствие и в современной публицистике.

Людмила Гурченко, актриса: – *Построили ли мы капитализм? Почти. **Жаль только, жить в эту пору прекрасную уж не придется...** Вот лучше почитайте мою книгу, которая выходит, – там простыми словами сказано про то, как мы живем. В растерянности, без опоры, без завтрашнего дня* (Труд-7, 29.01.2002).

Вся суть нынешней политики раскрывается в реакции на критику налогового маневра, который предусматривал повышение НДС взамен снижения социальных сборов. Вице-премьер Игорь Шувалов предложил просто ничего не делать и все оставить как есть. Нет сомнений в мудрости Конфуция, сказавшего, что если долго сидеть у реки, то можно увидеть проплывающие трупы врагов, но, боюсь, сидеть придется слишком долго. И тогда актуальным становится уже чисто русский афоризм, рожденный великим поэтом Некрасовым: «Жаль только, жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе»... (Московский комсомолец, 03.05.2017).

С начала 90-х годов число граждан нашей страны сократилось почти на 11 миллионов. Если демографическая ситуация не изменится, то к 2035 году, по прогнозам, в стране останется 110-115 миллионов россиян. Даже если пророчество сбудется, то для кого это светлое завтра? Как тут не вспомнить строки Некрасова: «жаль только жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе...» (Труд-7, 25.10.2006).

То же самое касается и известных строк из поэмы «Современники» – «Бывали хуже времена, но не было подлей».

*Время, повторяю, было трудное, – недаром обжора и пьяница, но либеральнейший человек, старший врач губернской земской больницы говорил: «**Бывали хуже времена, но не было подлей**»; время было темное, но ведь уж известно, что «чем ночь темней, тем ярче звезды», что «самая густая тьма — предрассветная». (И. А. Бунин. Архивное дело).*

–... Да, да, тысячу раз прав Некрасов: «бывали хуже времена, но не было подлей», — сказала Лиза, оглядываясь на Машу, которая сидела на стуле у стены, безжизненно опустив руки. Она все время молчала. (М. А. Алданов. Истоки).

То есть, как говорил Маяковский, будем говорить о времени и о себе? Согласен! Времена действительно не выбирают. Сейчас мы живем в интересное время: «Бывали хуже времена, но не было подлей!..» (Комсомольская правда, 29.03.2001).

Прозвучала попытка оправдать пофигизм трудным временем, в котором живем. «Бывали хуже времена, но не было подлей», – утверждает некто Манья словами поэта XIX века. И тут же получает отпор утверждением поэта современного: «Времена не выбирают, в них живут и умирают». (Комсомольская правда, 14.02.2007).

Необходимо отметить, что Н.А. Некрасов, в свою очередь, цитирует одного из героев рассказа писательницы Н.Д. Хвоцинской «Счастливые люди», который говорит про своих современников: «Черт знает, что из нас делается. Огорчаемся зависти, утешаемся ненавистью, мельчаем – хоть в микроскоп нас разглядывай! Чувствуем, что падаем, и сами над собой смеемся... А? правда? Были времена хуже – подлей не бывало. Таким образом Н.А. Некрасов увековечил и сделал крылатой фразу малоизвестной и давно забытой писательницы (см. подробнее в [11, с. 288])

Наряду с горькими, острыми, обличительными устойчивыми образными выражениями («говорильная машина», «царство подставных», «машинное красноречие», «нынче тоскует лишь тот, кто не украл миллиона», «наш идеал, говорят, – заатлантический брат», «кипит словесная война» и др.) очень важным для современной публицистики остается посыл Н.А. Некрасова – **«Сейте разумное, доброе, вечное. Сейте! Спасибо Вам скажет русский народ!»**. Именно в этом послые открываются нам источники нравственной жизни – «единственная возможность человеческого выживания» [4, с. 288]. Именно в нем проявляется цель и смысл жизни Н.А. Некрасова – любовь в широком смысле, о чем он говорил в письме Л.Н. Толстому: «Но вот Вы замечаете, что другому (ли другим) нужны Вы – и жизнь вдруг получает смысл, и человек уже нем чувствует той сиротливости, обидной своей ненужности <...> Человек создан быть опорой, потому что ему самом у нужна опора».

Эта некрасовская формула любви стала частью русского культурного кода. И примеров тому – великое множество:

Вся ци-ви... ли-зация приходит в кризис! И даже... ин-ти-ли-генция! – шипит он в хворосте, глядит пуливно по сторонам. – А ведь как господин Некрасов говорил: «Сейте разумное, доброе, вечное! Скажут спасибо вам бесконечное! Русский народ!!» (И. С. Шмелев. Солнце мертвых).

Не беспокойтесь. Вас я не дам в обиду, поскольку от отца унаследовал почтение к трудовой интеллигенции. Оно, знаете, совершенно правильно сказано у поэта: «Сейте разумное, доброе, вечное...» (К.Г. Паустовский. Повесть о жизни. Время больших ожиданий).

Пусть глобальные достижения возможны не каждый день, но есть еще масса дел, итоги которых вас порадуют. Сейте разумное, доброе, вечное, и удача сама повернется к вам лицом. (Труд-7, 07.12.2007).

За этой маленькой чернявой «училкой» вставал образ восторженной идеалистки, беззаветно преданной школе, отдающей всю свою жизнь делу воспитания детей. Ясно, что для нее слова Н.А. Некрасова: «Сейте разумное, доброе, вечное» – девиз жизни, ее суть. (Э. Рязанов. Подведенные итоги).

Удивительно прозорлив оказался Н.А. Некрасов и в том, что опорой русской жизни будет оставаться на долгие времена русская женщина – «Всевыносящего русского племени Многострадальная мать», русская женщина, о которой, глядя со стороны, выдающийся философ XX века В. Шубарт в своем фундаментальном труде «Европа и душа Востока» писал: «Русская женщина – одна из немногих счастливых случайностей на нашей планете» [12, с. 334].

Пожалуй, нет ни одного русского человека, который бы не знал этого поэтического определения характера русской женщины:

В игре ее конный не словит,

В беде – не сробеет, – спасет;

Коня на скаку остановит,

В горящую избу войдет!

Крылатое выражение **«Коня на скаку остановит, // В горящую избу войдет!»** можно встретить практически во всех стилях и жанрах современной русской речи:

Затем он [Самгин] подумал, что она [Марина] все-таки оригинальный характер: «Тип коренной русской женщины».

Коня на скаку остановит,

В горящую избу войдет... (М. Горький. Жизнь Клим Самгина).

Нравится О. Фокиной характер тетушки Ангелины. Она не могла не увидеть в ней потомка тех русских деревенских женщин, которыми восхищался еще Некрасов: «**Коня на скаку остановит, / В горящую избу войдет...**». Но не будет преувеличением сказать, что и сама она под стать некрасовским женщинам. Стихи ее, созданные в «окаянные годы», не меньший подвиг — и нравственный, и гражданский, — чем подвиг деревенской бабы, отважившейся броситься в огонь, чтобы спасти кого-то или что-то. (С. Викулов. Проступают граниты... // «Наш современник», 15.03.2004).

Затем я нашел хорошего адвоката. Это была женщина, настолько напористая, что, казалось, одним словом **коня на скаку остановит**. («Автопилот», 15.05.2002).

«Если надо будет, я дойду и до Путина» — говорит Сергиевская. Конечно, нет сомнения — дойдет. Ведь известно — женщина на Руси «**и коня на скаку остановит, и в горящую избу войдет**»... («Аграрный журнал», 15.02.2002).

Не вызывает сомнений, что «крылатика» Н.А. Некрасова – неисчерпаемая сокровищница русской речи, которая требует добросовестного, глубокого, заинтересованного изучения с целью сбережения духовного богатства, данного нам великим русским поэтом Н.А. Некрасовым.

Поэзия Н.А. Некрасова и есть тот **урок патриотизма**, который должен оставаться в памяти и душе каждого русского человека, наполняя его верой в то, что **«ВОЛЯ И ТРУД ЧЕЛОВЕКА ДИВНЫЕ ДИВА ТВОРЯТ»**.

Библиографический список

1. Некрасов Н.А. Заметки о журналах за сентябрь 1855 года // Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем, т. 9. М.: Худож. лит., 1950. С. 238 -251.
2. Н.А. Некрасов: библиогр. указатель литературы (1953-2010). Вып. 1. Книги и авторефераты диссертаций / [сост. И.И. Доронина, Е.Э. Муравьева]. М., 2011. 88 с.
3. Н.А. Некрасов: библиогр. указатель литературы. Вып. 2. Часть 2. Статьи (1983-2000) / [сост. И.И. Доронина, Л.Г. Метрина, О.Н. Савостьянова]. М., 2016. 76 с.
4. Скатов Н.Н. За что мы не любим Некрасова? // Скатов Н.Н. О культуре. 2-е изд. СПб.: Издательство СПбГУП, 2014. С. 275-290.
5. Михельсон М.И. Русская мысль и речь: свое и чужое: опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. СПб., 1902-1903.
6. Ашукин Н. С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. 3-е изд., исправ. и доп. М.: Худ. лит., 1966. 525 с.
7. Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка: в 2 т. Магнитогорск, Greifswald, 2008.
8. Душенко К.В. Большой словарь цитат и крылатых выражений. М.: Эксмо, 2011. 1216 с.
9. Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения – 20.10.2021)
10. Чуриков С.А. Опыт построения исчисляющей классификации интертекстовых единиц // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. №4. С. 6-12. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.4/3073>
11. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / Автор- составитель В. Серов. М.: Локид-Пресс, 2004. 877 с.
12. Шубарт В. Европа и душа Востока. 2-е изд., испр. М.: Рус. идея, 2000. 446 с.

References

1. Nekrasov N.A. Notes on magazines for September 1855 // Nekrasov N. A. Collected works, vol. 9. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1950. P. 238 -251.
2. N.A. Nekrasov: bibliography. literature index (1953-2010). Vol. 1. Books and theses / [sost. I. Doronin, E. E. Muravyeva]. Moscow, 2011. 88 p.
3. N.A. Nekrasov: bibliogr. index of literature. Issue 2. Part 2. Articles (1983-2000) / [comp. I.I. Doronina, L.G. Metrina, O.N. Savostyanova]. Moscow, 2016. 76 p.

4. Skatov N.N. Why don't we love Nekrasov? // Skatov N.N. About culture. 2nd ed. St. Petersburg: Publishing house SPbGUP, 2014. P. 275-290.
5. Mikhelson M.I. Russian thought and speech: one's own and another's: the experience of Russian phraseology: a collection of figurative words and allegories: in 2 volumes. St. Petersburg, 1902-1903.
6. Ashukin N. S., Ashukina M.G. Winged words: Literary quotations. Figurative expressions. 3rd ed., corrected and additional. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1966. 525 p.
7. Berkov V.P., Mokienko V.M., Shulezhkova S.G. A large dictionary of winged words of the Russian language. Magnitogorsk, Greifswald, 2008.
8. Dushenko K.V. A large dictionary of quotations and catch phrases. Moscow: Eksmo, 2011. 1216 p.
9. National Corpus of the Russian language. URL: www.ruscorpora.ru (date of circulation - 10.20.2021)
10. Churikov S.A. The experience of constructing a calculative classification of intertext units // Vestnik VSU. Series: Linguistics and intercultural communication. 2020. No. 4. pp. 6-12. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.4/3073>
11. Encyclopedic dictionary of winged words and expressions / Author-compiler V. Serov. Moscow: Lokid-Press, 2004. 877 p.
12. Shubart V. Europe and the soul of the East. 2nd ed., ispr. M.: Russian idea, 2000. 446 p.

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 811.161.1'367.335.2:821.161.1
10.36622/AQMPJ.2021.84.19.003

*Орловский государственный университет
имени И.С. Тургенева
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка как иностранного
и межкультурной коммуникации
Ермакова Н. Л.
Россия, г. Орёл, тел. +7953-816-2451
e-mail: nelli.ermakova.1984@mail.ru*

*Oryol State University named after I.S. Turgenev
Phd, associate Professor of the Department
of Russian as a foreign Language
and Intercultural Communication
Ermakova N. L.
Russia, Orel, tel. +7953-816-2451
e-mail: nelli.ermakova.1984@mail.ru*

Н.Л. Ермакова

К ВОПРОСУ О ПАРЦЕЛЛЯЦИИ ПРИДАТОЧНОГО В СЛОЖНОПОДЧИНЕННОМ СРАВНИТЕЛЬНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

В статье поднимается вопрос определения роли парцеллируемых конструкций в художественном тексте. Отмечаются ступени их проникновения из разговорного стиля. Особое внимание уделяется проблеме актуального членения предложения, которое рассматривается, согласно точке зрения В.В. Виноградова, как грамматически оформленная по законам данного языка целостная единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли. Парцеллированные конструкции анализируются на примерах сложноподчиненных сравнительных предложений. Это связано с тем, что на языковом уровне они едины, на речевом же разделяются. А когда возможно в потоке речи раздробить предложение, оформленное как высказывание, на самостоятельные по информативности части, тогда и возникает вероятность появления парцеллируемости предложений. Отделение придаточной части от главной усиливает смысловую составляющую каждой из них, при этом первая характеризуется обобщенным высказыванием, а вторая становится вполне самостоятельной и, следовательно, по смыслу более заметной. В качестве анализируемого речевого материала были взяты лирические тексты разных временных периодов. В собранных примерах цель парцелляции определяется актуализацией отделяемой части. Отметим, что отчленяемые фрагменты в некоторых случаях наделяются структурными и семантическими признаками предложения. Это подтверждает интонационная и частично структурная самостоятельность. Выбранные примеры сравнительных сложноподчиненных предложений показывают, что парцеллированными компонентами являются предложения, которые, согласно классификации А.К. Федорова, относятся к собственно-сравнительным и собственно-уподобительным. Также в статье определяются границы понятий «присоединение» и «парцелляция», выделяются особенности членения внутри сравнительного придаточного в сложноподчиненном предложении. Актуализация становится более активным процессом, вследствие этого можно говорить о выделении самостоятельного понятия парцелляции (скандирования) и отделении его значения от присоединения. Это связано с пониманием того, что парцелляция заранее планируется, а присоединение добавляет к ранее сказанному новое высказывание. На примере сложноподчиненных предложений подчеркивается уникальность приёма парцелляции, которая делает письменную речь более емкой и динамичной.

Ключевые слова: парцелляция, парцеллированные конструкции, коммуникативная и экспрессивно-стилистическая организация речи, художественная речь, публицистическая речь, сложноподчиненное сравнительное предложение, актуализация, присоединение, классификация, фрагмент текста.

N.L. Ermakova

ON THE QUESTION ABOUT PARCELATION OF ADDITIONAL IN A COMPLETE COMPARATIVE SENTENCE

The article raises the question of determining the role of parceled structures in a literary text. The stages of their

penetration from the colloquial style are noted. Particular attention is paid to the problem of the actual division of the sentence, which we consider, according to the point of view of V.V. Vinogradov, as grammatically formatted according to the laws of this language as an integral unit of speech, which is the main means of the formation of formation. Parcelled constructions are analyzed using examples of complex comparative sentences. This is due to the fact that at the linguistic level they are one, while at the speech level they are separated. And when it is possible in the stream of speech to split a sentence, designed as an utterance, into independent parts in terms of information content, then there is a possibility of the appearance of parceling of sentences. The separation of the subordinate clause from the main part strengthens the semantic component of each of them, while the first is characterized by a generalized statement, and the second becomes completely independent, and, therefore, more noticeable in meaning. Lyric texts of different time periods were taken as the analyzed speech material. In the collected examples, the purpose of the parceling is determined by the actualization of the detachable part. Note that the detached fragments in some cases are endowed with structural and semantic features of the sentence. This is confirmed by intonational and partly structural independence. Selected examples of comparative complex sentences show that parceled components are sentences that, according to the classification of A.K. Fedorov, belong to the proper-comparative and proper-likeness. Also, the article defines the boundaries of the concepts of "accession" and "parceling", highlights the features of division within a comparative clause in a complex sentence. Actualization becomes a more active process, as a result of which we can talk about the allocation of an independent concept of parcellation (chanting) and the separation of its meaning from joining. This is due to the understanding that the parceling is planned in advance, and the attachment adds a new statement to the previously said. Using the example of complex sentences, the author emphasizes the uniqueness of the parceling technique, which makes written speech capacious and dynamic.

Key words: parceling, parceled structures, communicative and expressive-stylistic organization of speech, artistic speech, publicistic speech, complex comparative sentence, actualization, joining, classification, text fragment.

В современной лингвистической науке существует взгляд на синтаксис как языковой уровень, характеризующийся определенной свободой и отсутствием границ, что проявляется в некотором нарушении правил, расхождении с нормами языка. Внешняя речевая оболочка часто играет особую коммуникативную роль, которая связана с субъективным взглядом любого автора. Естественно, никто не говорит о некоем произволе в языке, данные изменения охватывают формы языка, отражая трансформацию окружающего мира и, как следствие, человеческого сознания.

Влиянию новых тенденций больше всего подвергается именно структура предложения, которая не может не изменяться с приходом норм разговорной речи в литературную. Последняя при этом получает все механизмы восприятия мира, характеризующие разговорную речь. В этом отношении согласимся со словами Г. Акимовой, которая отмечает существование двух ступеней вхождения конструкций разговорной речи в литературную. Первые представляют имитацию разговорной речи, а вторые применяются через использование разговорных конструкций в авторской или публицистической речи. Исследователь отмечает, что в художественной прозе конца XIX – начала XX веков именно парцеллированные формы доминировали над другими экспрессивными конструкциями [1; с. 80-105].

Продолжая ранее высказанную мысль, рассмотрим похожую периодизацию появления парцелляции как определившегося термина разговорной речи в текстах художественной литературы. О существовании нескольких периодов вхождения в употребление данного понятия также говорит Е. Покровская. Первый связывают с писателями авангардной направленности (М. Цветаева, В. Маяковский, Ю. Олеша), так называемый «рубленный синтаксис». Второй этап отмечается в текстах 60-70-х годов, когда подобные конструкции используют не только авангардисты, но и писатели более классической направленности, например, В. Астафьев, В. Распутин. А третьей степенью исследователь называет следствие в целом широкого распространения парцелляции за рамками языка художественной литературы в разных стилях языка: публицистическом, научно-популярном, иногда и научном [2].

Естественно, активное проникновение парцеллированных конструкций в художественную речь способствовало появлению различных лингвистических исследований, анализирующих разговорный синтаксис. Так, первым обозначил термин «парцелляция» профессор А. Ефремов, отметив, что данные конструкции буквально рвут предложение по частям, способствуя их превращению в отдельные предложения. При этом меняется строение самого предложения в связи с постановкой ненормированных знаков препинания [3; с.130].

К чему приводит данное явление? Его результат прослеживается через появление стремления уменьшить объем предложения. Отдельный фрагмент между заглавной буквой и точкой перестает

быть информативным, стремится быть самодостаточным. Эта часть обособляется, становится самостоятельной. Причем в отделившейся части сохраняется важный содержательный компонент. А на главное место приходит незначительный компонент в структуре. Происходит актуализация смыслового членения. С этой точки зрения становится значимым способ членения, отражающий субъективность предложения, знакомый еще с XIX века, который в современном языкознании принято называть «парцелляция».

Полное теоретическое освещение этого понятия представлено в работах Ю. В. Ванникова [4], который говорит о нем как о средстве актуализации частей предложения, и Е. Иванчиковой, рассматривающей парцелляцию в качестве феномена более эмоционального синтаксиса, «существо которого состоит в расчленении предложения на интонационно обособленные отрезки, отделяемые знаком точки» [5; с. 279]. Лингвист замечает стремление парцеллированных конструкций подражать естественному ходу речевого потока, который возникает спонтанно, необдуманно.

Надо отметить, что достаточное время в лингвистической литературе доминировало традиционное понимание термина *парцелляция* как синонима *присоединения*. Но точка зрения Ю. В. Ванникова с течением времени корректировалась в связи с более углубленным анализом художественного текста. Процессы актуализации становятся значительно более активными, поэтому сейчас можно говорить о таких самостоятельных конструкциях, как «парцелляция» (скандирование) и «присоединение». Данная точка зрения принадлежит В.В. Бабайцевой, которая пишет о разграничении названных понятий. Это связано с тем, что в художественной речи автор самостоятельно планирует отделение или присоединение частей текста как способ актуализации их семантики. При присоединении «изолированный фрагмент подается как добавочное сообщение, возникшее в мысли при произнесении (написании) базовой части, а типичная парцелляция аналогична скандированию: Произведения искусства не ремонтируются. Их ре-ста-ври-ру-ют! Понял? И делать это умеют только художники. (А. Алексин)» (пример В. В. Бабайцевой) [6; с. 556]. Скандирование мы объясняем, согласно толковому словарю Ушакова, через глагол «скандировать – отчетливо произносить слова, выделяя каждый слог». [7]

В художественной литературе парцелляция рассматривается в качестве средства художественной изобразительности, так как является особым, с точки зрения стилистики, приемом, усиливающим отдельные оттенки с позиции смысла и экспрессии. В разных синтаксических конструкциях парцелляция проявляет свои особенности по-разному.

С позиции экспрессивности и эмоциональности, на наш взгляд, следует рассмотреть парцелляцию на примере поэтических текстов, представляющих собой сложные конструкции, поэтому в качестве исследуемого материала были взяты сложные предложения из лирики разных литературных периодов. Вопрос о парцелляции возникает в них, когда мы характеризуем соотношение языковых и речевых ситуаций в сложноподчиненном предложении (далее СПП) с придаточными сравнения.

Об отдельных промежуточных единицах, совмещающих свойства и сложного предложения, и текста, писала Г. В. Валимова [8], когда рассматривала виды многокомпонентных предложений. В отношении сложного предложения предположим в этих конструкциях также присутствие парцелляции. Это связано с тем, что на языковом уровне они едины, на речевом же разделяются. Таким образом, на примерах лирических текстов проанализируем функционирование в них парцеллированных конструкций.

Расчленение предложения в определенной речевой ситуации на несколько коммуникативно самостоятельных отрезков (фраз) одного высказывания, говорит, скорее, о парцеллируемости предложений, нежели высказываний, так как именно высказывание является реальной коммуникативной единицей. А это уже позволяет говорить о парцеллированном компоненте как о синкретичной единице, сочетающей в себе свойства сложного предложения и текста. Но парцеллированный компонент не образует самостоятельной коммуникативной единицы. Он синтаксически связан с основной частью, однако имеет собственный интонационный рисунок и собственные грамматические признаки [9; с. 110].

Если есть возможность раздробить в речи предложение на самостоятельные по информативности части, то можно говорить о ситуации парцеллируемости предложений. Конечно же, в высказываниях подобное сделать сложно, ибо они уже представляют коммуникативные единицы. Между частями парцеллированного сложноподчиненного предложения сохраняются синтаксические отношения подчиняющего и подчиняемого. Но структура СПП особым образом реализуется в речи, и связь

между фразами оказывается более прочной в силу не только смысловых и логических, но и грамматических причин [9; с. 110].

Обратимся к лирическим текстам, так как применительно к ним можно говорить о наличии подтекста, вариативного прочтения. Мы видим, что отчлняемый фрагмент сохраняет связь с главной частью по смыслу и структуре. Это наблюдается наиболее наглядно в поэзии, ведь ее задача не состоит в том, чтобы информировать, она направлена на эстетическое восприятие создаваемых автором образов и картин.

*Глубокой ночью в море голом
Хотя бы издали маячь!
Как будто девочка над молом
Подбрасывает красный мяч. (К. Ваншенкин)*

*Твой взгляд с усмешкой не люблю –
Не нужно так смотреть.
Как будто для тебя нет тайн,
Нет и не будет впредь.
Как будто знаешь наперед ты все мои мечты,
Как будто сердце навсегда взяла в ладони ты. (Р. Гамзатов)*

Примеры показывают, что целью парцелляции как раз и является актуализация отделяемой части, которая часто наделяется признаками предложения. По словам В. В. Бабайцевой, значение присоединяемого фрагмента становится намного богаче, чем он имел его в составе предложения, что характеризуется именно актуализацией семантики данной части [6; с. 557].

*Полынь у дороги,
Разбитый возок.
Как будто бы вырван
Из жизни кусок. (О. Николаева)*

*И летел из прошлого поезд слепой.
Будто в долгий обморок,
В метели нырял. (Р. Рождественский)*

*Сказал, что лучшей не встречал
Я в землях русских и нерусских.
Как будто ветер закачал
Цветы, расшитые на блузке. (В. Федоров)*

Рассматривая вопрос о парцеллированных конструкциях на примере СПП с придаточными сравнения, необходимо вспомнить в целом о классификации СПП, предложенной А. Ф. Федоровым [10]. В ней он выделяет 12 типов сложноподчиненных конструкций, среди которых находятся и сравнительные. В них можно выделить четыре разновидности: а) собственно-сравнительные, б) сравнительно-уподобительные, в) сравнительно-сопоставительные, г) сравнительно-противительные. Все они находятся в ядре сравнения. Данная классификация сравнительных придаточных является наиболее детальной, так как объединяет внутри себя и ядро, и периферию.

Анализ языкового материала сравнительных СПП показывает, что парцеллированными компонентами являются предложения, которые, согласно классификации А.К. Федорова, относятся к собственно-сравнительным и собственно-уподобительным. Сделаем отступление и поясним, что для собственно-сравнительных придаточных характерно семантическое и синтаксическое единство с главным предложением, к придаточному нельзя задать вопроса, как и невозможно свернуть придаточную часть во второстепенный член предложения. Приведем примеры собственно-сравнительных конструкций:

*Трясется пусть грудная клетка
Подвыпившего моряка. (Мы можем провести только сравнение, невозможен
Как уши натирают снегом, вопрос как? к придаточной части.)*

Как вкус лекарства на губе... (Е. Винокуров)

*Тихо от ветра, тоски напустившего,
Плачет, нахмурившись, даль.
Точно им всем безо времени сгибшего
Бедного юношу жаль.* (С. Есенин)

*В полусне сладострастном ослаблю я чары:
Разрастаются дико силы вод и огней.
Словно шум водопадов, словно встали пожары, –
И туманят, и ранят, все больней, все страшней.* (В. Брюсов)

В ядре находятся собственно-уподобительные придаточные с союзом реальной модальности *как*, при этом события главного и придаточного предложений практически полностью тождественны, хотя относятся к одному или разным субъектам.

И поле стонет и дрожит... (Здесь возможен вопрос *как? подобно чему?*)
*Как будто б снова разгорался
На жизнь и смерть Европы бой,
Как будто б год наш роковой
Двенадесятый возвращался.* (В. Жуковский)

*И тихий ропот поднял руку,
И дрогнули огни.
Пронесся шум, подобный звуку
Упавшей головы.
Как будто свет из мрака брызнул,
Как будто был намек...* (А. Блок)

Анализ материала поэтических текстов показал преобладание собственно-сравнительных предложений среди указанных двух разновидностей. На наш взгляд, именно актуализация высказывания определяет их рост. В поэтическом тексте этот вид придаточного чаще функционирует как отдельное предложение. Парцеллируемая часть, совпадая с придаточной в СПП, отделяется от главной. При этом она выполняет коммуникативную, семантическую и стилистическую функции. Данное отщепление придаточной части способствует усилению семантической нагрузки обеих частей. Главная часть приобретает обобщенный характер высказывания, а придаточная в то же время приобретает самостоятельность и выделяемость.

*Стало сердце пустым и свободным.
Словно не было в нем ни шиша.* (А. Жигулин)

Это возможно в том случае, если главная часть конструкции не осложнена другими компонентами, она функционирует как простое предложение, как будто за ним отсутствует дальнейший текст, то есть уже в нем даётся полная и достаточная характеристика явления (*Стало сердце пустым и свободным*). Тогда парцеллируется придаточная часть (*Словно не было в нем ни шиша*) и наделяется свойствами коммуникативной самостоятельности. Происходит это за счет того, что она «приобретает интонационный контур и информационную нагрузку самостоятельного высказывания» [11; с. 622].

*Но тревога никак не покинет меня.
Будто кто-то в окне ждет неведомых бед –
Неизвестнейший мне, но знакомый тебе.* (Ю. Визбор)

*И как смотрят браво!
Словно немощными быть не имеют права.* (К. Ваншенкин)

Почему именно в собственно-сравнительных и собственно-уподобительных разновидностях СПП преобладают парцеллированные конструкции? Предположим, что данное условие определяется особенной самодостаточной семантикой главной части, содержание которой воспринимается как законченная фраза, поэтому для нее не требуется продолжения в виде придаточного предложения. На

наш взгляд, данное явление связано с относительно свободными отношениями между частями, а их семантическое наполнение представлено законченной мыслью.

Подводя итоги, отметим, что при анализе парцеллированных конструкций в поэтических текстах в своем понимании термина парцелляция мы придерживаемся точки зрения Ю. Ванникова [4] и Е. Иванчиковой [5], которые впервые выделили парцеллированные конструкции из присоединительных, определили для них более узкое содержание, объясняя данное понимание тем, что парцелляция предполагает планирование в построении конструкции, присоединение же больше характеризует разговорную речь, отражая мыслительный процесс, когда уже к сказанному добавляются структуры, которые могут содержать новые мысли, идеи, соображения.

Также разделяем мнение В. В. Бабайцевой, которая разграничивала указанные выше понятия, аргументируя свою точку зрения доказательством того, что автор художественного текста сам планирует место отделения и присоединения конструкций. При этом присоединение понимается как самостоятельный фрагмент текста, выражающий добавочное сообщение. А оно возникает во время проговаривания основной части текста. Парцелляция же похожа на скандирование, как будто делается пауза, оформленная определенным знаком препинания, а затем дальше продолжается сообщение. В. В. Бабайцева пишет, что различие между ними в том, что «при парцелляции происходит отчленение фрагмента от базового предложения, а при присоединении – добавление, присоединение фрагмента к базовой части» [6; 555].

На наш взгляд, примеры отчленяемых конструкций из поэтических текстов не соответствуют значению понятия скандирование, в них авторы словно пытаются добавить более сильные и выразительные сочетания для передачи в лирическом тексте эмоционального состояния взволнованности. Следовательно, перед нами присоединительные конструкции, хотя граница между присоединением и парцелляцией очень зыбкая. Мы же, согласно традиционной точке зрения, считаем подобные примеры парцелляцией и рассматриваем их как синоним присоединения, отмечая особенности употребления в лирических текстах, которые характеризуются субъективным началом. Так создается информативность иного плана, где учитывается субъективно-авторский экспрессивно-оценочный компонент.

Библиографический список

1. Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка: Учеб. пособие. М., 1990. 168 с.
2. Покровская Е. А. Этапы развития русского синтаксиса в лингвокультурологическом аспекте [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.relga/rsu.ru/n62/rus62.htm>. Загл. с экрана.
3. Ефремов А. Ф. Язык Н.Г. Чернышевского // Вопросы языкознания. 1952. № 2. С. 126-138.
4. Ванников Ю. В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. М.: Русский язык, 1979. 296 с.
5. Иванчикова Е. А. Парцелляция, ее коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции // Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968. С. 277-301.
6. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 638 с.
7. Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.onlinedics.ru/slovar/ushakov/s/skandirovat.html>
8. Валимова Г. В. Явления синкретизма в синтаксисе русского языка: [Сб. науч. ст.] / Сев.-Кавк. науч. центр высш. шк.; отв. ред. Г. В. Валимова. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1992. 125 с.
9. Ермакова Н. Л. Изменения в структуре и семантике сложноподчиненных сравнительных предложений в языке русской лирики XIX-XX веков: дис... канд. филол. наук. Орел. 2013. 190 с.
10. Федоров А. К. Семантико-структурная классификация сложноподчиненного предложения и придаточных предложений // Русский язык в школе. 2002. № 5. С.72-77, 87.
11. Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука.1970. 767 с.

References

1. Akimova G. N. New in the syntax of the modern Russian language: Textbook. allowance. M., 1990. 168 s.

2. Pokrovskaya E. A. Stages of development of Russian syntax in the linguoculturological aspect [Electronic resource]. Access mode: <http://www.relga/rsu.ru/n62/rus62.htm>. Title from the screen.
3. Efremov A. F. Language N.G. Chernyshevsky // Questions of linguistics. 1952. No. 2. S. 126-138.
4. Vannikov Yu.V. Speech syntax and syntactic features of Russian speech. M.: Russian language, 1979. 296 s.
5. Ivanchikova E. A. Parcellation, its communicative-expressive and syntactic functions // Russian language and Soviet society: Morphology and syntax of the modern Russian literary language. M., 1968. S. 277-301
6. Babaytseva V. V. The phenomena of transitivity in the grammar of the Russian language. M.: Bustard, 2000. 638 s.
7. Explanatory dictionary of the Russian language D.N. Ushakova [Electronic resource]. Access mode: <http://www.onlinedics.ru/slovar/ushakov/s/skandirovat.html>
8. Valimova G.V. Phenomena of syncretism in the syntax of the Russian language: [Sat. scientific. Art.] / North Caucasus. scientific. center of the highest. shk. ; Resp. ed. G.V. Valimova. Rostov n / a: Publishing house Rost. University, 1992. 125 s.
9. Ermakova N.L. Changes in the structure and semantics of complex comparative sentences in the language of Russian lyric poetry of the XIX-XX centuries: dis ... cand. philol. sciences. Eagle. 2013. 190 s.
10. Fedorov A.K. Semantic and structural classification of complex sentences and subordinate clauses // Russian language at school. 2002. No. 5. S. 72-77, 87.
11. Grammar of the modern Russian literary language. Moscow: Nauka. 1970. 767 s.

УДК 81'373.2

10.36622/AQMPJ.2021.77.59.004

*Воронежский государственный университет,
кафедра связей с общественностью, рекламы
и дизайна,
профессор, доктор филологических наук
Новичихина М.Е.
Россия, г. Воронеж, тел. +79036541727
e-mail: novichihiname@mail.ru*

*Voronezh State University,
Public Relations, advertising and design De-
partment,
Professor, Doctor of Philology
Novichihina M.E.
Russia, Voronezh, .+79036541727
e-mail: novichihiname@mail.ru*

*Дирекция по ремонту тягового подвижного
состава — филиал ОАО «РЖД»,*

*специалист по управлению персоналом,
кандидат филологических наук
Дрогайцева М.А.
Россия, г. Москва, тел. + 79100410579
e-mail: marina_dro@list.ru*

*Directorate for the repair of traction rolling stock
— branch of Joint Stock Company «Russian Rail-
ways»,*

*HR specialist,
PhD
Drogaitseva M.A.
Russia, Moscow, + 79100410579
e-mail: marina_dro@list.ru*

М.Е. Новичихина, М.А. Дрогайцева

О МЕСТЕ КОММЕРЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ В ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Настоящая статья посвящена исследованию современного коммерческого названия. Основная цель работы связана с выявлением роли и места коммерческого названия в ономастическом пространстве. Гипотеза исследования заключается в предположении об особом месте этих названий в системе имен. Показано, что решение поставленного вопроса усугубляется относительностью, подвижностью и проницаемостью границы онимов и апеллятивов. В статье осуществляется анализ существующих подходов к решению обозначенной проблемы. Обсуждаются варианты трактовки коммерческих и других групп «спорных» имен как полуназваний, периферийных имен, квазисобственных имен. Выявляется функциональное отличие коммерческих названий от других элементов ономастического пространства. Показывается, что наличие информативной функции у коммерческого названия ставит такое название в обособленное положение в системе имен. Если имя собственное, призванное номинировать объект и выделить его среди других, не призвано сообщать о нем какую-либо информацию, то коммерческое название изначально нацелено на такое информирование. Вот почему коммерческие названия становятся мощным инструментом управления поведением потенциального адресата (потребителя). Именно этим коммерческое название отличается от ядерных элементов ономастического пространства. Ставится вопрос о языковых единицах, способных участвовать в ономастической номинации; показывается, что субстантивность/отсутствие субстантивности также оказывается фактором, дифференцирующим коммерческие названия и многие другие элементы ономастического пространства. В статье обсуждаются и некоторые косвенные причины обособленного положения коммерческих названий в этом пространстве. В целом предлагается трактовать коммерческое название как квазисобственное или условное имя. Вывод о некорректности рассмотрения коммерческого названия в одном ряду с другими именами собственными представляется важным в современных условиях введения в научный оборот массы новых категорий имен.

Ключевые слова: коммерческая номинация, имя собственное, имя нарицательное, квазисобственное имя, товарный знак, номенклатура, ономастическое пространство.

М.Е. Novichihina, М.А. Drogaitseva

ON THE PLACE OF COMMERCIAL NOMINATION IN ONOMASTIC SPACE

This article is devoted to the study of the modern commercial name. The main purpose of the work is to identify

the role and place of the commercial name in the onomastic space. The hypothesis of the study is the assumption of a special place for commercial names in the name system. It is shown that the solution of this question is aggravated by the relativity, mobility and permeability of the border of onyms and appellatives. The article analyzes the existing approaches to solving this problem. Variants of interpretation of various groups of "controversial" names as semi-names, peripheral names, quasi-proper names are discussed. The functional difference between commercial names and other elements of the onomastic space is revealed. It is shown that the presence of an informative function in a commercial name puts such a name in a separate position in the name system. If a proper name, designed to nominate an object and distinguish it from others, is not intended to report any information about it, then the commercial name is initially aimed at such information. That is why commercial names are becoming a powerful tool for controlling the behavior of a potential addressee (consumer). This is what the commercial name differs from the nuclear elements of onomastic space. The question of linguistic units capable of participating in the onomastic nomination is raised; it is shown that the substantiality/absence of substantiality is another factor differentiating commercial names and other elements of the onomastic space. The article discusses some indirect reasons for the isolated position of commercial names in the onomastic space. In general, it is proposed to interpret the commercial name as a quasi-proprietary name, a conventional name.

Keywords: commercial nomination, proper name, common name, quasi-proprietary name, trademark, nomenclature, onomastic space.

Проблемам имени собственного посвящены работы многих ученых. Исследовались номинации различных объектов – населенных пунктов, рек, улиц, пароходов и т.д. При этом публикаций, посвященных исследованию так называемой коммерческой номинации, на порядок меньше. Между тем, коммерческое название – это особый тип имени, получающий в современном обществе все более широкое развитие.

Под коммерческой номинацией в работе понимается языковая номинация учреждений и товаров, преследующая коммерческие цели и ориентированная на получение прибыли (например, конфеты «Мишка на севере», кафе «Старый город», магазин «Пятерочка» и т.д.). Определение «коммерческая» применительно к данному виду именованию мотивировано двумя причинами: во-первых, именуется коммерческий объект или товар, во-вторых, данное наименование преследует коммерческие цели – служит продвижению товара, услуги и т.п. на рынке.

С нашей точки зрения, целесообразно разграничить коммерческую номинацию как процесс (акт называния) и коммерческую номинацию как результат (само название). В первом случае имеет смысл говорить о динамическом аспекте коммерческой номинации, во втором – о статическом аспекте. Бесспорно, что эти аспекты тесно связаны друг с другом. В рамках обсуждаемого вопроса имеет смысл пояснить использование слов *название, называние, имя, номинация, имянаречение, наречение* и т.п.: под *называнием* понимается сам процесс номинации (такой же смысл вкладывается в слова *имянаречение, наречение*), под *названием* и *именем* понимается результат акта номинации. Понятие же *номинация* может использоваться и в том, и в другом значении и различаться контекстуально. Оговорим, между тем, что в контексте настоящей работы речь будет идти о статическом аспекте коммерческой номинации.

Группа коммерческих названий неоднородна. В структуре коммерческой номинации можно выделить так называемое «ядро» коммерческой номинации и ее «периферию». Бесспорно, ядро этой группы составляют собственно коммерческие названия – названия фирм, магазинов, кафе, ресторанов, парикмахерских и т.п. Сюда же, несомненно, попадают и так называемые товаронимы – имена отдельных видов товаров. К ядру обсуждаемой группы могут быть отнесены и словесные товарные знаки, представляющие собой зарегистрированные в соответствии с законом коммерческие названия, а также фирменные наименования

Однако существует обширное поле названий, находящихся на периферии обсуждаемой области. Не являясь коммерческими в полном смысле этого слова, они выполняют явную коммерческую функцию. Очевидно, что к таким названиям могут быть отнесены так называемые фармонимы (фармацевтические наименования), медианазвания, ник-имена (имена, используемые пользователями в интернете), слова-эргонимы, event-названия (названия мероприятий) и некоторые другие.

В связи с коммерческим названием закономерно встает вопрос о его месте в ономастическом пространстве. Решение этого вопроса усугубляется относительностью, подвижностью и проницаемостью границы онимов и апеллятивов в принципе. На неабсолютность этой границы не раз обращали внимание: например, Н.П. Бутенко в семантическом отношении не видит никакой разницы между онимами и апеллятивами [1; с.34 – 35], Н.Б. Гарбовская пишет о проницаемости границ между именами собственными и нарицательными, располагая некоторые имена на оси *оним - апеллятив* [2; с.

5], Ю.Н. Мельникова и Е.С. Шигорева также отмечают «промежуточное состояние определенных видов имен собственных, которые находятся между полярными точками: подлинными апеллятивами и подлинными онимами, например: этнонимы, эргонимы, фитонимы, зоонимы и т.д.» [3; с. 183]. Оценивая соотношение онимов и апеллятивов в историческом плане, В.А. Никонов замечает, что «некогда каждое имя не было ни собственным, ни нарицательным, или, если мерить современной меркой, было и тем и другим. Различение их очень позднее» [4; с. 28]. С точки зрения Е.А. Нахимовой, «граница между именами собственными и именами нарицательными не является вполне отчетливой, существуют определенные с зоны переходности» [5; с. 27].

О тесной взаимосвязи имен собственных и нарицательных, а также об относительности их границ косвенно свидетельствуют и взаимопереходы между этими классами имен. Причем, как пишет А.Х. Гузиева, потенциально любое имя собственное может служить базой для апеллятивизации [6; с. 11]. С нашей точки зрения, такие переходы позволяют говорить о границе между именами обсуждаемых классов как о нечеткой, размытой и проницаемой.

Поднимая вопрос о месте коммерческого названия в ономастическом пространстве, следует отметить, что ситуацию осложняет выведение целого ряда имен за пределы ономастического пространства или трактовка имени как промежуточного между собственным и нарицательным. Например, с точки зрения А.В. Суперанской, такое промежуточное положение занимают фирменные названия; в качестве примера автор приводит названия: автомобиль «Волга», радиоприемник «Турист», мыло «Серебристый ландыш», конфеты «Суфле» [7; с. 193]. Этой же точки зрения придерживаются Л.А. Введенская и Н.П. Колесников [8; с.6], повторяя некоторые примеры А.В. Суперанской. В контексте настоящей работы не имеет смысла оспаривать отнесение подобных названий к категории фирменных наименований; стоит лишь согласиться с представлением об их неоднозначном месте в системе *имя собственное – имя нарицательное*. Что же касается товарных знаков, то А.В. Суперанская определяет их место лишь за пределами ономастического пространства, резонно аргументируя такое решение: «Теснейшее соединение товарных знаков с предметными признаками товаров – основная черта, не позволяющая причислить их к собственным именам» [9; с. 212]. Согласившись с А.В. Суперанской в целом, позволим все же усомниться в справедливости резкой поляризации товарных знаков с другими приводимыми автором названиями («Турист», «Серебристый ландыш» и проч.). Ведь в большинстве случаев коммерческое название становится товарным знаком лишь по истечении определенного времени, и момент регистрации названия в качестве товарного знака едва ли способен одномоментно вывести название за пределы ономастического пространства. Именно поэтому мы в большей степени готовы согласиться с мнением О. А. Леоновича, который предлагает не проводить разграничения между фирменными названиями и товарными знаками и «рассматривать их комплексно как единый класс имен, занимающий особое, пограничное положение в ономастике» [10; с. 100].

С точки зрения В. М. Лейчика, наряду с именами собственными и нарицательными существует еще один, совершенно особый класс, – номенклатура [11; с. 108]; примеры номенклатурных имен, приведенных автором (конфеты «Маска», ткань «Радуга», велосипед «Спринт» и др.) – это примеры названий, трактуемых нами как коммерческих, у В.М. Лейчика эти названия – за пределами ономастического пространства.

Дж. Пелс также пишет об обособленности некоторых названий (в первую очередь, названий изделий и продуктов питания), правда, не оговаривая четко их положение внутри или за пределами ономастического пространства и называя их просто «квазисобственными» [12; с. 89]. О.В. Глухова говорит, что товарные знаки по всем своим признакам попадают в особый разряд имен собственных [13; с. 110].

Между тем, необходимо обратить внимание на тот факт, что основная часть описанных взглядов не подвергается логическому обоснованию; в данной публикации предпринимается попытка восполнить этот пробел.

Итак, по нашему мнению, коммерческие наименования, характеризуясь, бесспорно, целым рядом черт, присущих классу имен собственных, в то же самое время обладают и яркой спецификой.

Рассмотрим особенности современного коммерческого названия и определим его место в системе имен.

Прежде всего, обратимся к обсуждению основных функций коммерческого названия, согласившись с мнением Е. Куриловича, который совершенно справедливо отмечает, что имена собствен-

ные и имена нарицательные, в первую очередь, отличаются их функциями в языке и речи [14; с. 17]. Основное отличие этих классов имен на уровне их функций усматривает и А. А. Белецкий, замечая, что «различие между собственными и нарицательными именами заключается не в морфологии и не в семантике, а в употреблении, использовании, функции обоих лексических классов...» [15; с. 167].

Коммерческая номинация, решая задачу сообщения и задачу воздействия, выполняет ряд функций, общих как для всей категории имен собственных, так и специфических, свойственных лишь этой группе имен. Особо следует выделить так называемую информативную функцию.

Если полноценное имя собственное, призванное номинировать объект и выделить его среди других, не призвано сообщать о нем какую-либо информацию, то коммерческое название изначально нацелено на такое информирование. В случае с коммерческим названием информативная функция оказывается одной из основных, именно эта функция превращает название в мощный инструмент управления поведением потребителя.

Считается, что имя собственное не имплицитно подразумевает наличия какого-либо качества референта. Более того, до тех пор, пока такая импликация существует, номинация относится не к разряду имен собственных, а к разряду прозвищ, кличек, живучесть которых в отличие от имен собственных зависит от их меткости, от того, насколько верно схвачено в них какое-либо свойство референта [16; с. 192].

В некоторых работах высказывается точка зрения о том, что собственные имена неконнотативны [17]. Они называют предмет, но не приписывают ему никаких свойств. Относясь к индивидуальным предметам, собственные имена никак не характеризуют их, не сообщают о них ничего истинного или ложного [18; с. 190].

Как пишет Е. Курилович, имена собственные ограничиваются лишь одной функцией — обозначения, что позволяет им только различать, опознавать обозначаемые предметы, лица, без указания на качественную, содержательную характеристику данного индивидуума или единичного предмета, факта [19; с. 252]. Их роль в языке чисто назывательная, в силу чего их называют «опознавательными знаками» [20; с. 73].

Заметим, что сказанное никак не может быть отнесено к коммерческим наименованиям. Ассоциативные эксперименты и другие психолингвистические опросы респондентов показывают, что в сознании носителя языка то или иное название прочно увязывается с конкретным видом товара, услуги и т.п. Проведенные нами исследования свидетельствуют о том, что в магазине с названием «*Монолит*» ожидают увидеть стройматериалы, в магазине «*Вояж*» — товары в дорогу, в магазине «*Зеленые глаза*» — косметическую продукцию. Таким образом, коммерческое название формирует некоторое представление об объекте, дает характеристику предлагаемому товару или услуге, т.е. выходит за рамки единственно называния.

Специалисты по теории номинации утверждают, что различия в представлениях о носителе имени у говорящего и слушающего никак не могут препятствовать коммуникации [21; с. 190]. «Неоценимое прагматическое удобство собственных имен как раз в том и состоит, что они дают возможность публично говорить о ком-либо, не договариваясь предварительно, какие именно свойства должны обеспечить идентичность референта», — писал Дж. Серль [22; с. 140]. Ситуация складывается совсем по-другому в случае коммерческой номинации: неудачное название нередко отталкивает потенциального потребителя, не ожидающего увидеть необходимый ему товар в магазине с неадекватным названием (в проведенном нами исследовании это, например, названия «*Идеал*» — продукты, «*Дизайн*» — продукты, «*Фемида*» — трикотаж и др.). Вероятно, именно поэтому помимо отношения номинатора к называемому объекту, коммерческое название несет отражение еще нескольких типов отношений: отношения между номинатором и адресатом и отношения адресата к объекту.

Следует также обратить внимание на тот факт, что коммерческое название никогда не является случайным (даже приведенные выше примеры — это примеры неслучайных названий: например, было установлено, что магазин трикотажных изделий назван «*Фемидой*» по той причине, что занимается реализацией так называемого конфиската); принципиальной же особенностью имени собственного, по мнению исследователей, является его случайность [23; с. 72], произвольность [24; с. 21], [25; с. 185]. Это также свидетельствует об особом месте коммерческих имен.

Говоря о специфике коммерческого названия, нельзя не заметить также, что коммерческие названия — это единицы, которые в процессе своего функционирования выполняют функцию микро-текста. Коммерческое название не просто отражает действительность, оно несет внутри себя какое-то развернутое сообщение (например, «здесь можно купить хлеб и кондитерские изделия») (название

«Колобок»), «здесь можно приобрести продукты (название «Продуктория») и т.п.). Именно поэтому к коммерческой номинации применимо понятие коммуникативной эффективности. Конечно, вопрос о большей или меньшей удачности другого элемента ономастического пространства также может быть поднят, однако в случае с личным именем или топонимом этот вопрос сводится, в основном, к вопросу о благозвучности. Основными же составляющими коммуникативной эффективности коммерческого названия, помимо фонетической привлекательности, оказываются информативность, ассоциативное соответствие, мотивированность [26; с. 64 - 65].

Уточняя место коммерческой номинации в ономастическом пространстве (или же за его пределами), резонно поднять и вопрос о языковых единицах, способных участвовать в ономастической номинации. Предметность как основное свойство категории собственных имен требует от слов, относящихся к ней, субстантивности. Поэтому при широких возможностях различных частей речи быть собственным именем лучшие «кандидаты» в имена собственные – существительные. А несуществительные стремятся к субстантивации [27; с. 105 - 109] (ср. аналогичную точку зрения: [28; с. 124]).

В отличие от других видов имен собственных коммерческое название может быть представлено лексемой, принадлежащей к разным частям речи, более того - быть как однословным, так и многословным (например: кафе «*Левый берег*», конфеты «*Мишка на севере*» и т.п.). В отдельных же группах коммерческой номинации однословные конструкции вообще нетипичны (например, в медианоминации) [29; с. 118]. Этот факт также заметно дифференцирует коммерческие названия и другие элементы ономастического пространства.

Одной из особенностей современных коммерческих названий становится их фантазийный характер. Это объясняется тем, что практически все слова живых, естественных языков уже зарегистрированы в качестве товарных знаков. Закон же не допускает к регистрации обозначения, тождественные или сходные до степени смешения с ранее зарегистрированными. Но подобная стратегия в итоге распространилась и на коммерческие названия, не регистрируемые как товарные знаки. Здесь, как и в случае с товарными знаками, чрезвычайно часто используются фантазийные обозначения, например, «*Фурнител*» (магазин мебельной фурнитуры), «*Фармония*» (аптека), «*Чемодания*» (магазин сумок), «*Снадобица*» (аптека), «*Айсбери*» (павильон мороженого), «*ЧайКофский*» (кафетерий) и мн. др. Приведенные примеры в значительной степени развенчивают тезис о том, что неоспоримое родство товарных знаков с другими именами собственными – в том, что они «непервичны по отношению к общей лексике» [30].

Нельзя не обратить внимание и на графическую подачу коммерческих названий. В.М. Пахомов, обсуждая проблему использования кавычек в названии, со ссылкой на А.В. Суперанскую подразделяет все имена на реальные (не являющиеся условными) и условные [31]. Условные имена, как пишет В.М. Пахомов, отличаются графически от реальных использованием кавычек на письме. Приведенные автором примеры (газета «*Комсомольская правда*», вино «*Исповедь грешницы*», автомобиль «*Тойота-Королла*» и т.п.) иллюстрируют сформулированный им вывод.

Как известно, использование кавычек становится принципиальным для русского коммерческого названия. Дело в том, что создатели коммерческих имен, в частности, товарных знаков, предпринимают целый ряд усилий, препятствующих их переходу в категорию «знаков, вошедших во всеобщее употребление» (к этой категории относятся, например, обозначения *ксерокс*, *джип*, *лавсан*, *термос* и т.п.). Одним из таких препятствий считается использование кавычек при написании имени, а также несклонение имени (именно поэтому современной рекламой навязываются тексты типа «*Живи с СОСА СОЛА*»). «Раскавычивание» коммерческих названий на письме и склонение в речи становится одной из причин их апеллятивизации и последующего аннулирования как товарных знаков. В итоге графическая подача (написание в кавычках) становится важнейшей внешней особенностью, которая также ставит коммерческие названия в особое положение в системе имен.

Поскольку только что шла речь о переходе коммерческого названия в разряд имен нарицательных, обратим внимание еще на одну специфическую особенность коммерческих имен. Как пишет А.В. Суперанская, имена собственные, окказионально превратившиеся нарицательные, в подавляющем большинстве случаев употребляются во множественном числе (например, *современные пушкины*) [32; с. 118]. Исключения из этого правила (например, *содом*, *тьмутаракань* и др.) носят на общем фоне единичный характер. Коммерческие же названия, в частности товарные знаки, подвергши-

еся апеллятивизации, активно используются как во множественном, так и в единственном числе (*эскалатор - эскалаторы, магнитофон - магнитофоны* и т.п.), причем с одинаковой частотностью.

В связи с обсуждаемой проблемой статуса коммерческого названия нельзя не коснуться еще одного, более чем дискуссионного, вопроса – вопроса о значении имен собственных. С нашей точки зрения удачный обзор взглядов на эту проблему представлен в работах И.И. Гришиной [33] и О.З. Книжниковой [34]. Конечно, стоит согласиться с В.Д. Бондалетовым в том, что эта проблема не столько лингвистическая, сколько логическая и философская [35; с. 11].

Так, много усилий по ее разрешению приложил английский логик Дж. Милль. Он пришел к выводу, что собственные имена не обладают значением, они — своеобразные ярлыки, или метки, позволяющие узнавать предметы и отличать их друг от друга [36]. Тезис Дж. Милля о том, что «у собственного имени нет решительно никакого значения», был поддержан многими лингвистами, причем описанная особенность трактовалась как некий «дефект» имен собственных.

Конечно, вопрос о значении коммерческого названия нельзя считать окончательно решенным. Те соображения, которые будут приведены ниже, могут восприниматься лишь как очень слабые аргументы косвенного характера. Между тем, нельзя оставить незамеченным тот факт, что если вопрос о значении (а точнее, его отсутствии), например, антропонимов, как правило, уже не поднимается, то вопрос о наличии значения у коммерческого названия до сих пор многократно ставится в процессе регистрации Роспатентом коммерческих названий в качестве товарных знаков, а также в процессе предшествующей лингвистической экспертизы товарных знаков. Естественно, стратегия поведения представителей Роспатента может трактоваться лингвистами как весьма спорная, но следует заметить, что эта стратегия, с одной стороны, свидетельствует об обыденном восприятии коммерческого названия как единицы, обладающей неким значением, а с другой стороны, очень хорошо коррелирует с уже приведенным тезисом Дж. Милля о наличии связи между способностью донести информацию и значением.

Выявление еще одного косвенного отличия коммерческих названий от имен собственных возможно при обращении к так называемому синтаксическому определению имени собственного как слова не имеющему артиклей в единственном числе (определение принадлежит Х. Бертельсену (обсуждается А.В. Суперанской [37; с. 72]). Анализ употребления иностранных коммерческих названий свидетельствует о том, что большая их часть употребляется с артиклем (*the Times, the Gurdian, the Red Lion (pub), the Grand Chateau (restaurant)* и др.), что также отличает эти названия от классического имени собственного.

Таким образом, видим, что коммерческое название занимает совершенно особое место, которое по целому ряду перечисленных выше явных и косвенных причин едва ли можно отнести к некой точке ономастического пространства. С нашей точки зрения, правомочность отнесения его к ономастическому пространству, пусть даже к его периферийной зоне, сомнительна и не совсем корректна. Более того, такое решение закрепило бы представление о наличии некой границы между именами собственными и нарицательными.

Наиболее корректным представляется его отнесение к квазисобственным или к условным именам собственным. Такой подход в большей степени коррелирует с нашим представлением о нечеткости, размытости и проницаемости границы двух рассматриваемых классов.

В целом же следует согласиться с мнением о А. В. Суперанской [37. С. 91] о том, что введение в научный оборот массы новых категорий имен «рушит прежние теории имени собственного». Коммерческие названия – наиболее яркий пример подобных имен.

Библиографический список

1. Бутенко Н. П. К вопросу о «семантике» собственных имен // Актуальные проблемы лексикологии : Тезисы докладов и сообщений всесоюзной научной конференции. Минск : Изд-во БГУ, 1970. С. 34 – 35.
2. Гарбовская Н. Б. Онимные и отонимные новообразования в современных масс-медийных текстах : дис. ... канд. филол. наук / Адыгейск. гос. ун-т. Майкоп, 2006. 150 с.
3. Мельникова Ю. Н., Шигорева Е. С. Статус имен собственных в лексической системе : в сопоставлении с именами нарицательными // Лексикография и коммуникация - 2015 : материалы I междунар. науч. конф. / под ред. А. П. Седых. Белгород, 2015. С. 181–188.

4. Никонов В. А. Введение в топонимику. Москва : Наука, 1965. 179 с.
5. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации : монография / отв. ред. Т. В. Васильева, Н. А. Майер. ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т» ; Ин-т социального образования. Екатеринбург, 2007. 207 с.
6. Гузиева А. Х. Статус имени собственного в составе ФЕ в прецедентных текстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Кабард.-Балкар. гос. ун-т им. Х. М. Бербекова. Нальчик, 2003. 18 с.
7. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / отв. ред. А. А. Реформатский. Москва : Наука, 1973. 365 с.
8. Введенская Л. А., Колесников Н. П. От собственных имен к нарицательным : Кн. для учащихся ст. классов. Москва : Просвещение, 1981. 144 с.
9. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / отв. ред. А. А. Реформатский. Москва : Наука, 1973. 365 с.
10. Леонович О. А. В мире английских имен : учеб. пособие по лексикологии. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. Л. И. Кравцова. Москва : АСТ : Астрель, 2002. 160 с.
11. Лейчик В. М. Люди и слова / отв. ред. Г. В. Степанов. Москва : Наука, 1982. 175 с.
12. Pels J. Studies in Functional Logical Semiotics of Natural Language // The Hague. Paris, 1971. 160 p.
13. Глухова О. В. Словесный товарный знак : апеллятив или онома // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. СПб, 2008. № 76-1. С.106–110.
14. Курилович Е. Положение имени собственного в языке // Очерки по лингвистике. Москва : Изд-во иностранной лит-ры, 1962. 456 с.
15. Белецкий А. А. Лексикология и теория языкознания (ономастика). Киев : Изд-во Киев. ун-та, 1972. 208 с.
16. Арутюнова Н. Д. Номинация, референция, значение // Языковая номинация. Общие вопросы / отв. ред. Б. А. Серебrenников. Москва : Наука, 1977. С. 188–206.
17. Mill J. St. Of names // Theory of meaning. Prentice Hall, 1970. 90 p.
18. Арутюнова Н. Д. Номинация, референция, значение // Языковая номинация. Общие вопросы / отв. ред. Б. А. Серебrenников. Москва : Наука, 1977. С. 188–206.
19. Курилович Е. Положение имени собственного в языке // Очерки по лингвистике. Москва : Изд-во иностранной лит-ры, 1962. 456 с.
20. Uilmann S. The Principles of semantics. Glasgow, 1959. 352 p.
21. Арутюнова Н. Д. Номинация, референция, значение // Языковая номинация. Общие вопросы / отв. ред. Б. А. Серебrenников. Москва : Наука, 1977. С. 188–206.
22. Searle J. The problem of proper names // Semantics. Cambridge (Mass.), 1971. P. 5–9.
23. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / отв. ред. А. А. Реформатский. Москва : Наука, 1973. 365 с.
24. Габдуллина И. Ф. Переход имен собственных в имена нарицательные в английском, немецком и татарском языках : дис. ... канд. филол. наук / Каз. гос. пед. ун-т. Казань, 2003. 347 с.
25. Мельникова Ю. Н., Шигорева Е. С. Статус имен собственных в лексической системе : в сопоставлении с именами нарицательными // Лексикография и коммуникация - 2015 : материалы I междунар. науч. конф. / под ред. А. П. Седых. Белгород, 2015. С. 181–188.
26. Новичихина М. Е. Коммуникативная эффективность коммерческой номинации // Методы современной коммуникации : проблемы теории и социальной практики : материалы 1-й международной научной конференции «МСК – 2002». Москва, 2002. С. 64–65.
27. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / отв. ред. А. А. Реформатский. Москва : Наука, 1973. 365 с.
28. Кухарж Й. К общей характеристике номинации // Travaux linguistique de Prague/ Tstudes structurales dediées au VI Congrès des slavistes. Prague, 1968. Т. 3. P. 118–128.
29. Дрогайцева М. А. К вопросу о классификации современных медианазваний // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. Воронеж, 2017. № 3. С. 117–120.
30. Стадульская Н. А. Место товарных знаков в ономастической системе // Теоретические и прикладные аспекты исследования языков СК. 2004. № 8 [Электронный ресурс]: Режим доступа : www.cognitive.narod.ru

31. Пахомов В. М. Кавычки и смежные орфографические явления в сфере номинации : автореф. дисс. ... докт. филол. наук / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. Москва, 2008. 30 с.
32. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / отв. ред. А. А. Реформатский. Москва : Наука, 1973. 365 с.
33. Гришина И. И. О двух подходах к интерпретации имени собственного // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2010. № 1 (5). Ч. 2. С. 77–80.
34. Книжникова О. З. О семантике имени собственного // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. Тула, 2009. Вып. 2. С. 237–243.
35. Бондалетов В. Д. Русская ономастика. Москва : Просвещение, 1983. 224 с.
36. Mill J. St. Of names // Theory of meaning. Prentice Hall, 1970. 90 p.
37. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / отв. ред. А. А. Реформатский. Москва : Наука, 1973. 365 с.

References

1. Butenko N. P. On the question of the "semantics" of proper names// Actual problems of lexicology : Theses of reports and messages of the All-Union scientific conference. Minsk: BSU Publishing House, 1970. P. 34-35.
2. Garbovskaya N. B. Onymic and otonymic neoplasms in modern mass-media texts: dis. ... candidate of Philological Sciences / Adygeisk State University. Maykop, 2006. 150 p.
3. Melnikova Yu. N., Shigoreva E. S. The status of proper names in the lexical system : in comparison with common names // Lexicography and communication-2015: materials of the I International Scientific Conference / ed. by A. P. Sedykh. Belgorod, 2015. P. 181-188.
4. Nikonov V. A. Introduction to toponymy. Moscow: Nauka, 1965. 179 p.
5. Nakhimova E. A. Precedent names in mass communication: a monograph / ed. by T. V. Vasilyeva, N. A. Mayer. GOU VPO " Ural. state.ped. un-t"; In-t social education. Yekaterinburg, 2007. 207 p.
6. Guzieva A. H. The status of the proper name in the composition of the PU in precedent texts: author's abstract. ... candidate of Philological Sciences / Kabard.- Balkar State University named after Kh. M. Berbekov. Nalchik, 2003. 18 p.
7. Superanskaya A.V. The general theory of the proper name / ed. by A. A. Reformatsky. Moscow: Nauka, 1973. 365 p.
8. Vvedenskaya L. A., Kolesnikov N. P. From proper names to common names: Book for students of the school. Moscow: Prosveshchenie, 1981. 144 p.
9. Superanskaya A.V. The general theory of the proper name / ed. by A. A. Reformatsky. Moscow: Nauka, 1973. 365 p.
10. Leonovich O. A. In the world of English names: training manual of lexicology. 2nd ed. / ed. by L. I. Kravtsov. Moscow: AST : Astrel, 2002. 160 p.
11. Leychik V. M. People and words / ed. by G. V. Stepanov. Moscow: Nauka, 1982. 175 p.
12. Pels J. Studies in Functional Logical Semiotics of Natural Language // The Hague. Paris, 1971. 160 p.
13. Glukhova O. V. Verbal trademark: appellative or onoma // Izvestiya RSPU im. a.I. Herzen. St. Petersburg, 2008. No. 76-1. pp. 106-110.
14. Kurilovich E. The position of the proper name in the language // Essays on linguistics. Moscow: Foreign Literature Publishing House, 1962. 456 p.
15. Beletsky A. A. Lexicology and theory of linguistics (onomastics). Kiev: Publishing House Kiev. un-ta, 1972. 208 p.
16. Arutyunova N. D. Nomination, reference, meaning // Language nomination. General questions / ed. by B. A. Serebrennikov. Moscow: Nauka, 1977. p. 188-206.
17. Mill J. St. Of names // Theory of meaning. Prentice Hall, 1970. 90 p.
18. Arutyunova N. D. Nomination, reference, meaning // Language nomination. General questions / ed. by B. A. Serebrennikov. Moscow: Nauka, 1977. p. 188-206.
19. Kurilovich E. The position of the proper name in the language // Essays on linguistics. Moscow: Foreign Literature Publishing House, 1962. 456 p.
20. Uiiemann S. The Principles of semantics. Glasgow, 1959. 352 p.

21. Arutyunova N. D. Nomination, reference, meaning // Language nomination. General questions / ed. by B. A. Serebrennikov. Moscow: Nauka, 1977. p. 188-206.
22. Searle J. The problem of proper names // Semantics. Cambridge (Mass.), 1971. P. 5-9.
23. Superanskaya A.V. The General theory of the proper name / ed. by A. A. Reformatsky. Moscow: Nauka, 1973. 365 p.
24. Gabdullina I. F. Transition of proper names to common names in English, German and Tatar languages: dis. ... candidate of Philological Sciences / Kaz. gos. ped. univ. Kazan, 2003. 347 p.
25. Melnikova Yu. N., Shigoreva E. S. The status of proper names in the lexical system : in comparison with common names // Lexicography and communication-2015: materials of the I International Scientific Conference / ed. by A. P. Sedykh. Belgorod, 2015. P. 181-188.
26. Novichikhina M. E. Communicative efficiency of the commercial nomination // Methods of modern communication: problems of theory and social practice: materials of the 1st International Scientific Conference "MSK-2002". Moscow, 2002. P. 64-65.
27. Superanskaya A.V. The general theory of the proper name / ed. by A. A. Reformatsky. Moscow: Nauka, 1973. 365 p.
28. Kuharzh Y. To the general characteristics of the nomination // Travaux linguistique de Prague/ Tstudes structurales dediées au VI Congrès des slavistes. Prague, 1968. T. 3. P. 118-128.
29. Drogaitseva M. A. On the classification of modern media names // Bulletin of the Voronezh State University. Ser. Philology. Journalism. Voronezh, 2017. No. 3. P. 117-120.
30. Stadulskaya N. A. The place of trademarks in the onomastic system // Theoretical and applied aspects of the study of languages NK. 2004. № 8 [Electronic resource]: Access mode : www.cognitive.narod.ru
31. Pakhomov V. M. Quotation marks and related orthographic phenomena in the field of nomination: autoref. diss. ... Doct. of Philological Sciences / V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2008. 30 p.
32. Superanskaya A.V. The general theory of the proper name / ed. by A. A. Reformatsky. Moscow: Nauka, 1973. 365 p.
33. Grishina I. I. On two approaches to the interpretation of the proper name // Philological Sciences. Questions of theory and practice. Tambov, 2010. No. 1 (5). P. 2. P. 77-80.
34. Knizhnikova O. Z. About the semantics of the proper name // Proceedings of the Tula State University. Humanities. Tula, 2009. Issue 2. P. 237-243.
35. Bondaletov V. D. Russian onomastics. Moscow: Prosveshchenie Publishing House, 1983. 224 p.
36. Mill J. St. Of names // Theory of meaning. Prentice Hall, 1970. 90 p.
37. Superanskaya A.V. The general theory of the proper name / ed. by A. A. Reformatsky. Moscow: Nauka, 1973. 365 p.

УДК 81'42

10.36622/AQMPJ.2021.88.74.005

*Саратовская государственная
юридическая академия
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и культуры речи
Абрамова А.М.
Россия, г. Саратов,
тел. +798781439-04
e-mail: AnnaAM1967@mail.ru*

*Saratov State Academy of law
PhD in philology,
associate professor of department of
Russian language and Speech culture
Abramova A.M.
Russia, Saratov,
tel. +798781439-04
e-mail: AnnaAM1967@mail.ru*

А.М. Абрамова

ДИАЛОГИЗАЦИЯ ТЕКСТА КАК ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЁМОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА РУБЕЖА XIX – XX ВЕКОВ

В статье рассматриваются актуальные проблемы диалогичности, несущей в себе элементы аналитики и интердискурсивности. Диалогизация, понимаемая нами как фиктивно-реплицированная форма монологической речи, анализируется в фокусе универсальных функционально-стилистических характеристик лингвистического дискурса рубежа XIX – XX веков. На материале особой гносеологической значимости – литературной критики, академической лекции и судебного красноречия – выявляются основные коммуникативно-эстетические программы и диалоговые формы рубежа прошлых столетий. К ним мы относим, прежде всего, приемы скрытой диалогизации монологического рассуждения. Диалогичность эксплицируется в числе основных релевантных признаков воздействия/убеждения и интерактивного вовлечения аудитории в процесс восприятия информации. Цель работы – выявление и анализ синтаксических средств оформления скрытой диалогизации как риторических приёмов монологического рассуждения. Исследование опирается на единство стилистического и жанрово-дискурсивного анализа прагматической реализации авторской рецептивной установки. Коммуникативные стратегии автора – создателя текста – устанавливаются посредством анализа структурной организации вопросно-ответных комплексов и их функциональной направленности. Проведенные наблюдения позволяют рассматривать диалогичность языка как основную коммуникативно-прагматическую и эстетическую характеристики лингвистического дискурса рубежа прошлых столетий. Специфика исследуемых жанров, нацеленных на интеракцию и ответную реакцию реципиентов, определяется отсутствием непосредственного контакта между адресантом и адресатом. «Однонаправленность» письменной и устной монологической речи активизирует использование большого количества вопросно-ответных комплексов, имитирующих прямой контакт между условными интерактантами. Внутренняя диалогизация монологической речи является одной из основных характеристик общей коммуникативной функции языка и риторической организации публичной речи. В лингвистическом дискурсе рубежа XIX – XX веков диалогичность и экспрессивность речи (как и сегодня) получают особую значимость в аспекте фоновых противоречий и характерного для этого времени поиска новых эстетических форм и программ.

Ключевые слова: экспрессия, прагматика, дискурсивность, мнимая диалогизация текста, вопросно-ответные комплексы.

А.М. Abramova

DIALOGIZING THE TEXT AS ONE OF THE BASIC STYLISTIC METHODS OF THE LINGUISTIC DISCOURSE OF THE BOUNDARY OF THE XIX - XX CENTURIES

The article examines topical problems of dialogicity, which carries elements of analytics and interdiscursiveness. Dialogueization, understood by us as a fictitiously replicated form of monologue speech, is analyzed in the focus of the universal functional and stylistic characteristics of linguistic discourse at the turn of the 19th - 20th centuries. Based on the material of special epistemological significance - literary criticism, academic lectures and judicial eloquence - the

main communicative and aesthetic programs and dialogue forms of the turn of the past centuries are revealed. These include, first of all, the methods of hidden dialogization of monological reasoning. Dialogue is explicated among the main relevant signs of influence / persuasion and interactive involvement of the audience in the process of perceiving information. The purpose of our work is to identify and analyze the syntactic means of formalizing latent dialogization as rhetorical techniques of monological reasoning. The research is based on the unity of stylistic and genre-discursive analysis of the pragmatic implementation of the author's receptive attitude. The communicative strategies of the author - the creator of the text - are established by analyzing the structural organization of question-answer complexes and their functional orientation. The observations made allow us to consider the dialogicity of language as the main communicative-pragmatic and aesthetic characteristics of the linguistic discourse at the turn of the past centuries. The specificity of the studied genres aimed at the interaction and response of the recipients is determined by the lack of direct contact between the addressee and the addressee. The "unidirectionality" of written and oral monologue activates the use of a large number of question-and-answer complexes that imitate direct contact between conditioned interactants. Internal dialogization of monologue speech is one of the main characteristics of the general communicative function of the language and the rhetorical organization of public speech. In the linguistic discourse of the turn of the 19th - 20th centuries, the dialogicity and expressiveness of speech (as it is today) acquire special significance in the aspect of background contradictions and the search for new aesthetic forms and programs characteristic of this time.

Key words: expression, pragmatics, discursiveness, imaginary dialogization of the text, question-answer complexes.

Эстетика слова звучащего, слышимого и визуального – живого слова – особенно актуальна в становлении новых коммуникативных реалий XXI века. Умение говорить ярко и убедительно, доказывать и отстаивать свою точку зрения, опровергая противоположную, обусловлено одним из основных принципов состязательности, восходящего еще к Римскому праву, – «Audiatur et altera pars» (лат. Следует выслушать и другую сторону) [1; с. 6]. С этой точки зрения интересны приемы диалогизации монологического рассуждения как риторические модели коммуникативно-прагматической стратегии: «<...> нет речевых взаимодействий вообще там, где нет диалога» [2; с. 116].

Общеизвестно, что речевая культура формируется, прежде всего, путем бессознательного восприятия окружающего нас языкового материала и подражания языковым авторитетам [3; с. 20]. Несомненную ценность представляет собой материал нашего исследования. Стилистически изысканная проза литературно-художественной критики, судебного и академического красноречия рубежа XIX – XX веков обнаруживает богатый языковой пласт для осмысления лучших традиций искусства владения словом.

Языковая эстетика XIX – XX вв., преисполненная новыми идеями восприятия времени, не вмещалась «в тесный корсет традиционных нарративов» [4; с. 40]. Ее творческие искания привели к появлению множества эстетических направлений, возникновению тематической и стилевой вариативности, черпающей средства выразительности из разных источников: художественной литературы, публицистики, философии, фундаментальных наук, академического красноречия, судебной риторики и т.д. Традиционным становится смешение и взаимопроникновение стилей, отсутствие строгих жанровых границ между текстами различной тематической направленности. Эта лингвориторическая и лингвостилистическая диффузия обусловила эстетическую специфику, изучение которой в социолингвистическом аспекте особенно **актуально** сегодня, в век глобальной информационной и политической переориентации, возрождения стилистических традиций прошлого.

Литературно-критические статьи рубежа XIX – XX вв. до сих пор привлекают к себе внимание читателей свежестью и оригинальностью оценочных суждений. Современники сравнивали их с «маленькими поэмами», подчас превосходящими по силе таланта художественные произведения, которым они посвящены [5]. Судебное же красноречие выдающийся русский юрист, поэт и критик С.А. Андреевский называл «литературой на лету» и, рассуждая об истинном гуманизме и назначении российского правосудия, утверждал, что «задача адвоката идентична задаче писателя: проникнуть во внутренний мир подсудимого и, показав его суду таким, какой он есть <...> защитить таким способом подсудимого от бездушно-формального отношения к нему общества» (Цит. по: [1; с. 5]). По мнению А.М. Камчатнова, «идея гетерогенности, идея синтеза, слияния и взаимодействия разнородных языковых стихий в новое качество проявляла себя по-разному, но всегда оставалась основой стилового разнообразия, лексического и грамматического богатства русского литературного языка» [6; с. 654].

Наряду с «изящными науками» и «словесными искусствами» в концептуальную языковую картину мира органично вплетается «публицистический феномен», детерминирующий экстралингви-

стические и лингвopsихологические характеристики языка эпохи. На рубеже XIX – XX вв. публицистика все активнее реализует агитационно-пропагандистскую функцию, в основе которой лежит воздействующий аспект. «Чистая» информация, информация ради информации в период обострения общественно-политических противоречий, получившей отражение и в развитии культуры, перестает действовать. На первый план выдвигается свойство информации воздействовать/убеждать и соответственно формировать у адресата определенные представления или позиции. Практически все жанры и стили исследуемого периода несут в себе признаки массовой коммуникации, органично включающие эмоционально-риторические и рационально-логические структуры.

Особую значимость и популярность приобретают те жанры, которые под воздействием ряда экстралингвистических и лингвopsихологических факторов, отвечают актуальной для того времени необходимости интерактивного вовлечения аудитории в процесс восприятия информации. К таким жанрам, на наш взгляд, относятся литературно-художественная критика, судебное и академическое красноречие, объективно несущие в себе признаки публицистического, художественного и научного стилей. Информативность, аргументированность, агитационный характер, тяготение к стандарту, а также ограниченность в объеме и предполагаемая максимальная степень воздействия/убеждения стимулируют функциональное единение аналитизма и обобщенности с конкретикой и авторской открытой модальностью, делают возможным тесное переплетение стандартизации с яркой экспрессией живых и сильных чувств. Эти характеристики влияют на степень диалогичности текста как открыто выраженной установки на читателя/слушателя или оппонента во мнении.

Названные выше признаки, включая диалогичность, безусловно, присутствуют во всех анализируемых жанрах, но проявляются и взаимодействуют в них в большей или меньшей степени в зависимости, прежде всего, от характера предъявляемой информации: критического разбора, судебной или же академической речи.

Так, критические сочинения представлены сугубо письменной формой предъявления, поэтому им присуща скрытая, неявная диалогизация. Академическая лекция, предназначенная для восприятия «на слух», но заранее подготовленная и написанная, объективно несёт в себе элементы как разговорной, так и письменной форм речи. Диалогизм в ней вторичен и подчинен задачам подачи научной информации. Судебная же речь представляет собой кодифицированную разновидность устной речи. Как в любой её разновидности, диалог существенно влияет на риторическую организацию изложения информации. В устной речи мы имеем дело с формальным противоречием и фактическим единством не добавочной, но основной активной коммуникативности, то есть с ярко выраженным процессом общения.

Проблемы диалогичности, несущей в себе элементы аналитики и интердискурсивности, в стилистической и речевой культуре рубежа прошлых столетий занимают ведущее положение. Диалогичность связана с реализацией в речи коммуникативной функции. С этой точки зрения любой вид речи представляет скрытый или явный диалог. М.М. Бахтин отмечал, что «язык живет только в диалогическом общении пользующихся им. Диалогическое общение и есть подлинная сфера жизни языка. Вся жизнь языка в любой области его употребления <...> пронизана диалогическими отношениями» [7; с. 212]. Более того, монологическая речь является, как считает Л.В. Щерба, «искусственной языковой формой и <...> подлинное свое бытие язык обнаруживает в диалоге» [8; с. 3-4].

Учитывая, что «по сравнению с диалогом «уровень условности при монологической письменной и устной речи существенно выше: она обращена не к конкретному собеседнику, от которого можно ждать непосредственной реакции, а к реципиенту «вообще», т. е. к некоей абстракции» [9; с. 107], следует иметь в виду, что при этом активность восприятия должна быть на уровне воздействия на конкретного адресата, а не «вообще».

Адресат для адресанта выступает полноправным партнером, с которым ведется активный диалог. Эта экстралингвистическая особенность стимулирует возникновение мнимой, т.е. неявной, скрытой, диалогизации монологического текста. «Если в устной обиходно-разговорной речи диалогичность выступает в своей чистой форме – явного диалога, спонтанно протекающего реплицирования, детерминированного условиями общения, то в других сферах <...> диалогичность выступает как бы в скрытой форме, хотя и сохраняет при этом отдельные черты устного диалога» [10; с. 129].

Сказанное позволяет рассматривать диалогичность языка в числе релевантных признаков интерактивного экспрессивного вовлечения аудитории в процесс восприятия информации, а также как

универсальную форму проявления экспрессивности на уровне синтаксической структуры [11, 12, 13 и др.].

Круг явлений экспрессивного синтаксиса, представленный в речевых жанрах исследуемого периода, достаточно широк: лексико-синтаксический повтор, синтаксический параллелизм, средства актуального членения (порядок слов), вопросно-ответные комплексы (ВОК), восклицательные конструкции, минимальные синтаксические структуры (реализующие структурную схему), вставные конструкции, синтаксические конструкции, включающие средства выражения авторской модальности, обращения и др.

Вопросительные конструкции (ВК) в текстах исследуемых жанров – результат влияния живой разговорной речи на все функциональные стили современного русского языка. В разговорной речи вопрос необходим для непосредственного общения, в анализируемых же нами текстах он сосредоточивает внимание получателя речи (читателя/слушателя) на каком-либо утверждении, отрицании или предположении, направляет к определенной «побудительной» иллюкутивной цели.

Специфика жанров, нацеленных на интеракцию и ответную реакцию реципиентов, определяется отсутствием непосредственного контакта между адресантом и адресатом. «Однонаправленность» письменной и устной монологической речи предполагает, что в акте «речевого общения» участвует только одно действующее лицо, а «собеседник» существует либо в авторском воображении, либо выступает в роли активного/пассивного слушателя. Этим и объясняется наличие в текстах большого количества ВК, компенсирующих отсутствие прямого контакта между адресантом и адресатом. В анализируемых речевых жанрах вопросительные предложения часто сопровождаются ответными конструкциями; автор/оратор словно вживую беседует со своими читателями/слушателями. Такие синтаксические построения в научной литературе квалифицируются как «вопросно-ответные комплексы» (ВОК), «вопросно-ответные построения» (ВОП), «вопросно-ответные блоки» (ВОБ) и т.д.

В судебной риторике речевые обороты, предназначенные для придания сказанному живости, динамичности и наглядности, или же для того, чтобы, избегая однообразия и монотонности, перейти от одной мысли к другой, принято называть *фигурами убеждения* [14]. Почти все фигуры этой группы содержат в себе то, что В.В. Одинцов [15; с. 129] называл *вопросно-ответным ходом*.

Частотность ВОК в нашем материале достаточно высока. Они усиливают прагматическую направленность информации, экспрессивность и эмоциональность текста. В анализируемых жанрах мы находим разновидности ВОК, в которых вербально оформленные реплики по структуре могут быть: а) краткими, лаконичными, представленными лишь одним простым предложением, легко трансформируемым в повествовательное предложение; б) распространенными, широко развернутыми, представленными сложными синтаксическими построениями, осложненными обособленными вводными, вставными и др. конструкциями. Пример лаконичной конструкции:

Кому же говорит Пастернак? Пастернак говорит сам с собою (М.И. Цветаева «Эпос и логика современной России») [16; с. 407].

Что у нас от этой повести остается? Пастернаковы глаза [Там же].

Несобственно-диалогическая речь в данных примерах представляет собой двухчастное образование, первая часть которого выражена вопросительным предложением, а вторая является кратким ответом на «поставленный вопрос». Единство двух вербально оформленных реплик создает иллюзию диалога между автором и предполагаемым читателем: М.И. Цветаева сама спрашивает, сама и отвечает, категорично опережая возможные возражения и несогласие читателей. Обе части ВОК кратки, лаконичны, тесно связаны друг с другом образностью языка и открытостью мысли автора-творца.

Подобную вопросительную конструкцию Ф.Н. Плевако использовал в речи, произнесённой в защиту интересов опеки А.В. Мазуриной:

Бежала ли туда Мазурина, ища свободы, удобств жизни? Нет!.. И далее судебный оратор дает развернутое пояснение (вставка наша – А.А.) – *Ни та обстановка, в которой нашли её в 1881 году, ни та, в которой она жила в шестидесятых, – не лучшие, а хуже позднейшей московской обстановки* (Ф.Н. Плевако. Дело Булах.) [17; с. 124].

В приведенном примере вопросно-ответный комплекс позволяет посредством построения логической цепочки причинно-следственных связей, усиливающей отрицание ВОК, полнее передать авторскую стратегию психологического убеждения: *нет, не искала..., нет, не бежала..., следовательно ...*. Первая часть ответной реплики односложная, представлена одним словом *нет*. Оратор

спрашивает и, не дожидаясь ответа, формулирует утверждение. Вторая ответная реплика выражена развернутой антитезой. Ф.Н. Плевако намеренно вводит стилистическую фигуру, построенную на контрасте и сопоставлении, поскольку авторская аргументация *ad hominem*, обогащенная модальностью и эвалюативностью, усиливает воздействующий эффект на слушательскую аудиторию.

В следующем фрагменте одночастное образование представляет одну вербально оформленную реплику. Вторая – домысливается читателем:

Мы – звенья единой цепи. Или на нас не лежат грехи отцов? (В.Я. Брюсов «Александр Блок») [18; с. 235].

Несобственно-диалогическая речь целенаправленно создана одночастной: автору в его экспрессии не важна вербальная озвученность второй части диалога. Он задает вопрос не только своему читателю, но и себе, стараясь постичь глубину вины всех. В экспрессивном вопросе *или на нас не лежат грехи отцов?* звучит библейский, а потому очевидный ответ *мы тоже виноваты* – неприемлемый, быть может, для других. С позиций прагматики подобное психологическое построение создает конфликт высокого экспрессивного уровня.

В простейшем виде ВОК не предполагает ответа, а представляет собой риторический вопрос. Такой вопрос, как известно, не является вопросом в полном смысле слова – «это утверждение или отрицание в форме вопроса или восклицания» [1; с. 120].

Текстовые функции вопросительного предложения достаточно разнообразны: назывная – определение темы «ответа»; интригующая – констатация темы «ответа», придание ей определенных, собственно прагматических задач; дискуссионная – установление хода внешней или внутренней дискуссии; оценочная – использование риторического вопроса, предназначенного не столько для структурной организации ВОК, сколько для обобщенной оценки его второй «ответной» части.

В анализируемых жанрах выделяется, прежде всего, тот тип ВОК, основной функцией которого является функция аналитическая. В ряде случаев в поисках эстетического, философского, морально-этического отклика авторы вводят в тексты статей/речей достаточно обширные реминисценции самого различного свойства. Это могли быть развернутые полемические параллели о взглядах на прогресс, историю, образование, культуру и др.:

*В самом деле, я представляю себе с вашей стороны возражение в роде следующего: «да разве уже из самого состава борющихся сторон не ясно, кто прав и кто виноват? разве может быть прав вопреки мнению совокупности общества тот одиночный «знарок дела», о котором вы говорите и под которым вы, вероятно, разумеете самого себя, г. лектор? Оставим в стороне классическую филологию: она для общества неинтересна, и оно имеет поэтому право ее не знать; но античность, как элемент культуры, античность, как фактор образования – разве можно допустить, чтобы общество ошибалось в решении таких насущных, так близко его касающихся вопросов? Не даром же и в пословице сказано: *vox populi – vox Dei!*». Тут я мог бы сделать оговорку – и довольно существенную – по отношению к этой «совокупности общества», о которой нам так много говорят; но это не так важно. Пусть будет по-вашему: я все-таки не могу согласиться, чтобы вы к этой действительной или мнимой совокупности применяли пословицу о *vox populi*, так как против этого применения **громогласно протестует история всех времен**. Вспомните о том, как римское общество требовало на арену первых христиан, вспомните об остервенении общества против еретиков в Испании или против ведьм в Германии, вспомните о той единодушной поддержке, которую долгое время находили в обществе такие институты, как рабство негров в Америке или крепостное право у нас – и вы согласитесь, что очень часто *vox populi* бывает поистине *vox diaboli*, а не *Dei* (Ф.Ф. Зелинский «Древний мир и мы») [19].*

Рассуждая об образовательном значении античности, лектор, казалось бы, пусть даже иронично и снисходительно, но всё же соглашается, с распространенным устойчивым мнением современников о классической филологии. Создается впечатление, что он и не собирается вступать в дискуссию со скептически настроенной слушательской аудиторией. Но вдруг оратор выходит за рамки обсуждаемой темы и обращается к «истории времен». И вот уже не он сам *знарок дела*, а **громогласный протест истории всех времен** заставляет признать *глас Божий* <...> *который указывает человечеству пути его культурного развития* [Там же].

Рассуждение Ф.Ф. Зелинского в исторической ретроспекции направляет мысли слушательской аудитории к необходимым ему философским обобщениям и обращает их к основной идее «воз-

рождения русской классической школы» [Там же]. Экспрессия высокого уровня достигается посредством фиктивно-реплицированной организации аналитического повествования.

Чтобы удержать внимание читателей, авторы письменных текстов критических сочинений, подобно ораторам, используют приемы убеждения, построенные на основе риторических периодов с использованием анафоры, сквозного лексического повтора и синтаксического параллелизма. Прагматика автора, его внутренний дискурс направлены не только на то, чтобы информировать и убедить, но и «впечатлитель» читателей, создать у воображаемого оппонента ощущение причастности к описываемым событиям. Фиктивно-реплицированная форма изложения более эффективна, когда автор предлагает читателям не один, а несколько вариантов ответов. Они функционально продолжают нести нагрузку открытых вопросов и порождают возникновение открытой полемики:

Почему «учредилка»? – Потому, что мы сами рядили о «выборных агитациях». Потому что мы сами рядили о «выборных агитациях», сами судили чиновников за «злоупотребление» при этих агитациях, потому, что самые цивилизованные страны (Америка, Франция) сейчас захлебнулись в выборном мошенничестве, выборном взяточничестве [20; с. 17-18].

Почему «долой суды»? – Потому, что есть томы «уложений» и томы «разъяснений... Почему валят столетние парки? – Потому, что сто лет под их развесистыми липами и кленами господина показывали свою власть <...> [Там же].

Автор заставляет читателей включиться в активный процесс постижения истины. Такой способ организации критического повествования придает тексту живость и экспрессивность, является убедительным средством авторского воздействия.

Наблюдения над функциональной и структурно-композиционной поливалентностью риторических приемов мнимой диалогизации в исследуемом материале позволяют сделать ряд выводов.

1. Организация скрытой диалогизации посредством ВОК создает коммуникативный успех в условиях монологического рассуждения, порождает речевой комфорт в полемическом сценарии автора.

2. Коммуникативная эффективность ВОК направлена на убеждение адресата в правомерности авторских оценочных суждений и выводов; побуждает читателя/слушателя принять и поддержать их, включив в свою ценностную систему эстетического и морально-этического восприятия.

3. ВОК на уровне экспрессивного синтаксиса представляют собою яркие риторические модели, интегрирующие в тексте развернутые авторские реминисценции различного свойства (размышления на нравственно-философские темы, фрагменты рассуждений морального плана и т.д.).

4. Разноплановость и множественность функций ВОК дает возможность однозначно утверждать релевантность эстетической программе и многофункциональность приема диалогизации в лингвистическом дискурсе рубежа XIX – XX веков.

Библиографический список

1. Петров О.В. Основы судебного красноречия: учебное пособие. М.: Проспект, 2014. 208 с.
2. Якубинский Л.П. О диалогичности речи // Русская речь. Вып. 1. Пг., 1923. С. 115-118.
3. Сидорова М.Е, Савельев В.С. Русский язык. Культура речи: конспект лекций. М.: Айрис-пресс, 2007. 208 с.
4. Ассман Алейда. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна / Алейда Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова; пер. английских цитат Д. Тимофеева. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 272 с.
5. Абрамова А.М. Функционально-стилистическое своеобразие языковых средств в литературной критике конца XIX – начала XX веков. Дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2003. 154 с.
6. Камчатнов А.М. История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века. М.: Академия, 2005. 688 с.
7. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. Россия, 1979. 318 с.
8. Щерба Л.В. Восточно-лужицкое наречие, т. 1. Пг., 1915. С. 3 и 4 Приложения.
9. Славгородская Л.В. О диалогизации научной прозы. // Стиль научной речи. М.: Наука, 1978. С. 106 –120.
10. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1993. 224 с.

11. Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М.: Высшая школа, 1990. 166 с.
12. Кожина М.Н., Троянская Е.С., Мирская Е.З. Система научных коммуникаций // Социологические проблемы науки / под ред. В. Ж. Келле, С. Р. Микулинского. М., 1974. С. 370–373.
13. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка: Опыт систем. исслед. / А.П. Сковородников. Томск: изд-во Томского ун-та, 1981. 255 с.
14. Петров О.В. Риторика: учеб. М.: ТК Велби, Проспект, 2004. 423 с.
15. Одинцов В.В. Стилистика текста. М.: Наука, 1980. 263 с.
16. Цветаева М. И. Сочинения. В 2-х т. М.: Художественная литература, 1980. Т. 2. 543 с.
17. Плевако Ф. Н. Избранные речи. В 2-х томах. Том 1. Изд-во Юрайт, 2016. 654 с.
18. Брюсов В. Я. Сочинения. В 2-х т. М.: Художественная литература, 1987. Т. 2. 575 с.
19. Зелинский Ф.Ф. Древний мир и мы // Из цикла сочинений под общим названием "Из жизни идей". URL: http://dugward.ru/library/zelinskiy/zelinskiy_drevniy_mir.html (дата обращения: 11.03.2021).
20. Блок А. А. Интеллигенция и Революция // Русская литература рубежа XIX – XX веков. Хрестоматия критических материалов. М., 1999. 496 с.

References

1. Petrov O.V. Fundamentals of judicial elood: a textbook. M.: Prospekt, 2014. 208 p.
2. Yakubinsky L.P. On the dialogue of speech // Russian speech. Vol. 1. GH., 1923. P. 115-118.
3. Sidorova M.E. Savelyev V.S. Russian language. Culture Speech: Abstract lectures. M.: Iris-Press, 2007. 208 p.
4. Assman Aleid. Space the connection of times? Take off and fall in the temporal mode of Modern / Aleid Assman; Per. with it. B. Khlebnikov; Per. English quotes D. Timofeyev. M.: New Literary Review, 2017. 272 p.
5. Abramova A.M. The functional and stylistic peculiarity of language funds in the literary criticism of the end of the XIX - the beginning of the XX centuries. Dis. ... Cand. philol. science Makhachkala, 2003. 154 p.
6. Kamchatnov A.M. The history of the Russian literary language: XI - the first half of the XIX century. M.: Academy, 2005. 688 p.
7. Bakhtin M.M. Dostoevsky poetics problems. M.: OV. Russia, 1979. 318 p.
8. Scherba L.V. East-Luzhitskoy Nare, t. 1. GH., 1915. P. 3 and 4 applications.
9. Slavgorodskaya L.V. On the dialogue of scientific prose. // Style Scientific Speech. M.: Science, 1978. P. 106 -120.
10. Leather M.N. Stylistics of the Russian language. M.: Enlightenment, 1993. 224 p.
11. Akimova G.N. New in the syntax of the modern Russian language. M.: Higher School, 1990. 166 p.
12. Spelin M.N., Troyanskaya E.S., Mirskaya E.Z. System of scientific communications // Sociological problems of science / ed. V. J. Kelle, S. R. Mikulinsky. M., 1974. P. 370-373.
13. Skovorodnikov A.P. Expressive syntactic constructions of the modern Russian literary language: System Experience. Research / A.P. Skinmen. Tomsk: Publishing House of Tomsk University, 1981. 255 p.
14. Petrov O.V. Rhetoric: studies. M.: TK Velby, Prospekt, 2004. 423 p.
15. Odintsov V.V. Stylistics text. M.: Science, 1980. 263 p.
16. Tsvetaeva M. I. Works. In 2 t. M.: Fiction, 1980. T. 2. 543 p.
17. Purevako F.N. Favorite speeches. In 2 volumes. Volume 1. Publishing House of Yuratt, 2016. 654 p.
18. Bruce V. Ya. Works. In 2 t. M.: Fiction, 1987. T. 2. 575 p.
19. Zelinsky F.F. Ancient world and we // from the workout cycle under the general name "from the life of ideas." URL: http://dugward.ru/library/zelinskiy/zelinskiy_drevniy_mir.html (date of handling: 03/11/2021).
20. Block A. A. Intelligentsia and revolution // Russian literature of the turn of the XIX - XX centuries. Reader critical materials. M., 1999. 496 p.

УДК 811.1

10.36622/AQMPJ.2021.29.39.006

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
по техническим направлениям
института гуманитарного образования
Кисель О.В.
Россия, г. Магнитогорск,
тел. +7-904-943-93-50,
e-mail: olesja-kisel@rambler.ru*

*Nosov Magnitogorsk State
Technical University
The Institute of Humanities
The Foreign Languages for Engineering Chair
PhD, associate professor
Kisel O.V.
Russia, Magnitogorsk,
tel. +7-904-943-93-50,
e-mail: olesja-kisel@rambler.ru*

О.В. Кисель

МЕСТО НИКНЕЙМА КАК ЗНАКА ИДЕНТИФИКАЦИИ В ОНОМАСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

На рубеже XX-XXI веков стремительно развиваются информационные технологии, которые стали служить поддержкой для распространения совершенно новых способов хранения, передачи, поиска информации. Современные средства коммуникации привели к изменениям в обществе, что, в свою очередь, затронуло и язык. Появление Интернета повлекло за собой развитие совершенно новых исследований, связанных с виртуальной языковой личностью, Интернет-коммуникацией, самопрезентацией личности. Большое количество работ посвящено никнеймам как новому знаку для идентификации пользователей Интернета в онлайн-пространстве. Интернет-коммуникация требует от каждого пользователя создать имя, по которому другие участники смогут узнать его. Самопрезентация личности на сегодняшний день ограничена лишь фантазией имядателя. Необходимость в самоидентификации привела к появлению такого явления как никнейм. Никнейм (ник) может состоять из любых знаков, однако, при создании ников пользователи Интернета руководствуются не только своими предпочтениями, но и целями, для чего и при каких условиях создается тот или иной знак: для общения на форумах, для идентификации себя в социальных сетях. Участники Интернет-коммуникации выделяют особым образом важные для них собственные внеязыковые характеристики, тем самым привлекая внимание к себе. Все это доказывает тот факт, что никнейм способен стать полноценной языковой единицей. В статье описаны некоторые семантические аспекты, характерные для никнеймов. Вследствие этого автор статьи приходит к выводу, что ник является знаком ономастической системы языка.

Ключевые слова: виртуальная языковая личность, самопрезентация, личное имя, никнейм, ник, ономастическая система языка.

O.V. Kisel

THE PLACE OF THE NICKNAME AS AN IDENTIFICATION SIGN IN THE ONOMASTIC SYSTEM

At the turn of the XX-XXI centuries, information technologies are rapidly developing, which began to serve as support for the spread of perfect new ways of storing, transmitting, and searching information. Modern means of communication have led to changes in society, which, in turn, has affected the language. The emergence of the Internet has led to the development of completely new research related to the virtual language personality, Internet communication, and self-presentation of the individual. A large number of works are devoted to nicknames as a new sign for identifying Internet users in the online space. Internet communication requires each user to create a name by which other participants can recognize it. Self-presentation of the individual, to date, is limited only by the imagination of the namegiver. The need for self-identification has led to the emergence of such a phenomenon as a nickname. A nickname (nick) can consist of any signs, however, when creating nicknames, Internet users are guided not only by their preferences, but also by the goals for which and under what conditions a particular sign is created: for communication on forums, for identifying themselves in social networks. Participants in Internet communication highlight their own non - linguistic

characteristics that are important to them in a special way, thereby attracting attention to themselves. All this proves the fact that a nickname can become a full-fledged language unit. The article describes some semantic aspects specific to nicknames. As a result, the author of the article comes to the conclusion that the nickname is a sign of the onomastic system of the language.

Keywords: virtual language personality, self-presentation, personal name, nickname, onomastic language system.

В последние десятилетия стремительный рост и распространение информационных технологий привели к тому, что исследователи проявляют все больший интерес к Интернет-коммуникации, самопрезентации, виртуальной языковой личности, никнейму. Данные языковые и внеязыковые явления аккумулируют в себе такие характеристики современного общества как глобализация, интерактивность и скорость получения информации. Они стали предметом исследования как отечественных, так и зарубежных исследователей.

На современном этапе развития науки, исследования, связанные с Интернетом, условно делятся на две группы. С одной стороны, исследователи уделяют внимание вопросам коммуникации в Интернет-пространстве. С другой стороны, существует большое количество исследований, посвящённых возникновению, развитию и функционированию личности как особого типа адресата и адресанта.

Д. Кристалл в своей книге «Язык и Интернет» утверждает, что Интернет стимулирует расширение, разнообразие и творчество в языке. Охватывая целый ряд интернет-жанров, включая электронную почту, чат, сайты, автор описывает процесс использования языка в Интернет-коммуникации [1]. В.А. Шарипова, М.А. Елинсон, О.С. Исхакова в своей работе исследуют новые возможности способы опосредованного общения. Авторы рассматривают такой актуальный вопрос как деградация литературного языка в Интернет-пространстве [2]. В своей работе А.В. Полонян описывает такие характеристики Интернет-коммуникации как виртуальность и анонимность [3]. Вопрос о речевой коммуникации в мессенджерах был рассмотрен Э.Р. Усмановой. Автор описывает фонетико-графические, лексические, синтаксические языковые единицы, встречающиеся в Интернет-коммуникации молодежи [4]. В исследовании зарубежных авторов Марины Сбиса и Паоло Лабиназа рассматриваются различные языковые средства, которые используют пользователи сети Facebook [5]. Предметом исследований Г.В. Кукуевой и А.И. Дубских стали лингвистические и экстралингвистические факторы самопрезентации языковой личности [6; 7]. К.А. Алексеева в работе «Самопрезентация в киберпространстве: границы реального и выдуманного» рассматривает основные проблемы создания виртуальной личности: анонимность в Интернет пространстве, выделение носителя виртуальной личности, произвольное и непроизвольное в контексте своего образа [8]. Никнейм, как особый тип онимов стал предметом исследования А.В. Зубаревой. Автор позиционирует никнейм как особый ономастический знак, который входит в ономастическую систему языка и обладает прагматическими, формальными, грамматическими и стилистическими свойствами [9].

Предметом нашего исследования является никнейм как знак для идентификации личности в Интернет-пространстве. Цель работы – определить семантические особенности никнеймов как особого типа антропонима, а также место никнеймов в ономастической системе языка.

В виртуальном пространстве следует говорить не о языковой личности, а о виртуальной личности пользователя Интернета. Ник – это виртуальное имя, а языковые знаки являются в данном случае лишь средством для номинирования, зачастую не имеющим никакой исторической и культурной составляющей. Интернет стал родоначальником нового типа языковой личности - виртуальной. «Виртуальная языковая личность меняет отношение ко времени и пространству, характеризуется высокой степенью поглощенности виртуальной деятельностью, даже при отсутствии конечной цели, не имеет четкого и ясного представления о партнере по коммуникации. У нее смещаются акценты мировосприятия, когда ориентация на других в процессе коммуникации заменяется ориентацией на себя. Виртуальная языковая личность может постоянно экспериментировать, играть со своей идентичностью» [10, с. 13].

Способы выразить свою идентичность тесно связаны с таким явлением как самопрезентация – это набор различных средств самовыражения (вербальных и невербальных), с помощью которых виртуальная языковая личность способна сформировать свой собственный индивидуальный образ и тем самым презентовать себя в Интернет коммуникации. Чтобы наладить Интернет-коммуникацию необходимо каким-то образом идентифицировать себя, презентовать свою личность, чтобы она стала узнаваемой.

Следует выделить несколько форм компьютерной идентификации. Первая – это адрес электронной почты, основная цель которого – помочь пользователю получать сообщения. Адрес часто имеет определенную часть (*butova@; olesya@*) или полную версию первоначального имени фактического носителя (например, *olesyakisel@*) или может содержать дополнительный элемент, такой как возраст или год рождения (например, *annbutova79@*).

Другая группа включает имена, которые используются на различных сайтах социальных сетей, таких как (*Facebook VK, Instagram*), которые в основном идентичны оригинальному имени или его частям. Графический образ ника может быть презентован как на родном языке, так и являться транслитерированным вариантом официального именования. Это вполне объяснимо, так как основная цель этих сайтов – презентовать себя как реальную личность, а также идентифицировать знакомых из офлайн пространства и установить с ними контакт.

Для представителей русского лингвокультурного пространства существует большее количество вариантов самопрезентации в социальных сетях. Это связано с тем, что система антропонимов русского языка трёхчлена: *Васильев Артемий Ксенофонович*. в данном случае, презентуя себя в онлайн пространстве человек имеет выбор назвать себя: *Артемий Васильев, Артемий Ксенофонович* или же *Артемий К. Васильев*. Последний вариант именования наиболее приближен к типичным именованиям, принятым в англоязычном социуме.

Третья и самая яркая форма, служащая для идентификации виртуальной личности – это никнейм. Существует бесчисленное количество таких чатов, где участники могут говорить на самые разные темы или комментировать любые из них. В рамках этих сообщений нет необходимости, чтобы пользователь был идентифицирован как в офлайн-пространстве. Главная роль никнейма заключается в том, чтобы помочь другим ассоциировать человека с тем, что он сказал в определенном разговоре. Неудивительно, что, как и в случае с самоназванием, мы получаем самую интересную, самую сложную форму имени среди компьютерных.

С появлением интернет имен – никнеймов - возникает необходимость определить тип и форму нового онима, а также попытаться включить его в уже созданную систему имен собственных. При этом следует проанализировать условия, которые стояли за созданием ника.

Исходя из правил конкретного форума, никнейм может быть создан автоматически, с помощью генератора. Вот несколько примеров имен, созданных при помощи генератора: **WW**; *!Dona!*, *fgSErgio2302*.

При создании никнейма нет никаких определенных правил, зачастую это лишь фантазия и желание самого человека. Ник не ограничивается ничем. Это могут быть строчные или заглавные буквы, цифры или любой знак препинания, который может быть создан на компьютере. Однако, существует все же одно ограничение – так как в коммуникации все участвуют только виртуально, то все участники должны иметь разные имена. Поскольку каждый участник представляет себя со своим ником в этой виртуальной области, эти маркеры часто отличаются от обычных имен собственных.

По вопросу о возникновении имен и никнеймов, в частности, мы придерживаемся мнения А.К. Матвеева, который считает, что имена – это сочетание звукового материала языка важного лишь в момент создания онима, а затем, в процессе функционирования, ценность его полностью нивелируется. При таких условиях, как подчеркивает автор, появляется возможность создавать имена из любых знаков [11].

Единичность и определенность номинации никнеймов проявляется в том, что они являются результатом самономинации: носители виртуальных имен являются их авторами.

При описании семантических особенностей никнеймов мы придерживаемся определения С.Н. Смольникова [12]. Никнейм – это актуальный антропоним с осложненной семантикой, в которой превалирует «индивидуальность» носителя и его определенные цели, которыми он руководствовался при создании никнейма. Все эти характеристики входят в экстралингвистическую составляющую семантической структуры виртуального имени. Лингвистическая составляющая – это семы лицо, пол, принадлежность к человеческому обществу.

Данную точку зрения поддерживают и А.С. Балкунова, Э.М. Рянская, говоря о том, что классификационная семантика антропонима состоит из обобщенных представлений о носителе имени, а никнейм, в свою очередь, является более сложным языковым знаком. «Даже если выбирается личное имя в качестве никнейма, то оно редко дублирует реальную форму, чаще всего представлено в виде коннотативно окрашенных вариантов, например, *Сергей – Сергун, Серёга; Кристина – Кристишка*,

Олег – *ОЛЕЖИК* и т.д. Также встречаются варианты написания личных имен (никнеймов) с прописной (*Вадим, Оксана, Алена*) и со строчной букв (*павел, оля, юля*)» [13].

Итак, семантика никнейма как ономастического знака, основана на внеязыковых, экстралингвистических характеристиках своего носителя таких как: внешность, место проживания, род занятий и т.д., а, следовательно, коннотативный аспект будет играть определяющую роль при создании ника [14].

Личное имя, в своем классическом понимании, – это прежде всего языковой знак, в семантике которого превалирует коннотативный компонент, основанный на социальной составляющей, включающей в себя предпочтения имядателя. Основной особенностью личного имени как социального маркера является то, что его носитель не является его создателем, и, зачастую, принимает данный языковой и социальный знак как вынужденную данность [14].

Для интернет-коммуникации в интернет-пространстве формирование никнейма происходит по другим законам. В основе всего лежит принцип самопрезентации. Именно сам носитель через никнейм описывает себя, презентует свою личность с той позиции, которая подходит для определенного блога, чата или сайта.

Включение или не включение никнейма в систему имен – вопрос открытый. Для ответа на него следует сначала доказать, что эта форма имени полностью соответствует критериям имени собственного. На наш взгляд, определение Хайда, которое гласит, что «имя собственное – это языковой знак, создатель которого (это может быть не один человек или даже организация) создает его для идентификации чего-то (объекта: человека, места, животного, идеи, вещи и т. д.) или близкой группы (людей, животных, географических объектов, предметов, вещей, идей и т. д.), и оно принимается и используется определенным сообществом» [15], в большей степени, чем другие определения подходит к никнейму.

Ник соответствует всем критериям этого определения, кроме правильного написания. Однако, по словам Коутса, имена идентифицируют людей без указания каких-либо их характеристик [16]. Это означает, что имена собственные не имеют никакого реального значения.

По нашему мнению, никнеймы могут войти в систему личных имен языка как полноценные онимы, так как они имеют следующие характеристики.

Во-первых, никнейм можно рассматривать как имя, поскольку он создается для выполнения атрибутивной функции, которая, в отличие от условного наименования, задается не внешним источником, а, посредством самопрезентации, носителем. Через никнейм могут быть отражены знания, привычки и мировоззрение носителя.

Во-вторых, ник имеет как директивную, так и интегративную функции. Директива, учитывает, что через ник участник коммуникативного процесса может предположить, есть ли у него и носителя никнейма что-то общее (например, взаимный интерес, возраст, пол, место рождения и хобби). Интегративная функция проявляется в начале коммуникации: имя может оказывать влияние на участников, о ком они должны начать говорить, на чьи действия они должны реагировать, или с кем они должны создать сообщество.

В виртуальном пространстве никнейм не просто номинирует личность, он является частью виртуальной языковой личности. Письменная форма ника появляется каждый раз, когда человек что-то комментирует, самореализует себя в Интернет-пространстве. Никнейм может также выполнять фатическую роль, известную из реального мира, поскольку данный вид онима может выступать в качестве формы обращения при установлении и поддержании контакта с другими участниками.

Статус никнейма как имени собственного поддерживается и тем, что сами пользователи относятся к этому номинирующему элементу как к имени. В большинстве чатов, форумов ник пользователей со временем становятся темой разговоров, в которых обсуждают мотив и происхождение данного именования. Например, на форуме: *Kasperskyclub* есть тема под названием: «Что означает ваш ник на форуме?» Так, один из пользователей под ником *ROME'D'ROS* так объясняет происхождение своего виртуального имени: «Постараюсь коротко: *ROME'D'ROS* (разбиваем на слоги), *ROM* - Роман по-английски (*ROMan*), *E* – Единственный сын у моей любимой мамы, *'D'* – считаю себя особенным (а также из-за того, что мои дальние родственники были с фамильной приставкой *Д'*, как *Д'Артаньян*, *Жанна Д'Арк*, точные фамилии родственников мне не известны), *ROS* – живу в России (*ROSSIA*, по идее *RUSSIA*, но я выбрал *ROS*, так звучит лучше)». Это доказывает, что пользователь не просто создал ник, а вложил в него внеязыковые характеристики и свои предпочтения. Следова-

тельно, никнейм имеет значение и даже семы, присущие личному имени. Ник выступает в качестве имени, и поэтому он абсолютно принадлежит к системе имен собственных.

Так, никнеймы – это «замещающие» имена, носители которых могут использовать их в Интернет-коммуникации. Они выбираются самим носителем, таким образом, являются самонаименованием и используются для самопрезентации виртуальной языковой личности. Если рассмотреть семантический, формальный, прагматический и функциональный аспекты ников, то можно сделать вывод, что они составляют сложную систему. Если мы рассматриваем ник как личное имя, то к чему оно должно принадлежать? Лучшим решением было бы добавить идентификационный ник, используемый в Интернете, в группу неофициальных личных имен, следующих за прозвищем и псевдонимом. В рамках этой категории имен псевдоним и никнейм будут связаны гораздо больше, поскольку обе эти формы имен обычно создаются путем самоназвания. А.В. Бутова придерживается мнения, что никнейм ближе всего подходит к классу псевдонимов, поскольку эти прозвища, как правило, даются самими носителями имени [17].

Итак, Никнеймы, лингвистические или нелингвистические маркеры – это самостоятельно созданные единицы, которые создаются каждым человеком, участвующим в Интернет-коммуникации. Основная функция ников – идентифицировать и дифференцировать виртуальную языковую личность, сделав ее уникальной.

Исходя из этой функции, можно заключить, что никнеймы очень похожи на формы личных имен, и поэтому они могут быть включены в число личных имен как новые формы онимов. Мы можем рассматривать их как имена, так как они, как ясно показал анализ выше, часто имитируют процесс именования. Пользователи считают их именами, так как большинство из них выбирают из собственных реально существующих форм имен. Никнеймы отличаются от обычных личных имен, так как имядатель и его носитель – не одно и то же лицо, в то время как в случае никнеймов, лицо имядатель и носитель – это одно и то же лицо, что означает, что присвоение виртуального имени – это процесс самонаименования и самопрезентации. Анализ ников в ономастическом аспекте все еще содержит в себе много возможностей, поскольку выбор ников – это процесс именования, даже если его рассматривать как самономинацию.

Библиографический список

1. Cristal D. Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 318 p.
2. Шарипова В.А., Елинсон М.А., Исхакова О.С. Интернет-коммуникация: новые возможности и способы опосредованного общения или деградация языка // Вестник Башкирского университета. 2019. Т. 24. № 1. С. 210-214.
3. Полоян А.В. О некоторых лексико-грамматических особенностях языка социальных сетей // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2019. № 1. С. 131-137.
4. Усманова Э.Р. Особенности коммуникации молодежи в мессенджерах // Устойчивое развитие науки и образования. 2019. № 2. С. 200-202.
5. Paolo Labinaz, Marina Sbisà Speech acts and the dissemination of knowledge in social networks // Approaches to Internet Pragmatics: Theory and practice. Edited by Chaoqun Xie, Francisco Yus and Hartmut Haberland 2021 pp. 146–172
6. Кукуева Г.В. Самопрезентация языковой личности пишущего (на материале интернет-жанра эссе) // Сибирский филологический журнал. 2019. № 1. С. 252-264.
7. Дубских А.И. О некоторых аспектах коммуникативной стратегии самопрезентации // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: сборник статей участников IV Международной научной конференции: в 3-х томах. Челябинск: РЕКПОЛ, 2008. Т. 1. С. 96-100.
8. Алексеева К.А. Самопрезентация в киберпространстве: границы реального и выдуманного // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8. № 2. С. 175-186.
9. Зубарева А.В. Никнейм как особый тип онимов: в поисках интегрального признака // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2018. № 4. С. 115-123.
10. Лутовинова О.В. Языковая личность в виртуальном дискурсе: дис...д-ра филол. наук. Волгоград. 2013. 42 с.
11. Матвеев А.К. Апология имени // Вопросы ономастики. 2004. № 1. С. 7-14.

12. Смольников С.Н. Актуальная и потенциальная русская антропонимия // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 30
13. Балкунова А. С., Рянская Э. М. Место никнеймов в ономастике // Вестник НВГУ. 2010. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-nikneymov-v-onomastike> (дата обращения: 15.03.2021).
14. Кисель О.В., Дубских А.И., Бутова А.В. Мотивы самопрезентации личности в интернет-пространстве посредством никнейма // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 5. С. 222-225.
15. Hajdu M. Magyar tulajdonnevek // Budapest: Nemzeti Tankonyvkiado. 1994. 86 p.
16. Langendonck, W. Theory and typology of propernames // Berlin; New York: Mouton de Gruyter. 2007.
17. Бутова А.В. Самопрезентация субъекта в масс-медийном дискурсе // Современные проблемы и перспективы развития науки, техники и образования. Материалы I Национальной научно-практической конференции. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2020. С. 1134-1136.

References

1. Cristal D. Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 318 p.
2. Sharipova V. A., Elinson M. A., Iskhakova O. S. Internet communication: new opportunities and ways of mediated communication or language degradation // Bulletin of the Bashkir University. 2019. Vol. 24. no. 1. pp. 210-214.
3. Poloyan A.V. On some lexical and grammatical features of the language of social networks // Proceedings of the Southern Federal University. Philological sciences. 2019. No. 1. pp. 131-137.
4. Usmanova E. R. Features of youth communication in messengers // Sustainable development of science and education. 2019. No. 2. pp. 200-202.
5. Paolo Labinaz, Marina Sbisà Speech acts and the dissemination of knowledge in social networks // Approaches to Internet Pragmatics: Theory and practice. Edited by Chaoqun Xie, Francisco Yus and Hartmut Haberland 2021 pp. 146–172
6. Kukueva G. V. Self-presentation of the language personality of the writer (based on the material of the Internet genre of essays) // Siberian Philological Journal. 2019. No. 1. pp. 252-264.
7. Dubskikh A. I. On some aspects of the communicative strategy of self-presentation // Word, utterance, text in cognitive, pragmatic and cultural aspects: collection of articles of participants of the IV International Scientific Conference: in 3 volumes. Chelyabinsk: REKPOL, 2008. Vol. 1. pp. 96-100.
8. Alekseeva K. A. Self-presentation in cyberspace: the boundaries of the real and the fictional. 2019. Vol. 8. no. 2. pp. 175-186.
9. Zubareva A.V. Nickname as a special type of onyms: in search of an integral attribute // Proceedings of the Southern Federal University. Philological sciences. 2018. No. 4. pp. 115-123.
10. Lutovinova O. V. Linguistic personality in virtual discourse: dis...doctor of Philology. Volgograd. 2013. 42 p.
11. Matveev A. K. Apologia imeni // Questions of onomastics. 2004. No. 1. pp. 7-14.
12. Smolnikov S. N. Actual and potential Russian anthroponymy // Questions of onomastics. 2005. No. 2. p. 30
13. Balkunova A. S., Ryanskaya E. M. The place of nicknames in onomastics. 2010. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-nikneymov-v-onomastike> (accessed: 15.03.2021).
14. Kisel O. V., Dubskikh A. I., Butova A.V. Motivy samoprezentatsii persona v internet-space by means of a nickname // Philologicheskie nauki. Questions of theory and practice. 2019. Vol. 12. no. 5. pp. 222-225.
15. Hajdu M. Magyar tulajdonnevek // Budapest: Nemzeti Tankonyvkiado. 1994. 86 p.
16. Langendonck, W. Theory and typology of propernames // Berlin; New York: Mouton de Gruyter. 2007.
17. Butova A.V. Self-presentation of the subject in mass-media discourse // Modern problems and prospects for the development of science, technology and education. Materials of the I National Scientific and Practical Conference. Magnitogorsk: Publishing house of Magnitogorsk. State Technical University. Nosov State University, 2020, pp. 1134-1136.

УДК 81.373.211.1 + 81.374.721
10.36622/AQMPJ.2021.81.52.007

*Воронежский государственный университет
кандидат филологических наук, доцент
кафедры связей с общественностью,
рекламы и дизайна
Попов С.А.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: spo@bk.ru*

*Voronezh State University
PhD, associate professor of the Department
of public relations, advertising and design
Popov S.A.
Russia, Voronezh,
e-mail: spo@bk.ru*

С.А. Попов

МАТЕРИАЛЫ К «СЛОВАРИЮ ИСЧЕЗНУВШИХ НАЗВАНИЙ НАСЕЛЁННЫХ ПУНКТОВ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ»

В статье рассматривается проблема исчезнувших названий населённых пунктов Воронежской области, основанной как самостоятельная административно-территориальная единица РСФСР в 1934 году (за последние 60 лет географическая карта региона потеряла более 1200 ойконимов). Лексикографическое обеспечение региональных топонимических исследований в Воронежской области осуществляется в основном на уровне ойконимии и урбанонимии, однако исчезнувшие названия населённых пунктов региона практически не изучались лингвистами. Автор, проанализировав большой массив нормативных правовых актов федерального, регионального и местного уровней, регулирующих топонимическую номинацию, выявил основные причины исчезновения воронежских ойконимов – реорганизацию, упразднение и переименование населённых пунктов. В целях сохранения для будущих поколений культурно-исторической информации о крае, отразившейся в наименованиях географических объектов, в настоящее время необходимо подготовить и издать «Словарь исчезнувших названий населённых пунктов Воронежской области», в котором найдет отражение культурно-исторический потенциал утраченных топонимов региона. Кропотливая работа по составлению словаря проводится автором на подготовленной научно-методической почве. В статье приводятся пробные материалы к создаваемому «Словарию исчезнувших названий населённых пунктов Воронежской области». Автор приходит к выводу, что подготовка и издание данного лексикографического труда станет своеобразным итогом многочисленных лингвокраеведческих исследований Воронежского края диалектологами, языковедами, историками, географами, этнографами, журналистами, краеведами, учителями и их учениками, библиотекарями, эффективным результатом поддержки данной деятельности представителями органов государственной власти и местного самоуправления субъекта Российской Федерации. В результате будет надежно сохранена историческая память народа, зафиксированная в ойконимах, что также приведёт к популяризации краеведческих сведений как среди жителей региона, так и среди туристов, и будет плодотворно содействовать патриотическому воспитанию воронежцев и особенно подрастающего поколения.

Ключевые слова: ономастика, топонимика, топоним, ойконим, топонимическая политика, топонимический мартиролог, словарь ойконимов, лингвокраеведение, Воронежская область.

S.A. Popov

MATERIALS FOR THE «DICTIONARY OF DISAPPEARED NAMES OF SETTLEMENTS OF THE VORONEZH REGION»

The article deals with the problem of the disappeared names of settlements of the Voronezh Region, founded as an independent administrative-territorial unit of the RSFSR in 1934 (over the past 60 years, the geographical map of the region has lost more than 1,200 oikonyms). Lexicographic support for regional toponymic research in the Voronezh Region is mainly carried out at the level of oikonymy and urbanonymy, but the disappeared names of localities in the region were practically not studied by linguists. The author, having analyzed a large array of regulatory legal acts of the federal, regional and local levels regulating the toponymic nomination, identified the main reasons for the disappearance of Voronezh oikonyms – the reorganization, abolition and renaming of localities. In order to preserve for future generations the cultural and historical information about the region reflected in the names of geographical objects, it is now necessary to prepare and publish a "Dictionary of the disappeared names of settlements of the Voronezh Region", which will reflect the cultural and historical potential of the lost toponyms of the region. Painstaking work on the com-

pilation of the dictionary is carried out by the author on a prepared scientific and methodological basis. The article presents trial materials for the "Dictionary of Disappeared Names of Settlements of the Voronezh Region" being created. The author comes to the conclusion that the preparation and publication of this lexicographic work will be a kind of result of numerous linguistic and local studies of the Voronezh Region by dialectologists, linguists, historians, geographers, ethnographers, journalists, local historians, teachers and their students, librarians, and an effective result of the support of this activity by representatives of state authorities and local self-government of the subject of the Russian Federation. As a result, the historical memory of the people recorded in oikonyms will be reliably preserved, which will also lead to the popularization of local history information both among residents of the region and among tourists, and will fruitfully contribute to the patriotic education of Voronezh residents and especially the younger generation.

Keywords: onomastics, toponymy, toponym, oikonym, toponymic policy, toponymic martyrology, dictionary of oikonyms, linguo-regional studies, Voronezh region.

В настоящее время современная ойконимия Воронежской области исследована достаточно широко, о чем свидетельствует множество научных публикаций, результаты которых также отражены в нескольких региональных топонимических словарях. Как отмечала В.Э. Сталтмане, «каким бы ни был исследовательский подход, непременным условием для любой ономастической работы всегда остается наличие фактического материала. Последний же в наиболее удобной и обозримой для научного потребления форме оказывается представленным в виде словарей. Поэтому без преувеличения можно сказать, что лексикографическая инвентаризация имён собственных различных разрядов является основой дальнейшего развития ономастики в целом» [1; с. 3].

Однако лексикографическое обеспечение региональных топонимических исследований в Воронежской области осуществляется в основном на уровне макротопонимии, в то время как исчезнувшие названия населённых пунктов региона практически не изучались лингвистами. Лишь в ряде районных газет появились рубрики «Точка на карте», «Исчезнувшие с карты», «Забытые хутора», «Здесь был хутор», «Вдали от шума городского», «Край родной», «Связь времён», «Краеведение» и другие, в которых публикуются материалы, содержащие ценную для топонимики информацию: исторические данные (дата основания и исчезновения населённого пункта, фамилии первопоселенцев, владельцев, названия колхозов, совхозов, других организаций), а также сведения по микротопонимии исчезнувших населённых пунктов и их окрестностей.

Вместе с утраченными названиями населённых пунктов Воронежской области со временем уходит и память об этих хуторах, деревнях, посёлках и сёлах, их жителях. Чтобы сохранить для будущих поколений культурно-историческую информацию о нашем крае, отразившуюся в наименованиях географических объектов, в настоящее время необходимо подготовить и издать «Словарь исчезнувших названий населённых пунктов Воронежского края», в котором найдет отражение культурно-исторический потенциал утраченных топонимов региона. Данный лексикографический труд станет закономерным итогом многочисленных лингвокраеведческих исследований Воронежского края лингвистами, диалектологами, историками, географами, этнографами, журналистами, краеведами, учителями и их учениками, библиотекарями, эффективным результатом поддержки данной деятельности органами государственной власти и местного самоуправления субъекта Российской Федерации и будет направлен на культурно-историческое изучение региона.

Воронежская область как самостоятельная административно-территориальная единица в составе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) Союза Советских Социалистических Республик (СССР) была образована 13 июня 1934 года в результате разделения Центрально-Чернозёмной области (ЦЧО) на Воронежскую и Курскую области. С 1957 года внешние границы региона не изменялись.

В 1959 году был издан первый справочник административно-территориального деления Воронежской области в её современных границах, содержащий перечень из 3010 населённых пунктов [2]. По состоянию на 1 декабря 2020 года в регионе официально числится 1731 населённый пункт [3]. Таким образом, за последние 60 лет в Воронежской области снято из учётных данных 1279 населённых пунктов, вместе с которыми исчезли и их названия (ойконимы), которые за период своего существования стали частью истории и культуры региона. В ушедших ойконимах сохранилась история заселения и хозяйственного освоения Воронежского края, в них ярко отразились географические и природные особенности, уклад жизни, картина мира, специфика хозяйственной и социальной деятельности жителей края в разные исторические эпохи.

Проанализировав ряд официальных документов за несколько последних десятилетий, регулирующих топонимическую политику, мы выделили основные причины исчезновения ойконимов Воронежской области, подтвержденные нормативными правовыми актами разного уровня:

1. Реорганизация населённых пунктов:

1.1. В форме слияния. Территориальное объединение двух и более населённых пунктов, в результате которого образуется новый населённый пункт, а объединяемые населённые пункты упраздняются; вновь образованному населённому пункту присваивается категория и наименование, в качестве которого может быть присвоено название одного из объединённых населённых пунктов.

В 1968 году в результате объединения фактически слившихся населённых пунктов с. *Берёзовка Первая*, с. *Берёзовка Вторая*, с. *Берёзовка Третья*, п. *Алексеевский*, располагавшихся на территории Березовского сельского совета Аннинского района, образовавшийся единый населённый пункт получил наименование с. *Берёзовка*;

1.2. В форме присоединения. Территориальное присоединение к населённому пункту одного и более населённых пунктов, в результате которого упраздняются присоединяемые населённые пункты, а тот населённый пункт, к которому присоединяются другие населённые пункты, сохраняет свою категорию и наименование.

В 1968 году с. *Малая Верейка*, д. *Большая Покровка*, д. *Николаевка* Маловерейского сельского совета Семилукского района объединены в один населённый пункт с названием с. *Малая Верейка*;

1.3. В форме выделения. Территориальное выделение части территории населённого пункта, в результате которого из одного населённого пункта образуется один или более новых населённых пунктов, при этом населённый пункт, из которого выделяется часть его территории, сохраняет свою категорию и наименование;

1.4. В форме разделения. Территориальное разделение населённого пункта, в результате которого из одного населённого пункта образуются два или более новых населённых пунктов, а разделяемый населённый пункт упраздняется.

2. Упразднение населённых пунктов. Ликвидация населённых пунктов в установленном законодательством порядке (при отсутствии в них зарегистрированного населения и находящегося в собственности физических и юридических лиц недвижимого имущества).

Решением Исполнительного комитета Воронежского областного Совета депутатов трудящихся от 01.07.1965 г. № 577 «О снятии с учёта посёлков, хуторов и деревень, жители которых переселились в другие населённые пункты» в Воронежской области за один день официально исчезло сразу более двухсот населённых пунктов: в Аннинском районе – 31 (посёлки *Афоновка*, *Балабон*, *Видный*, *Вольный*, *Колосок*, *Лопушной*, *Мещанский*, *Образцовый*, *Пионеровка*, *Сосновка*, *Томилино* и др.), в Бобровском – 11 (посёлки *Воскресенский*, *Конезавода № 20*, *Ольгинка*, *Сальный*, *Солоти* и др., хутора *Анновка*, *Междуречный*), в Богучарском – 9 (п. «*Ким*», хутора *Козловка*, *Кленовый*, *Копани*, *Плесцо*, *Сармин* и др.), в Борисоглебском – 11 (посёлки *Березовка*, *Зорька*, *Польньки*, *Приволье*, *Стрипов*, *Ясное утро* и др.), в Бутурлиновском – 8 (посёлки *Войково*, *Красная Звезда*, *Шпиль* и др., хутора *Новомихайловка*, *Рагозин*, *Шелковый*), в Верхнехавском – 3 (посёлки *Грязнушка*, *Надежденка*, совхоза «*Углянец*»), в Грибановском – 28 (посёлки *Лесосплав*, *Лучков*, *Мехцех*, хутора *Вольный*, *Глинище*, *Гнилой*, *Дальний Колодезь*, *Згадкий*, *Солонцы*, *Средняя Колпачинка*, *Стублятка* и др.), в Калачеевском – 3 (хутора *Каменный карьер*, *Культура*, *Пискуновка*), в Кантемировском – 8 (п. *Стандарт*, хутора *Афанасьевка*, *Кадурын*, *Калинин*, *Ясеновый* и др.), в Лискинском – 4 (посёлки *ММС*, п/х *мясокомбината*, *РТС*, х. *Тимирязево*), в Новоусманском – 15 (с. *Кременчуг*, посёлки *Выкрестовские Выселки*, *Коммунар*, *Свобода*, *Хрестицинская сотня* и др., хутора *Коммунар*, *Саратовский*, *Чечеры*), в Новохопёрском – 16 (посёлки *Говоровка*, *Журавка*, *Ключики*, *Красное Тулучеево*, *Курачий*, *Пионер*, *Татарка* и др.), в Нижнедевицком – 2 (хутора *Гнилой* и *Кузнецкий*), в Ольховатском – 3 (хутора *Бурцево*, *Дубровка*, *Красный Яр*), в Острогожском – 6 (хутора *Безводный*, *Дубровский*, *Задонский*, *Калинина*, *Марс*, *Ямки*), в Павловском – 3 (хутора *Жиляев*, *Копаный*, *Пиеничкин*), в Панинском – 4 (хутора *Деев* и *Заря жизни*, посёлки *Заря* и *Степановка*), в Подгоренском – 15 (хутора *Борщевский*, *Забугин*, *Казачков*, *Малый Скорорыб*, *Минжулино*, *Потимок* и др.), в Россошанском – 17 (хутора *Должик*, *Калинова балка*, *Кринички*, *Молот*, *Оборонный*, *Орловы стенки*, *Сухая Долина* и др.), в Семилукском – 6 (деревни *Михайловка*, *Рядное*, *Стублище*, хутора *Арсентьев*, *Минаи*, *Томаки*), в Таловском – 20 (посёлки *Верхний Колпак*, *Граничный*, *Заря*, *Ивановка 3-я*, *Луговской*, *Новый Икорец*, *Степной*, *Хутор-*

ской и др.), в Эртильском – 11 (посёлки *Екатериновка, Еременка, МТФ, МТФ-2, Паршиновка, Харчевня* и др.).

3. Переименование населённых пунктов.

Смена названия существующего населённого пункта на другое в связи с его неблагозвучностью, по идеологическим или иным соображениям.

В 1965 году решением Исполнительного комитета Воронежского областного Совета депутатов трудящихся от 15 октября № 912 «О переименовании сельских населённых пунктов, имеющих неблагозвучное название» планировалось переименовать сразу 14 населённых пунктов: х. *Кульма Колодезная* Лискинского района – в х. Нагорный; п. *Пупки* Новоусманского района – в п. Братский; с. *Гнилое* Острогожского района – в с. Восход; х. *Лягушевка* Репьевского района – в х. Прудовый; с. *Верхняя Гнилуша* Павловского района – в с. Лозовое (в н.в. – Верхнемамонский район); с. *Нижняя Гнилуша* Павловского района – в с. Приречное (в н.в. – Верхнемамонский район); х. *Прогореловка* Павловского района – в х. Поддубный; с. *Голопузовка* Острогожского района – в с. Тимирязевка; с. *Гнилуша* Семилукского района – в с. Серебрянка; с. *Панская Гвоздевка* Семилукского района – в с. Гвоздевка; с. *Голая* Кантемировского района – в с. Шевченко; с. *Волчье* Острогожского района – в с. Волчанское; с. *Новогольельань* Грибановского района – в с. Еланское; х. *Костыль* Лискинского района – в х. Заречный. Президиум Верховного Совета РСФСР частично поддержал данное решение воронежских властей, однако оставил прежние названия населённым пунктам Гнилое, Костыль, Новогольельань, Пупки [4; с. 564].

В качестве источников «Словаря исчезнувших названий населённых пунктов Воронежской области» были использованы фонды Государственного архива Воронежской области (ГАВО), справочники по административно-территориальному делению Воронежской области и нормативные правовые акты разных лет, научные публикации по воронежской ойконимии, картотека Словаря воронежских говоров кафедры славянской филологии Воронежского государственного университета, районные и областные газеты и информационные агентства, официальные сайты муниципальных образований, сельских и городских поселений Воронежской области.

Как мы писали ранее, «словарная статья включает исчезнувшее географическое название (с желательной постановкой ударения, произношения), его род, форму родительного падежа единственного числа, статус населённого пункта, его административно-территориальную принадлежность на момент исчезновения, все варианты названий данного объекта, в том числе и народно-разговорные, дату основания населённого пункта, дату и причину исчезновения названия (со ссылкой на нормативные правовые акты), этимологию названия, а также производные от ойконимов: оттопонимические прилагательные и названия жителей (катойконимы)» [5; с. 46]. Однако не каждый исчезнувший ойконим может иметь все перечисленные грамматические категории, оттопонимические прилагательные и катойконимы. Например, нельзя образовать форму родительного падежа многокомпонентных названий, а также от них – оттопонимическое прилагательное и катойконим (пос. *3-го отделения совхоза «Воронежский»*, пос. *5-го участка свиновозхоза*, пос. *6-го отделения совхоза «Победа»* и др.).

Приведём несколько пробных словарных статей будущего словаря.

Список наиболее часто встречающихся в Словаре сокращений наименований нормативных правовых актов, регулировавших топонимическую номинацию в Воронежской области (полные реквизиты использованных документов, включая название, будут приведены в приложении к Словарю):

ЗВО – Закон Воронежской области

ПВОД – Постановление Воронежской областной Думы;

ППРФ – Постановление Правительства Российской Федерации;

РИКВОСДТ – Решение Исполнительного комитета Воронежского областного Совета депутатов трудящихся;

РПРФ – Решение Правительства Российской Федерации;

УПВСРСФСР – Указ Президиума Верховного Совета РСФСР.

3-го ОТДЕЛЕНИЯ СОВХОЗА «ВОРОНЕЖСКИЙ» – бывший посёлок Семилукско-Выселского сельсовета Новоусманского района. Был назван по номеру отделения совхоза. В 1968 году в результате объединения фактически слившихся населённых пунктов *п. им. Дзержинского*, *п. 3-го отделения совхоза «Воронежский»* образован единый населённый пункт – *п. им. Дзержинского* (РИКВОСДТ от 20.09.1968 г. № 772 «Об объединении населённых пунктов»).

5-го УЧАСТКА СВИНОСОВХОЗА – исчезнувший посёлок Никольского сельсовета Новоусманского района. Располагался в 8 км от центра сельсовета – п. 1-го отделения свиноводческого совхоза. Был назван по номеру участка свиноводческого совхоза. В 1965 году снят с учёта, поскольку жители переселились в другие населённые пункты (РИКВОСДТ от 01.07.1965 г. № 577 «О снятии с учёта посёлков, хуторов и деревень, жители которых переселились в другие населённые пункты»).

6-го ОТДЕЛЕНИЯ СОВХОЗА «ПОБЕДА» – бывший посёлок Криниченского сельсовета Острогожского района. Был назван по номеру отделения совхоза. В 1968 году в результате объединения фактически слившихся населённых пунктов *п. Луки, п. Мелоизвесткового комбината, п. 6-го отделения совхоза «Победа»* образован единый населённый пункт – *п. Луки* (РИКВОСДТ от 20.09.1968 г. № 772 «Об объединении населённых пунктов»).

АЛЕКСАНДРОВКА, *-и, ж.*, исчезнувший посёлок Первомайского сельсовета Эртильского района. В 1965 году снят с учёта, поскольку его жители переселились в другие населённые пункты (РИКВОСДТ от 01.07.1965 г. № 577 «О снятии с учёта посёлков, хуторов и деревень, жители которых переселились в другие населённые пункты»). || *александровский; александровцы.*

АЛЕКСАНДРОВКА-ДОНСКАЯ, *ж.*, одно из прежних названий с. Александровка Донская Павловского района. Официальное написание Александровка Донская установлено ЗВО от 11.05.2007 г. № 58-ОЗ «О внесении изменений в Закон Воронежской области «Об административно-территориальном устройстве Воронежской области и порядке его изменения».

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ, *-ого, м.*, исчезнувший посёлок Новопокровского сельсовета Новохопёрского района. В 1965 году снят с учёта, поскольку его жители переселились в другие населённые пункты (РИКВОСДТ от 01.07.1965 г. № 577 «О снятии с учёта посёлков, хуторов и деревень, жители которых переселились в другие населённые пункты»). || *александровский; александровцы.*

АЛЕКСЕЕВКА, *-и, ж.*, исчезнувший посёлок Рубашевского сельсовета Аннинского района. В 1965 году снят с учёта, поскольку жители переселились в другие населённые пункты (РИКВОСДТ от 01.07.1965 г. № 577 «О снятии с учёта посёлков, хуторов и деревень, жители которых переселились в другие населённые пункты»). || *алексеевский; алексеевцы.*

АЛЕКСЕЕВКА, *-и, ж.*, исчезнувшая деревня Плясоватского сельсовета Верхнехавского района. В 1968 году в результате объединения фактически слившихся населённых пунктов *с. Архангельское, д. Алексеевка, х. Васильевка* образован единый населённый пункт – *с. Архангельское* (РИКВОСДТ от 20.09.1968 г. № 772 «Об объединении населённых пунктов»). || *алексеевский; алексеевцы.*

АНДРЕЕВКА, *-и, ж.*, исчезнувший посёлок Александровского сельсовета Эртильского района. Был основан в середине XVIII в. на правой стороне р. Токай. Назван по имени владельца – генерала от инфантерии Андрея Кологривова. Вскоре на другой стороне реки генерал населил новый посёлок и в честь своего сына назвал Александровкой. В 1968 г. посёлки объединились в один населённый пункт с названием Александровка (РИКВОСДТ от 20.09.1968 г. № 772 «Об объединении населённых пунктов»). || *андреевка; андреевцы.*

АННОВКА, *-и, ж.*, одно из прежних названий с. *Алейниково* Россошанского района. Было названо по имени владелицы – помещицы Анны Кривоносовой, урождённой Куликовской). В 1965 г. Анновка была переименована в Алейниково – в память погибшего в годы Великой Отечественной войны Героя Советского Союза Ивана Григорьевича Алейникова (1912–1945), уроженца соседнего х. Мирошников. (РИКВОСДТ от 19.04.1965 г. № 322 «О переименовании села Анновка и Анновского сельского Совета Россошанского района»; УПВСРСФСР от 14.06.1965 года «О переименовании села Анновка Россошанского района Воронежской области» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1965. – № 24. – С. 478). || *анновский; анновцы.*

БЕЗБОЖНИК, *-а, м.*, прежнее название *п. Луч* Новоусманского района. Основан в 1920-е годы. Был назван по идеологическим соображениям советского времени в честь «Союза воинствующих безбожников» (*безбожник* – просторечный вариант слова *атеист*). ПВОД от 27.03.2008 г. № 1212-IV-ОД «О переименовании географического объекта Воронежской области» одобрено предложение Совета народных депутатов Новоусманского муниципального района Воронежской области о переименовании географического объекта, расположенного на территории Усманского 2-го сельского поселения Новоусманского муниципального района Воронежской области, посёлка Безбожник в посёлок Луч (на основании представления Воронежской областной Думы переименован ППРФ от 27.10.2008 г. №788 «О присвоении наименований географическим объектам в Республике Северная

Осетия – Алания, Республике Татарстан, Пермском и Хабаровском краях, Калужской, Кировской и Курганской областях и переименовании географического объекта в Воронежской области»). || *безбожниковский; безбожницы*.

БОЛЬШОЙ, *-ого, м.*, исчезнувший посёлок Таловского района. В названии отразился размер населённого пункта по сравнению с соседними. В соответствии с ПВОД от 15.02.2001 г. № 1865-П-ОД «О передаче посёлков Видный и Новый путь Абрамовского сельсовета в административно-территориальное подчинение Добринского сельсовета и исключении из учётных данных населённых пунктов Таловского района» посёлок Большой Добринского сельсовета Таловского района исключён из учётных данных. || *большовцы*.

БОРОВО́Е, *-ого, ср.*, бывшее село, входило в состав Железнодорожного района г. Воронежа. Возникло в 1587 г. В 1965 г. вошло в состав г. Воронежа. Названо по особенностям местности – река, протекающая до этого по открытым полянам, вступает здесь в густой сосновый лес, бор. *Боровой* – 'к бору, лесу относящийся' (Даль, I, 290). В настоящее время – микрорайон Железнодорожного района городского округа город Воронеж. || *боровской; боровчане*.

БУРИ́ЛОВКА, *-и, ж.*, исчезнувший посёлок Таловского района. Назван по фамилии первопоселенца. В соответствии с ПВОД от 15.02.2001 г. № 1865-П-ОД «О передаче посёлков Видный и Новый путь Абрамовского сельсовета в административно-территориальное подчинение Добринского сельсовета и исключении из учётных данных населённых пунктов Таловского района» посёлок Буриловка Нижнекаменского сельсовета Таловского района исключён из учётных данных. || *буриловский; буриловцы*.

ВЕРХНЯЯ ГНИЛУ́ША, *ж.*, одно из прежних названий с. Лозовое Верхнемамонского района. Первоначально называлось с. *Гнилуша* (по реке Гнилуша). В первой части названия отражено местоположение населённого пункта в связи с появлением соседнего с. Нижняя Гнилуша. В 1966 г. из-за неблагозвучия с. Верхняя Гнилуша переименовано в с. Лозовое (УПВСРСФСР от 11.07.1966 г. «О переименовании некоторых населённых пунктов Воронежской области» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1966. – № 28. – Ст. 645. С. 564). || *верхнегнилушинский; верхнегнилушинне, верхнегнилушевы*.

ВЕРШ́ИНЫ, *мн.*, прежнее название х. *Вершина* Россошанского района. В соответствии с ПВОД от 28.05.1999 г. № 876-П-ОД «Об изменении статуса, уточнении наименования и исключении из учётных данных некоторых населённых пунктов Россошанского района» внесено уточнение в наименование ряда населённых пунктов: «и впредь именовать хутор Вершины Алейниковского сельсовета как хутор Вершина». || *вершинский; вершинцы*.

ВОДОКА́ЧКА, *-и, ж.*, посёлок, входил в черту г. Воронежа. Располагался в 3 км от рп. Краснолесный. Назван по водокачке, расположенной в посёлке (*водокачка* – 'специальное здание для насосов, перекачивающих воду из водоёма к местам её использования'). Рп. Краснолесный с административно подчинённым ему п. Водокачка с 1963 г. находился в административном подчинении Железнодорожного района г. Воронежа, территориально эти посёлки были расположены в границах Верхнехавского и Рамонского районов. В соответствии с ПВОД от 15.04.1999 г. № 799-П-ОД «Об изменении границ Верхнехавского и Рамонского районов» рп. Краснолесный и п. Водокачка переданы в административно-территориальное управление Железнодорожного района города Воронежа. В 2011 г. п. Водокачка вошел в состав городского округа город Воронеж (ЗВО от 24.12.2010 г. № 136-ОЗ «О реорганизации территориальных единиц городского округа город Воронеж в форме их присоединения к городу Воронежу»). || *водокачковский; водокачковцы*.

ВЫ́КРЕСТОВО, *-а, ср.*, бывшее село Новоусманского района. Располагалось в 7 км от с. Новая Усмань. Известно с 1615 г. Прежние названия – *дер. Коростелева* (в 1615 г. земля была подарена воеводе Фёдору Коростылёву за добрую службу, чтобы он со своими сотоварищами начал освоение земель и строительство села), *Выкоростово*. РИКВОСДТ от 20.09.1968 г. № 772 «Об объединении населённых пунктов» п. Отрадное, с. Выкрестово и дер. Гололобово Выкрестовского сельсовета Новоусманского района объединены в один населённый пункт – п. Отрадное. || *выкрестовский; выкрестовцы*.

ГОЛОЛÓБОВО, *-а, ср.*, бывшая деревня Новоусманского района. Располагалась в 1 км от с. Выкрестово. Известна с 1615 г. Названа по фамилии владельца. В XIX в. деревня была разделена на две усадьбы: одну выкупила семья воронежских купцов Нечаевых (после этого она стала именоваться Гололобово 2-е, Нечаевка), вторую – И.А. Лазарев-Станицев (Гололобово 1-е, Лазарево).

РИКВОСДТ от 20.09.1968 г. № 772 «Об объединении населённых пунктов» п. Отрадное, с. Выкрестово и дер. Гололобово Выкрестовского сельсовета Новоусманского района объединены в один населённый пункт – п. Отрадное. || *гололобовский; гололобовцы*.

УЧАСТОК № 35, м., исчезнувший посёлок Таловского района. Располагался в 6 км от центра Шанинского 2-го сельсовета – п. Участок № 19. В 1906-1916 гг. на территории, прилегающей к железной дороге на перегоне Таловая-Абрамовка, более 15 тысяч десятин земли залежной, изрезанной оврагами и буераками, на стыке 2 имений помещиков Орлова-Давыдова и Раевских, были выделены для продажи крестьянам Новой Чиглы и Александровки. Землемер Шанин (имя которого закрепилось за отрубам) выделенную площадь разделил на 40 земельных участков, обозначив их цифрами. В соответствии с ПВОД от 15.02.2001 г. № 1865-П-ОД «О передаче посёлков Видный и Новый путь Абрамовского сельсовета в административно-территориальное подчинение Добринского сельсовета и исключении из учётных данных населённых пунктов Таловского района» посёлок Участок № 35 2-го Шанинского сельсовета Таловского района исключён из учётных данных. || *жители Участка № 35*.

Таким образом, подготовка и издание «Словаря исчезнувших названий населённых пунктов Воронежской области» закономерно подведёт итоги многочисленных лингвокраеведческих исследований Воронежского края лингвистами, диалектологами, историками, этнографами, географами, краеведами, журналистами, библиотекарями, школьными учителями и их учениками. В качестве положительных результатов мы также видим сохранение исторической памяти народа, зафиксированной в ойконимах. Это непременно приведет к широкой популяризации краеведческих знаний о Воронежском крае как среди местных жителей, так и среди туристов, и также будет эффективно содействовать патриотическому воспитанию воронежцев и особенно подрастающего поколения.

Библиографический список

1. Сталтмане В. Э. Ономастическая лексикография / Отв. ред. А. В. Суперанская; АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1989. 112 с.
2. Воронежская область: административно-территориальное деление по сост. на 1 апреля 1959 года / сост. – А.К. Лемаринье; под общ. ред. М.М. Малютин. Воронеж: Воронеж. кн. изд-во, 1959. 252 с.
3. Реестр (справочник) «Административно-территориальное устройство Воронежской области» (по состоянию на 01 декабря 2020 года). Воронеж: АО «Воронежская областная типография», 2020. 194 с.
4. О переименовании некоторых населённых пунктов Воронежской области: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 июля 1966 года // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 14 июля 1966. № 28 (406). Ст. 645. С. 564.
5. Попов С.А. Проблемы словаря ушедших географических названий Воронежской области // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2019. № 4. С. 45-47.

References

1. Staltmane V.E. Onomastic lexicography / ed. by A.V. Superanskaya; Academy of Sciences of the USSR, In-t linguistics. M., 1989. 112 p.
2. Voronezh region: administrative-territorial division by composition. as of April 1, 1959 / comp. - A.K. Lemarinier; under the general. Ed. M.M. Malutin. Voronezh, 1959. 252 p.
3. Register (directory) "Administrative-territorial structure of the Voronezh region" (as of December 01, 2020). Voronezh, 2020. 194 p.
4. On the renaming of some settlements of the Voronezh region: Decree of the Presidium of the Supreme Council of the RSFSR of July 11, 1966//Vedomosti of the Supreme Council of the RSFSR. July 14, 1966. № 28 (406). St. 645. Page 564.
5. Popov S.A. Problems of the dictionary of departed geographical names of the Voronezh region // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism. 2019. № 4. P. 45-47.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ METHODS OF TEACHING LANGUAGES

УДК 811.111:372
10.36622/AQMPJ.2021.13.78.008

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
по техническим направлениям
института гуманитарного образования
Дубских А.И.
Россия, г. Магнитогорск,
тел. +7-982-105-54-84,
e-mail: lina_masu@mail.ru*

*Nosov Magnitogorsk State
Technical University
The Institute of Humanities
The Foreign Languages for Engineering Chair

PhD, associate professor
Dubskikh A.I.
Russia, Magnitogorsk,
tel. +7-982-105-54-84,
e-mail: lina_masu@mail.ru*

А.И. Дубских

ОБУЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОМУ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ С ПОМОЩЬЮ ТЕХНОЛОГИИ ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В современной эпидемиологической ситуации борьбы с коронавирусной инфекцией и проведении превентивных мер от заражения образовательные учреждения столкнулись с необходимостью искать новые способы организации учебного процесса. Цифровые технологии стали эффективным средством обучения и коммуникации. Одной из таких технологий является дополненная реальность (Augmented Reality – AR), создающая оптимальные условия для преподавания, в том числе английского языка. Актуальность настоящей работы обусловлена тем, что внедрение и использование возможностей дополненной реальности в обучении английскому языку представляет собой новую тенденцию в лингводидактике и является перспективной областью для исследования. Цель работы – рассмотреть преимущества применения технологии дополненной реальности в образовательном процессе, доказать ее эффективность для обучения профессионально-ориентированному английскому языку в техническом вузе. Автор представляет дополненную реальность как продуктивную среду для обучения английскому языку, подчеркивает, что ее возможности позволяют мотивировать обучаемых, полнее вовлечь их в учебный процесс, упростить и активизировать коллективную работу студентов. В ходе проведенного исследования были выделены экспериментальная и контрольная группы студентов. В экспериментальной группе на занятиях по английскому языку активно использовались технологии дополненной реальности. В результате обучающиеся данной группы продемонстрировали более высокий уровень усвоения профессионально-ориентированной лексики и ее уверенное использование в общении. Полученные выводы в дальнейшем могут быть использованы для развернутого и более подробного изучения возможностей применения технологий дополненной реальности на занятиях по иностранному языку в техническом вузе.

Ключевые слова: цифровизация образования, дополненная реальность (AR), профессионально-ориентированный английский язык, иноязычная компетенция, мотивация, технический вуз.

A.I. Dubskikh

ESP TEACHING FOR ENGINEERING STUDENTS USING AUGMENTED REALITY TECHNOLOGY

In the current epidemiological situation of combating coronavirus infection and taking preventive measures against infection, educational institutions are faced with the need to look for new ways to organize the educational process. Digital technologies have become an effective means of teaching and communication. One of these technologies is Augmented Reality (AR), which creates optimal conditions for teaching, including English. The relevance of this work

is due to the fact that the implementation and use of AR capabilities in teaching English is a new trend in linguodidactics and is a promising area for research. The purpose of the study is to consider the advantages of using AR-technology in the educational process, to prove its effectiveness for teaching ESP at a technical university. The author presents augmented reality as a productive environment in teaching English, emphasizes that its capabilities allow you to motivate students, more fully involve them in the educational process, simplify and intensify the collective work of students. In the course of the study, experimental and control groups of students were identified. In the experimental group, in the English language classes, AR- technologies were actively used. As a result, the students in this group demonstrated a higher level of mastering professionally oriented vocabulary and its confident use in communication. The findings can be used in the future for a comprehensive and more detailed study of the possibilities of using augmented reality technologies in foreign language classes at a technical university.

Key words: digitalization of education, augmented reality (AR), ESP, foreign language competence, motivation, technical university.

В системе современного образования России наблюдаются масштабные изменения. Активное использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в сфере высшего образования получило повсеместное распространение и предоставило преподавателям возможность пересмотреть содержание учебного контента, организовывать процесс обучения с применением новых технологий по различным дисциплинам [1; 2]. В наши дни преподавание и изучение иностранного языка требует использования аутентичных языковых мультимедийных материалов, таких как текст, аудио, видео и анимация. Одной из последних цифровых технологий, позволяющей задействовать мультимодальный контент в учебном процессе, является виртуальная реальность.

Н.И. Пантыкина, Е.П. Олейникова, Е.А. Цыганок отмечают, что существует несколько видов виртуальной реальности, каждый из которых подразумевает разный уровень и глубину погружения в цифровой мир, а также его реалистичность и возможность взаимодействия с цифровой средой:

- виртуальная реальность (Virtual Reality – VR). Включает в себя максимальное погружение в цифровую реальность посредством оборудования для воссоздания восприятия пользователями ненастоящего цифрового мира как реального;

- смешанная реальность (Mixed Reality – MR). Предполагает комбинацию двух миров: цифрового и реального. Учащийся может взаимодействовать с виртуальными объектами, которые будут максимально реалистично сосуществовать с объектами настоящего мира;

- дополнительная реальность (Augmented Reality – AR). Подразумевает внесение дополнительных элементов в окружающую действительность посредством наложения цифровых проекций без изменения настоящего мира, то есть внесение дополнительной информации в реальность, например, не прерывая процесса обучения [3; с. 47-48].

В настоящем исследовании мы рассматриваем роль AR в обучении, в частности профессионально-ориентированному английскому языку.

Как современная цифровая технология AR начала использоваться в 1990-е годы в качестве учебного среды в области медицины, авиации и вычислительной техники. С развитием технологии Web 2.0 и появлением компьютерных и мобильных приложений, AR стала активно использоваться в сфере обучения и получила множество определений и характеристик, указывающих на ее природу, лежащую между реальным и виртуальным [4].

Так, Рональд Азума указывает на то, что AR обладает рядом свойств:

- совмещение виртуального и реального;
- интерактивность, которая осуществляется в реальном времени;
- работа в трехмерном пространстве [5].

М. Биллингхерст и др. рассматривают AR как форму проектной манипуляции для создания нового образовательного пространства [6]; С. Куэнде и др. представляют AR как технологии, которые проецируют цифровые материалы на объекты реального мира [7]; Дж. Каберо определяет AR как «комбинацию цифровой и физической информации в реальном времени с помощью различных технологических устройств; другими словами, она состоит в использовании набора технологических устройств, которые добавляют виртуальную информацию к физической» [8; с. 44].

Таким образом, дополненная реальность – это технология, которая представляет собой объединение реальности и виртуальности и, следовательно, сочетает в себе выгодные стороны обеих сфер. AR встраивает виртуальные объекты с дополненными компонентами в реальный мир и способствует взаимодействию в дополненной среде, сочетающей реальные и виртуальные аспекты.

До недавнего времени технологии AR были особенно распространены преимущественно в индустрии развлечений. Увлечение игрой Pokémon GO в 2016 году привлекло внимание общественности к AR. Ученые, преподаватели и методисты стали изучать, как использовать популярную игру в обучении, в том числе в преподавании иностранного языка [9]. Благодаря своей способности использовать цифровые ресурсы для изучения и дополнения мест реального мира, AR создает оптимальную среду для освоения иностранного языка с упором на ситуативно обусловленное, контекстное обучение. AR уже некоторое время используется в приложениях для изучения иностранных языков. Особенно известны мобильные геолокационные игры, созданные на платформе ARIS (Mentira, Dow Day, ChronoOps: Survive the FuturePast) [10].

Потенциал применения AR в процессе обучения профессионально-ориентированному английскому языку огромен и обладает несомненными достоинствами:

- 3-D модели способствуют когнитивной и коммуникативной активности учащихся;
- будучи погруженными в учебную ситуацию, приближенную к реальности, внимание студентов обращено к семантической стороне высказывания;
- визуальное и аудиальное восприятие учебного материала способствует эффективной иноязычной интеракции.

Кроме того, использование AR позволяет восполнить пробелы фоновых знаний студентов, изучающих профессионально-ориентированный английский язык. Соотнесение новой информации с известными учащимся сведениями помогает сделать учебный материал доступным и понятным, впоследствии увеличивает мотивацию студентов к обучению. Реальные объекты могут дополняться текстом, аудио- и видеоконтентом, графикой и анимацией, помогая студентам визуализировать информацию через наглядную демонстрацию взаимоотношений этих виртуальных элементов с теми, которые находятся в реальности, например, связывая изучаемую лексику (перевод, примеры и комментарии к которой звучат или всплывают на экране) с предметами реального мира. Таким образом, студенты устанавливают связи между учебным материалом и объектами окружающей действительности посредством визуализации информации в контекстно-насыщенной среде.

Использование учебного контента, разработанного с помощью средств AR, для обучения профессионально-ориентированному английскому языку обеспечивает:

- эмпирическое, осмысленное обучения, а не механическое повторение за преподавателем;
- мыслительную направленность, а не ориентацию на заучивание;
- увеличение количества усвоенной информации;
- учет индивидуальных способностей и возможностей студентов;
- эффективную проверку понимания изученного материала.

В России применение технологии AR в обучении иностранным языкам только набирает обороты. Однако существует ряд научных зарубежных и отечественных исследований, рассматривающих преимущества и трудности использования AR в иноязычном образовании.

Зарубежные исследователи отмечают, что использование AR в изучении языка имеет определенные преимущества: AR вовлекает в процесс обучения не только учащихся начального и среднего уровня владения иностранным языком, но бросает вызов учащимся продвинутого уровня [11]; повышает удовлетворенность учащихся [12], делает процесс обучения увлекательным и мотивирует учащихся [13]; снижает когнитивную нагрузку студентов [14].

Ряд работ по применению AR в процессе развития иноязычной компетенции посвящен изучению дидактических единиц английского языка. Так, Э. Солак и Р. Чакир провели исследование, направленное на выяснение того, как учебный контент, разработанный с использованием технологии AR, влияет на изучение лексики студентов бакалавриата, находящихся на начальном уровне владения английским языком. Созданный AR-материал предлагал учащимся новые лексические единицы, которые включали анимацию и звук, чтобы сделать контент более интересным и доступным для понимания учащихся. Результаты показали, что студенты были мотивированы для изучения лексики, что также положительно коррелировало с их академическими достижениями [13].

В другом исследовании, проведенном Т.Ю. Лю, приложение AR использовалось при построении среды для обучения говорению на английском языке. Были разработаны обучающие игры, которые включали темы, связанные с различными зонами в школе, такими как лаборатория и магазин канцелярских товаров. В ходе эксперимента студенты могли свободно перемещаться в любое место и вести беседу с виртуальным преподавателем. Итоги этого исследования показали, что студенты ис-

пытавали меньшую тревогу в общении с программным продуктом, по сравнению с реальным человеком. Таким образом, учащиеся демонстрировали высокие результаты обучения, поскольку они чувствовали удовлетворение и получали удовольствие от учебного процесса [15].

Испанские ученые из Жиронского университета провели исследование, посвященное обучению чтению, в котором возможности AR использовались для создания 3D-книги. В ходе эксперимента было установлено, что студенты предпочитают получать информацию из современной 3D-книги. На вопросы, направленные на понимание прочитанного и высказывание собственного мнения, студенты дали более развернутые и подробные ответы по сравнению с контрольной группой, которая читала обычную книгу без использования AR [16].

Г.В. Семенова и А.И. Исаева справедливо подчеркивают, что AR предоставляет возможность создавать на уроках иностранного языка ситуации взаимодействия, приближенные к действительности и трудновоспроизводимые на традиционном занятии. Кроме того, использование AR делает учебный процесс осмысленным и захватывающим. Возможности AR не ограничены: от добавления на страницы учебников, брошюр, календарей, карт мультимедийной информации, до создания увлекательных сред, превращающих чтение и перевод в увлекательную игру, в процессе прохождения которой осуществляется отработка профессионального вокабуляра [17].

М.В. Амеликина, М.В. Карагезьян отмечают позитивную роль AR в процессе развития иноязычной компетенции и цифровой грамотности. AR-технологии также могут применяться в онлайн-обучении. Студенты могут сами принимать участие в разработке мобильных гидов и квестов, что способствует совершенствованию креативного потенциала учащихся [18]. Кроме того, у студентов есть возможность выбирать свой темп и время работы [19].

В.В. Котенко выделяет такие качества AR, как экологичность и способность увеличить продуктивность учебного процесса. Так, при обучении иностранным языкам AR содействует улучшению навыков аудирования. Ученый также утверждает, что к 2024 году учащиеся с ограниченными возможностями смогут активно пользоваться цифровым учебным контентом, включающим также материалы, разработанные с помощью AR [20; с. 256].

При наличии неоспоримых преимуществах использования AR на занятиях, существуют определенные трудности, препятствующие продвижению AR. В научной литературе называются такие навыки студентов, как пространственное мышление, цифровая грамотность, способность к самоорганизации, умение решать задачи и взаимодействовать в группе, необходимые для работы с AR-материалом и отсутствие которых может привести к неудачам в освоении материала. [21].

З.И. Коннова, Г.В. Семенова среди недостатков применения AR-технологий на занятиях по иностранному языку отмечают трудоемкость процесса разработки контента, ограниченное количество имеющегося AR-материала, необходимость приобретения дорогостоящего оборудования, временные ограничения работы с технологиями из-за негативного влияния на здоровье студентов [22; с. 38].

Существуют также технические проблемы, связанные с использованием мобильных устройств в аудиториях, такие, как скорость передачи данных в сети, емкость батареи и т.п. [9].

В данной статье представлен опыт использования AR-технологий преподавателями кафедры иностранных языков по техническим направлениям Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова в обучении профессионально-ориентированному английскому языку.

Процесс освоения профессионально-ориентированного английского языка состоит из нескольких этапов: на начальном этапе студенты знакомятся с особенностями образовательной среды ВУЗа. Затем студентов задействуют в обсуждении инженерных проблем и поиске путей их устранения. Последняя стадия подразумевает междисциплинарное взаимодействие, в ходе которого студенты дискутируют о профессиональных целях и задачах на английском языке.

Изучение профессионально-ориентированного английского языка студентами технических направлений предполагает максимальную ориентацию на их будущее профессиональное поле деятельности: лексические единицы, грамматические конструкции, термины, коммуникативные ситуации [23].

Разрабатывая AR-контент, необходимо учитывать ряд аспектов: наличие необходимых технических средств и программного обеспечения, актуальность материала, его эргономическую сторону, предполагающую удобство в эксплуатации и не вызывающую переутомление и дискомфорт у студентов.

В рамках работы лаборатории виртуальной и дополненной реальности на базе университета преподаватели кафедры иностранных языков по техническим направлениям осуществляли сотрудничество с преподавателями профильных кафедр. Учитывая специфику подготовки студентов, обучающихся по направлению 23.03.02 «Наземные транспортно-технологические комплексы, профиль подъемно-транспортные, строительные, дорожные машины и оборудование», преподавателями был разработан курс профессионально-ориентированного английского языка, состоящий из трех модулей, непосредственно связанных с объектами профессиональной деятельности выпускников:

- домкраты, лебедки, лифты и подъемники, грузоподъемные краны общего назначения, специальные грузоподъемные краны;

- ленточные конвейеры, пластинчатые конвейеры, скребковые конвейеры, ковшовые конвейеры, подвесные конвейеры, тележечные грузонесущие конвейеры, грузоведущие и шагающие конвейеры, элеваторы, качающиеся, роликовые конвейеры, установки гидравлического и пневматического транспорта;

- машины для земляных работ (рыхлители, бульдозеры, экскаваторы, автогрейдеры, скреперы), машины и оборудование для уплотнения грунта, машины для дробления, сортировки и обогащения горных пород (дробилки, грохоты, машины для промывки и классификации горных пород, дробильно-сортировочные установки), цемента- и асфальтобетонные заводы и установки, смесители растворов и бетонов, асфальтоукладчики.

Изучение курса предполагает активное использование технологии AR. Для выяснения эффективности использования технологий AR в обучении профессионально-ориентированному английскому языку в 2020 году на кафедре был проведен эксперимент, цель которого состояла в исследовании потенциала применения AR в языковом образовании, а также сборе и анализе статистических данных с результатами студентов, обучающихся с помощью AR-технологий, и студентов, использующих традиционные методы.

В исследовании приняли участие 42 студента бакалавриата, из которых были сформированы две группы: экспериментальная и контрольная. В экспериментальной группе было 19 человек, остальные студенты обучались в контрольной группе. В начале эксперимента обе группы прошли предварительное тестирование, необходимое для диагностики исходных знаний студентов и уровня владения ими профессионально-ориентированной лексикой. Результаты тестирования показали незначительную разницу в знаниях студентов.

Затем участники экспериментальной группы должны были скачать приложение Augasma, которое позволяет создавать свой материал, используя любой цифровой или физический объект. Augasma предоставляет два вида пользовательских интерфейсов: мобильное приложение и веб-приложение. Мобильное приложение можно свободно загрузить на iPhone, iPad, Android-телефоны и другие устройства, которые использовались студентами на занятиях. В это время контрольная группа работала только с печатными учебными пособиями. Всем студентам отводилось одинаковое количество учебных часов на освоение одного и того же материала.

Студентам экспериментальной группы было предложено направлять свои мобильные устройства на определенные изображения и взаимодействовать с дополненным мультимедийным контентом (например, слушать, отвечать на вопросы, повторять). Работа с приложением не вызвала у студентов особых затруднений, и только у нескольких учащихся были технические проблемы.

На занятиях использовались различные иллюстрации и фотографии инструментов, машин и их деталей, которые использовались в качестве триггеров. Рабочий процесс состоял из трех этапов: 1) подготовка триггеров (изображений), 2) подбор мультимедийного учебного материала, 3) создание AR-продукта (аур). Во-первых, фотографии были оцифрованы, обработаны и загружены в приложение Augasma для создания учебного триггера. Во-вторых, преподаватели разрабатывали и подбирали аудио- и видеоматериалы, упражнения на отработку лексики, произношения и т.д. Наконец, изображение (триггер) был объединен с определенным контентом. Так, мини-диалоги помогают отработке новой лексики и грамматических конструкций в контекст обусловленной среде, в то время как работа с видеоконтентом способствует развитию навыков говорения и аудирования. Каждый модуль курса завершался викториной, которая помогала оценить степень усвоения студентами материала.

В конце эксперимента обе группы выполнили пост-тест. Помимо обычных тестовых вопросов с одним верным вариантом ответа студентам в пост-тесте было предложено письменное задание. Они должны были написать эссе, которое содержит не менее 100 слов за 20 минут. Результаты тестов по-

казали, что экспериментальная группа студентов значительно превзошла контрольную группу в изучении материалов курса по профессионально-ориентированному английскому языку. Кроме того, студенты продемонстрировали свое позитивное отношение к использованию AR-технологий в процессе изучения новых слов и работы с текстами. Молодые люди заинтересованы в применении данных технологий в учебном процессе, поскольку учащиеся, выросшие в цифровую эпоху, воспринимают процесс изучения иноязычного контента традиционным образом как скучный. Использование AR предлагает новый способ работы над вокабуляром, текстами и грамматикой.

Таким образом, в современном мире AR-технологии могут успешно использоваться как новое дополнение к уже активно применяющимся информационно-коммуникационным технологиям, задействованным в процессе изучения языка. Данное исследование было проведено, чтобы проверить эффективность AR-технологий как инструмента для освоения профессионально-ориентированного материала на английском языке. В ходе проведенного эксперимента было установлено, что AR-технологии имеют позитивное влияние на усвоение иноязычного контента студентами. Конечная цель студентов состоит не только в том, чтобы позволить приобретенным знаниям существовать в долговременной памяти, но также использовать их в ситуации профессионального общения.

AR-технологии также играют важную роль в расширении возможностей обучения вне класса, в любом месте и в любое время и повышают интерес и мотивированность студентов к учебному процессу.

На основании полученных результатов можно сделать вывод, что AR-технологии могут использоваться в качестве дополнения к традиционному обучению профессионально-ориентированному английскому языку.

Библиографический список

1. Кисель О.В., Бутова А.В. Студентоцентрированный подход в высшей школе: преимущества и недостатки // *Современные наукоемкие технологии*. 2020. № 12-1. С. 166-170.
2. Жамгарян Н.Т. Роль современных технологий (электронных пособий) в преподавании русского как иностранного (РКИ) // *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*. 2018. № 3 (30). С. 27-31.
3. Пантыкина Н.И., Олейникова Е.П., Цыганок Е.А. Виртуальная реальность как инновационный метод в преподавании иностранного языка // *Гуманитарный вестник (Горловка)*. 2019. № 7 (2). С. 45-51.
4. Tulgar A.T. In Between Reality and Virtuality: Augmented Reality in Teaching English to Young Learners // *The Journal of Institute of Social Sciences*. 2019. Vol. 41. P. 356-364.
5. Azuma R.T. A Survey of Augmented Reality // *Teleoperators and Virtual Environments*. 1997. No: 6. P. 355-385.
6. Billinghamurst M., Kato H., Poupyrev I. Collaboration with Tangible Augmented Reality Interfaces // *HCI International*. 2001. No. 1. P. 5-10.
7. Cuendet S., Bonnard Q., Do-Lenh S., Dillenbourg P. Designing augmented reality for the classroom // *Computers & Education*. 2013. No. 68. P. 557-569.
8. Cabero J., Barroso J. The Educational Possibilities of Augmented Reality // *New Approaches in Educational Research*. 2016. Vol. 5. No. 1. 44-50. URL: https://www.researchgate.net/publication/290447076_The_educational_possibilities_of_Augmented_Reality_1_AUGMENTED_REALITY_DEFINITION_TYPES_AND_PROGRAMS. (дата обращения 12.03.2021).
9. Andone D., Frydenberg M. Experiences in online collaborative learning with augmented reality // *The International Scientific Conference eLearning and Software for Education*. 2017. Vol. 2. P. 239-246.
10. Godwin-Jones R. Augmented reality and language learning: From annotated vocabulary to place-based mobile games // *Language Learning & Technology*. 2016, Vol. 20 No. 3. P. 9-19.
11. Ho, S., Hsieh, S., Sun, P., & Chen, C. To activate English learning: Listen and speak in real life context with an AR featured U-learning system // *Educational Technology & Society*. 2017. Vol. 20. No. 2. P 176-187.
12. Santos, M., Lübke, A., Taketomi, T., Yamamoto, G., Rodrigo, M., Sandor, C., Kato, H. Augmented reality as multimedia: The case for situated vocabulary learning // *Research and Practice in Technology*

Enhanced Learning. 2016. Vol. 11. No. 4. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/52PDMN120.pdf> (дата обращения 10.03.2021).

13. Solak E., Cakir R. Exploring the Effect of Materials Designed with Augmented Reality on Language Learners' Vocabulary Learning // *Journal of Educators Online*. 2015. Vol. 12. No. 2. P. 50-72.

14. Hsu T.C. Learning English with augmented reality: Do learning styles matter? // *Computers & Education*. 2017. Vol. 106. P. 137-149.

15. Liu T.Y. A context-aware ubiquitous learning environment for language listening and speaking // *Journal of Computer Assisted Learning*. 2009. Vol. 25. No. 6. P. 515-527.

16. Tobar-Munoz H., Baldiris S., Fabregat R. Augmented Reality Game-Based Learning: Enriching Students' Experience During Reading Comprehension Activities // *Journal of Educational Computing Research*. 2017. Vol. 55 No. 7. P. 901-936.

17. Семенова Г.В., Исаева А.Ю. Использование технологий дополненной реальности при формировании иноязычной компетенции студентов неязыковых специальностей // *Мир науки. Педагогика и психология*. 2020. №1 (8). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/52PDMN120.pdf> (дата обращения 10.03.2021).

18. Амелькина М.В., Карагезьян М.В. Мобильные квесты дополненной реальности как средство формирования профессиональной иноязычной компетенции у студентов в условиях академической мобильности // *Современный ученый*. 2019. № 4. С. 14-20.

19. Кисель О.В. Применение компьютера как средства обучения в вузе // *Современные проблемы и перспективы развития науки, техники и образования. Материалы I Национальной научно-практической конференции*. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2020, С. 231-233.

20. Котенко В.В. Проблемы и возможности применения технологий дополненной и виртуальной реальности в преподавании иностранного языка // *Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта*. 2020. № 3 (181). С. 252-257.

21. Жаринов Ю.А., Билалова Д.Н. Технология дополненной реальности в преподавании иностранных языков в высших учебных заведениях // *Современное педагогическое образование*. 2020. № 3. С. 32-34.

22. Коннова З.И., Семенова Г.В. Обучение иностранному языку студентов-медиков в рамках технологии виртуальной реальности // *Научный результат. Педагогика и психология образования*. 2020. Т. 6. № 2. С. 34-41.

23. Butova A.V. The role of professionally-oriented texts in communicative competence building among non-linguistic university students // *Проблемы современного педагогического образования*. 2020. № 69-1. С. 102-105.

References

1. Kisel O.V. The use of a computer as a means of teaching at a university // *Modern problems and prospects for the development of science, technology and education: materials of the 1st National Scientific and Practical Conference*. Magnitogorsk: Nosov Magnitogorsk State Technical University Publ., 2020. P. 231-233.

2. Zhamharyan N.T. The role of modern technologies (electronic benefits) in teaching Russian as a foreign // *Actual Issues of Modern Philology and Journalism*. 2018. No. 3 (30). P. 27-31.

3. Pantykina N.I., Oleynikova E.P., Tsyganok E.A. Virtual Reality as an Innovative Method of Teaching a Foreign Language // *Humanitarian Bulletin (Gorlovka)*. 2019. No. 7 (2). P. 45-51.

4. Tulgar A.T. In Between Reality and Virtuality: Augmented Reality in Teaching English to Young Learners // *The Journal of Institute of Social Sciences*. 2019. Vol. 41. P. 356-364.

5. Azuma R.T. A Survey of Augmented Reality // *Teleoperators and Virtual Environments*. 1997. No: 6. P. 355-385.

6. Billinghurst M., Kato H., Poupyrev I. Collaboration with Tangible Augmented Reality Interfaces // *HCI International*. 2001. No. 1. P. 5-10.

7. Cuendet S., Bonnard Q., Do-Lenh S., Dillenbourg P. Designing augmented reality for the classroom // *Computers & Education*. 2013. No. 68. P. 557-569.

8. Cabero J., Barroso J. The Educational Possibilities of Augmented Reality // *New Approaches in Educational Research*. 2016. Vol. 5. No. 1. 44-50. URL: https://www.researchgate.net/publication/290447076_The_educational_possibilities_of_Augmented_Reality_1_AUGMENTED_REALITY_DEFINITION_TYPES_AND_PROGRAMS. (дата обращения 12.03.2021).
9. Andone D., Frydenberg M. Experiences in online collaborative learning with augmented reality // *The International Scientific Conference eLearning and Software for Education*. 2017. Vol. 2. P. 239-246.
10. Godwin-Jones R. Augmented reality and language learning: From annotated vocabulary to place-based mobile games // *Language Learning & Technology*. 2016, Vol. 20 No. 3. P. 9-19.
11. Ho, S., Hsieh, S., Sun, P., & Chen, C. To activate English learning: Listen and speak in real life context with an AR featured U-learning system // *Educational Technology & Society*. 2017. Vol. 20. No. 2. P. 176-187.
12. Santos, M., Lübke, A., Taketomi, T., Yamamoto, G., Rodrigo, M., Sandor, C., Kato, H. Augmented reality as multimedia: The case for situated vocabulary learning // *Research and Practice in Technology Enhanced Learning*. 2016. Vol. 11. No. 4. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/52PDMN120.pdf> (дата обращения 10.03.2021).
13. Solak E., Cakir R. Exploring the Effect of Materials Designed with Augmented Reality on Language Learners' Vocabulary Learning // *Journal of Educators Online*. 2015. Vol. 12. No. 2. P. 50-72.
14. Hsu T.C. Learning English with augmented reality: Do learning styles matter? // *Computers & Education*. 2017. Vol. 106. P. 137-149.
15. Liu T.Y. A context-aware ubiquitous learning environment for language listening and speaking // *Journal of Computer Assisted Learning*. 2009. Vol. 25. No. 6. P. 515-527.
16. Tobar-Munoz H., Baldiris S., Fabregat R. Augmented Reality Game-Based Learning: Enriching Students' Experience During Reading Comprehension Activities // *Journal of Educational Computing Research*. 2017. Vol. 55 No. 7. P. 901-936.
17. Semenova G.V., Isaeva A.Yu. The use of augmented reality technologies in the formation of foreign language competence of students of non-linguistic specialties // *World of Science. Pedagogy and psychology*. 2020. No. 1 (8). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/52PDMN120.pdf> (дата обращения 10.03.2021).
18. Amelkina M.V., Karageziyan M.V. Augmented reality mobile quests as an instrument for students to improve their professionally-oriented foreign language competence in the conditions of academic mobility // *Modern Scientist*. 2019. No. 4. P. 14-20.
19. Kisel O.V., Butova A.V. The student-centered approach in higher education: Advantages and disadvantages // *Modern high technologies*. 2020. No. 12. P. 166-170.
20. Kotenko V.V. Challenges and opportunities of application of augmented and virtual reality technologies in teaching the foreign language // *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*. 2020. No. 3 (181). P. 252-257.
21. Zharinov Y. A., Bilalova D. N. Augmented reality technology in teaching foreign languages in higher education institutions // *Modern Pedagogical Education*. 2020. No. 3. P. 32-34.
22. Konnova Z.I., Semenova G.V. Teaching foreign language to medical students in the framework of virtual reality technology // *Research Result. Pedagogy and Psychology of Education*. Vol. 6, No. 2. P. 34-41.
23. Butova A.V. The role of professionally-oriented texts in communicative competence building among non-linguistic university students // *Problems of modern teacher education*. 2020. № 69-1. С. 102-105.

УДК 811.161.1.
10.36622/AQMPJ.2021.48.19.009

*Калининградский государственный
технический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
Лескова Е.В.
Россия, г. Калининград,
тел. 89520556009
e-mail: ekaterina.leskova@mail.ru*

*Kaliningrad State Technical University
PhD, associate professor
of department
of Russian language
Leskova E.V.
Russia, Kaliningrad,
tel. 89520556009
e-mail: ekaterina.leskova@mail.ru*

Е.В. Лескова

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И ДЕЛОВОЕ ОБЩЕНИЕ: ИЗУЧЕНИЕ БИЗНЕС-ЛЕКСИКИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ

В статье исследуются особенности изучения основ делового общения на занятиях по «Русскому языку как иностранному» (в рамках курса по профессиональной подготовке иностранных студентов). Анализируется специфика обучения иностранцев фразеологической бизнес-лексике (фразеологических единиц, тематическое содержание которых коррелирует с проблемами ведения и организации предпринимательской деятельности). Рассматриваются типы этих фразеологических сочетаний, их стилистические и тематические группы. Исследуются морфологические и синтаксические особенности названных фразеологических единиц. Доказываются актуальность и необходимость изучения этих языковых явлений на занятиях по «Русскому языку как иностранному». Уделяется внимание особому пласту разговорных фразеологических сочетаний по темам ведения бизнеса, используемых в качестве средств неформального общения. Изучается их специфика и лингвокультурологическая ценность. Предлагаются варианты упражнений на запоминание и отработку этих устойчивых сочетаний. Также исследуется проблема коммуникации на занятиях по освоению языка специальности. Утверждается значимость коммуникативного подхода к изучению русского языка как иностранного. Предлагаются варианты симулятивных коммуникативных ситуаций (которые могут быть предложены студентам в целях продуцирования), являющихся необходимыми для закрепления всех полученных знаний и способствующих снятию трудностей в процессе освоения языка. Рассматривается влияние всех вышеназванных факторов на адаптацию студентов в новой языковой среде, на получение широких профессиональных навыков (письменных – таких как ведение деловой переписки и оформление документации; и устных – таких как организация и поддержание деловых переговоров, совещаний, конференций), на развитие различных компетенций: фразеологической, общеязыковой, дискурсивной, социокультурной, лингвострановедческой.

Ключевые слова: фразеологизмы, деловое общение, русский язык как иностранный, бизнес-лексика, предпринимательская деятельность.

E.V. Leskova

PHRASEOLOGICAL UNITS AND BUSINESS COMMUNICATION: LEARNING BUSINESS VOCABULARY IN RCT CLASSES

The article examines the features of studying the basics of business communication in the classroom "Russian language as a foreign" (as part of the course on professional training of foreign students). The specificity of teaching foreigners to phraseological business vocabulary (phraseological units, the thematic content of which correlates with the problems of conducting and organizing entrepreneurial activity) is analyzed. The types of these phraseological combinations, their stylistic and thematic groups are considered. The morphological and syntactic features of the named phraseological units are investigated. The urgency and necessity of studying these linguistic phenomena in the classroom on "Russian language as a foreign" are proved. Attention is paid to a special layer of colloquial phraseological combinations on the topics of doing business, which are used as means of informal communication. Their specificity and linguocultural value are being studied. Variants of exercises for memorizing and practicing these stable combinations are proposed. The problem of communication in the classroom for mastering the language of the specialty is also investigated. The importance of the communicative approach to the study of Russian as a foreign language is affirmed. Vari-

ants of simulative communicative situations (which can be offered to students for production purposes) are proposed, which are necessary to consolidate all the knowledge gained and contribute to the removal of difficulties in the process of language acquisition. The influence of all the above factors on the adaptation of students in a new language environment, on the acquisition of broad professional skills (written - such as business correspondence and paperwork; and oral - such as organizing and maintaining business negotiations, meetings, conferences), on the development of various competencies : phraseological, general language, discursive, sociocultural, linguistic and cultural.

Key words: phraseological units, business communication, Russian language as a foreign, business vocabulary, entrepreneurial activity.

Различные филологические исследования последних лет характеризуются антропоцентрической направленностью: анализом человеческого фактора в языке и в литературе [1; с. 40]. Не являются исключением и научно-методические разработки по «Русскому языку как иностранному»; на занятиях по этой дисциплине (в том числе по научному стилю речи) всё более актуальными для изучения становятся темы, связанные с особенностями коммуникации человека в современном мире [2; с. 180]. В связи с тем, что различные изменения, происходящие, к примеру, в экономической сфере, оказывают влияние на развитие отношений между странами, и все эти трансформации и обновления находят своё отражение в языке, освоение навыков коммуникации в бизнес-сфере становится одним из важнейших факторов не только чисто лингвистического, но и социокультурного развития студентов [3]. Исследование различных аспектов поведения людей в профессиональной сфере (профессиональной этики, правильности речи – знания лексико-грамматических норм языка, потенциальных ситуаций делового общения) становится также необходимым инструментом освоения специальности, без которого невозможен дальнейший профессиональный рост личности.

Объектом рассмотрения на занятиях с иностранными учащимися, посвящённых изучению бизнес-лексики, становятся не только *термины* и синтаксические конструкции, но и определённые *речевые клише*, необходимые для оформления *деловой документации*. Особое место в процессе обучения иностранцев деловому общению занимает освоение достаточно непростых для восприятия *устойчивых фразеологических сочетаний* [3; с. 99; 4; с. 93; 5; с. 80]. Помимо символизма и высокой культурологической коннотативности этих ФЕ, позволяющей сформировать мнение относительно тех или иных особенностей изучаемого языка, а также специфики мировосприятия народа-языконосителя, фразеологические единицы характеризуются оценочностью, яркостью, экспрессивностью [6; с. 129], придающей любым определяемым ими фактам усилительное значение.

В основном ФЕ встречаются в художественной литературе или в публицистике. Реже – в текстах официально-делового стиля, ещё реже – в научных текстах. ФЕ, как и обычные лексемы, также могут быть терминологическими («горячая точка», «роза ветров», «коробка передач»), клишированными («оказать содействие», «заключить сделку», «подать иск») и общеупотребительными («попасться на удочку», «зайти в тупик», «бить ключом»). Иностранным учащимся необходимо иметь представление о каждом из типов фразеологических сочетаний и их структуре, уметь узнавать и отличать их при чтении нового текстового материала, семантизировать их (к примеру, с помощью подбора синонимов «бить ключом» – «бурлить», «фонтанировать»; или посредством языковой догадки через раскрытие метафоры – «попасться на удочку» - дать себя обмануть; «зайти в тупик» - попасть в безвыходное положение); а также научиться использовать их в собственной речи (1. «*Наши конкуренты явно что-то задумали. Главное, не попасться на их удочку*». 2. «*Ситуация зашла в тупик. Наша фирма на грани банкротства*». 3. «*Мне нравится наш новый сотрудник. Его энергия бьёт ключом*»).

Исследователи Рамазанова Д.А., Кислицкая С.С. акцентируют внимание ещё на двух важных с точки зрения рассмотрения на занятиях по РКИ (в рамках изучения основ делового общения) аспектах: особой морфологической сочетаемостью внутри ФЕ, характерной для официального изложения мыслей: «прилаг. + сущ.» («юридическое лицо»), «глагол + сущ.» («обеспечить безопасность»), «сущ. + сущ.» («условия договора», «мера пресечения») и т.д. [7; с. 98] и определённых синтаксических конструкциях с предлогами (по своей структуре близких фразеологическим): «согласно + Дат. п.», «благодаря + Дат. п.», «в целях + Род.п.» [Там же], которые также следует представить учащимся и проанализировать в ходе занятия.

Другой важнейшей задачей в рамках занятия с иностранными студентами по освоению основ делового общения является расширение самого словаря бизнес-лексики, причём не только за счёт терминов-лексем, зачастую заимствованных из другого языка (*хеджирование, мониторинг* и т.д.), но

и за счёт изучения фразеологических сочетаний, относящихся к языку выбранной специальности, не только книжных, но и разговорных. К примеру, существует целый пласт фразеологических единиц, относящихся больше к разговорному, чем к официально-деловому стилю речи, но при этом характеризующих такую сугубо «официальную» сферу человеческой деятельности, как *предпринимательство*. Эти фразеологические сочетания нельзя встретить ни в учебных, ни в научных текстах, их не используют при составлении деловых документов, многие из них и вовсе являются жаргонными, однако они могут представлять интерес с точки зрения неофициального общения по теме «ведение бизнеса», в связи с чем могут также рассматриваться на занятиях по РКИ.

Целый ряд этих своеобразных сочетаний (*представленных ниже – Е.Л.*) выделяет исследователь Д. Сироткин [8]. На наш взгляд, эти ФЕ могут быть полезными для иностранцев с точки зрения погружения в культурологическое пространство изучаемого языка. Перед началом занятия необходимо объяснить учащимся сферу употребления этих фразеологизмов (*где и когда будет уместным их использование – Е.Л.*). Целесообразным будет и их разделение на тематические подгруппы, заметно облегчающее процесс восприятия. К примеру, на такие: 1) фразеологизмы, описывающие отношение между участниками предпринимательского процесса (бизнес-партнёрами или конкурентами): «*войти в дело*» (обозначить своё участие в проекте), «*быть в доле*» (вложиться, обладать процентом от сделки / акциями), «*хлопнуть по рукам*» (договориться), «*показать товар лицом*» (представить товар), «*кинуть партнёров*» (обмануть); 2) фразеологизмы, характеризующие лица, занимающиеся бизнесом: «*за копейку удавится*» (жадный), «*его финансы поют романсы*» (бедный, банкрот), «*гребёт деньги лопатой*» (богатый, его фирма имеет прибыль), «*вылетел в трубу*» (обанкротился); 3) фразеологизмы, представляющие собой описание или оценку деятельности фирмы: «*дойная корова*» (фирма, дающая стабильный доход), «*золотое дно*» (место, богатое источниками дохода), «*фирма-однодневка*» (фирма, созданная с целью уклонения от уплаты налогов); 4) фразеологизмы, описывающие другие нюансы процессов купли и продажи: «*пустить в оборот*» (задействовать денежные средства или товары), «*красная цена*» (максимально возможная цена) и др. [Там же].

Однако самым главным аспектом в обучении иностранных учащихся ФЕ, а также основам делового общения в целом, является овладение навыками деловой коммуникации. По мнению Роляк И.Л., дискурсный (направленный на выход в речь) подход к изучению языка, предполагающий экстралингвистичность и приближенность к действительности, становится важнее работы с текстовым материалом [9]. Как пишет исследовательница, основной целью «профессионально ориентированного обучения иностранному языку является приобретение одновременно двух глобальных компетенций: когнитивно коммуникативной (с функциональной перспективы) и дискурсной (с прагматической перспективы), необходимых для исправной коммуникации во всех ситуациях профессионального общения» [Там же]. Осуществляться эта цель может разными способами: как при помощи поддержания диалога / ведения дискуссии с преподавателем на заданную тему, так и посредством продуцирования симулятивных ситуаций реального общения (небольших театральных постановок с заранее установленным распределением ролей). Подробнее о языковых играх можно прочитать в работе В.М. Чирковой, Е.В. Рубцовой на примере работы со студентами медицинских специальностей (когда нужно, к примеру, разыграть по ролям ситуацию общения врача и пациента и т.д.) [10; с. 79].

На наш взгляд, фразеологический материал может стать хорошей основой для продуцирования таких ситуаций. Так, студентам экономического факультета может быть предложена задача воссоздания 1) *диалога между начальником и подчинённым*; 2) *ситуации рабочего совещания*; 3) *переговоров с партнёрами*; 4) *ситуации принятия сотрудника на работу* – с обязательным использованием в своей речи изученных фразеологических сочетаний:

1. Речевых клише: «*Разрешите обратиться ...*»; «*Позвольте не согласиться с Вами ...*»; «*Мы бы хотели оказать Вам содействие в ...*»; «*Не могли бы Вы оказать нам услугу*»; «*Хочу выразить опасение относительно ...*»;

2. Терминологических фразеологических сочетаний: «*Необходимо указать все источники дохода*».

3. Общеязыковых ФЕ: «*Ещё не время бить тревогу*»; «*Этот проект имеет свои слабые / сильные стороны*».

Другим видом упражнений на изучение и отработку ФЕ могут стать задания на дополнение диалогов и текстов за счёт восстановления пропущенных фразеологических элементов (к примеру, разговорного стиля речи):

- 1) – Ты слышал, у нашего конкурента отлично идут дела.
– Да, знаю. Его фирма дала хорошую прибыль. Он ... (*гребёт деньги лопатой*).
– А вот наш сосед, напротив, полностью обанкротился, ... (*вылетел в трубу*).

2) – Как ты думаешь, стоит ли ... (*иметь в нем дело*)?
– Не знаю. Он такой жадный, ... (*за копейку удавится*). Ещё он нечестный, я слышал, что он может ... (*кинуть партнёров*) в самый неподходящий момент.

3) – У вас всё так дорого. Почему Вы не можете сделать скидку? Я думаю, ... (*красная цена*) этого товара 200 рублей.
– Знаете, это магазин, а не рынок. Не будем торговаться.

Таким образом, изучение основ делового общения и расширение словаря бизнес-лексики у иностранных студентов не может осуществляться без обращения к фразеологическому составу изучаемого языка, обладающему (*фразеологическому составу языка – Е.Л.*) яркой описательностью и придающему усилительное значение рассматриваемым фактам действительности. Одним из важнейших способов освоения фразеологической компетенции в рамках занятий по специальности является коммуникативный метод, заключающийся в продуцировании реальных ситуаций общения и направленный на облегчение процесса адаптации студента в новой для него культурно-языковой среде.

Библиографический список

1. Бессонова О.Л. Человеческий фактор в языке: верность традиции и устремлённость в будущее // Исследования языка и современное гуманитарное знание. Т. 2. № 1. СПб: РГПУ им. А. Герцена, 2020. С. 40-44.
2. Федуленкова Т.Н. Деловая фразеология в коммуникации // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики. Казань, 2017. С. 180-190.
3. Полонникова Е.Г. Обучение русской фразеологии иностранных учащихся на современном этапе // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. Т. 10. № 1. СПб, 2019. С. 99–109.
4. Краснюк И.Н. Преподавание фразеологии на уроках РКИ в вузе // Педагогический опыт: теория, методика, практика: мат. VI Межд. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 2016). Чебоксары: Интер-актив Плюс, 2016. С. 93-95.
5. Романова Н.Н., Амелина И.О. Лексико-фразеологические средства организации деловой речи в аспекте обучения иностранному языку (русскому языку как иностранному и английскому языкам) // Научный результат. Серия «Вопросы теоретической и прикладной лингвистики». № 2. Белгород, 2015. С. 80-87.
6. Пестова М. С. Эмотивность и оценочность как основные компоненты коннотации дисфемистичных фразеологических единиц, построенных на гиперболе, в английском и русском языках // Лингвокультурология. Вып. 4. Екатеринбург, 2010. С. 128-137.
7. Рамазанова Д.А., Кислицкая С.С. Фразеологизмы в русскоязычном деловом дискурсе (на материале деловой документации) // Известия ДГПУ. Т. 12. № 4. Махачкала, 2018. С. 96-99.
8. Сироткин Д. Фразеологизмы о бизнесе. 2016. [Электронный ресурс] URL: <https://burido.ru/327-russkie-frazeologizmy-o-biznese> (дата обращения: 09.09.2021).
9. Роляк И. Л. Дискурсивный подход в обучении иностранных студентов русскому языку делового общения. 2014. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursnyy-podhod-v-obuchenii-inostrannyh-studentov-russkomu-yazyku-delovogo-obscheniya/viewer> (дата обращения 2.09.2021).

10. Чиркова В.М., Рубцова Е.В. Медицинская деловая игра как интерактивный метод обучения иностранных студентов профессиональному общению на русском языке // Karelian Scientific Journal. Т. 6. № 3 (20). Петрозаводск, 2017. С. 78-80.

References

1. Bessonova O.L. The human factor in the language: loyalty to tradition and aspiration to the future // Language studies and modern humanitarian knowledge. V. 2. № 1. St. Petersburg: RSPU by A. Herzen, 2020. Pp. 40-44.

2. Fedulenkova T.N. Business phraseology in communication // Modern problems of philology and methods of teaching languages: questions of theory and practice. Kazan, 2017. Pp. 180-190. 10.

3. Polonnikova E.G. Teaching the Russian phraseology to foreign students at the present stage // Scientific and technical statements of SPbGPU. Humanities and social sciences. V. 10. №. 1. Sankt-Peterburg, 2019. Pp. 99–109.

4. Krasnyuk I.N. Teaching phraseology at the classes by "Russian language as a foreign" at the university // Pedagogical experience: theory, methodology, practice: mat. VI Int. scientific-practical conf. (Cheboksary, 2016). Cheboksary: Interactive Plus, 2016. Pp. 93-95.

5. Romanova N.N., Amelina I.O. Lexico-phraseological means of organization the business speech in the aspect of teaching a foreign language (Russian language as a foreign and English) // Scientific result. Series "Questions of Theoretical and Applied Linguistics". №. 2. Belgorod, 2015. Pp. 80-87.

6. Pestova M.S. Emotiveness and evaluativeness as the main components of connotation dysfemistic phraseological units built on hyperbole in English and Russian // Linguoculturology. Issue 4. Yekaterinburg, 2010. Pp. 128-137.

7. Ramazanova D.A., Kislitskaya S.S. Phraseologisms in the Russian-speaking business discourse (based on business documentation) // News by DSPU. V. 12. №. 4. Makhachkala, 2018. Pp. 96-99.

8. Sirotkin D. Phraseologisms about business. 2016. [Electronic resource]. Access mode. URL: <https://burido.ru/327-russkie-frazeologizmy-o-biznese>(Accessed: 10.09.2021)

9. Rolyak I.L. Discourse approach in teaching the Russian language of business communication to the foreign students [Electronic resource]. Access mode. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursnyy-podhod-v-obuchenii-inostrannyh-studentov-russkomu-yazyku-delovogo-obscheniya/viewer> (Accessed: 08.09.2021)

10. Chirkova V.M., Rubtsova E.V. Medical business game as an interactive method of teaching foreign students professional communication in Russian // Karelian Scientific Journal. V. 6. №. 3 (20). Petrozavodsk, 2017. Pp. 78-80.

УДК 372.881.161.1:378
10.36622/AQMPJ.2021.59.87.010

*Саратовский государственный медицинский университет имени В.И. Разумовского преподаватель кафедры русского и латинского языков
Веденева Е.В.
Россия, г. Саратов, тел +79047040260
e-mail: e.vedeneeva2010@yandex.ru*

*Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky
Lecturer at the Department of Russian and Latin Languages
Vedeneeva E.V.
Russia, Saratov, tel. +79047040260
e-mail: e.vedeneeva2010@yandex.ru*

Е.В. Веденева

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДИСТАНЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Статья посвящена проблемам дистанционного обучения. В статье рассматриваются вопросы, отражающие особенности обучения иностранных студентов русскому языку, в том числе с учетом особенности организации учебного процесса в дистанционной форме. Рассматривается специфика дистанционной формы обучения в медицинском вузе. Дается характеристика применяемых методов русского как иностранного как в традиционной форме, так и формате электронного обучения, включая как преимущества, так и недостатки данного вида обучающей деятельности. Рассматриваются виды электронных платформ и интернет-систем для осуществления дистанционного обучения. Приводятся предложения по улучшению форм дистанционного образования. Подчеркивается, что использование вузом электронного обучения и дистанционных образовательных технологий существенно расширяет диапазон форм, методов, приемов учебно-воспитательной работы в рамках преподавания иностранного языка и создания дополнительной мотивации для обучающихся, позволяет комплексно реализовывать междисциплинарный подход, повышает объективность контроля успеваемости и качества подготовки обучающихся, позволяет оптимизировать все виды деятельности в условиях вуза. Намечаются перспективы дальнейшего исследования рассматриваемой проблемы через выявление специфики применения дистанционных образовательных технологий по актуальным направлениям. Также представлена апробированная и обоснованная методика работы на практических занятиях по иностранному языку с иностранными студентами медицинского вуза с учетом специфики неязыкового высшего учебного заведения. Намечаются перспективы дальнейшего исследования рассматриваемой проблемы через выявление специфики применения дистанционных образовательных технологий по актуальным направлениям.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, межнациональная коммуникация, профессиональная подготовка, дистанционное обучение, речевая деятельность.

E.V. Vedeneeva

APPLICATION OF REMOTE EDUCATIONAL TECHNOLOGIES PROBLEMS IN THE PROCESS OF LEARNING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

The article is devoted to the problems of distance learning. The article discusses issues that reflect the peculiarities of teaching Russian language to foreign students, including taking into account the peculiarities of the organization of the educational process in a distance form. The specificity of distance learning at a medical university is considered. The characteristics of the applied methods of Russian as a foreign language both in the traditional form and in the format of e-learning are given, including both the advantages and disadvantages of this type of learning activity. The types of electronic platforms and Internet systems for the implementation of distance learning are considered. Suggestions for improving the forms of distance education are given. It is emphasized that the use of e-learning and distance learning technologies by the university significantly expands the range of forms, methods, methods of teaching and educational work in the framework of teaching a foreign language and creating additional motivation for students, makes it possible to comprehensively implement an interdisciplinary approach, increases the objectivity of monitoring the progress and quality of training of students, allows you to optimize all types of activities in a university environment. Prospects for further research of the problem under consideration through the identification of the specifics of the use of distance ed-

ucational technologies in relevant areas are outlined.

Key words: Russian as a foreign language; interethnic communication; professional training; distance learning; speech activity.

Обучение иностранных студентов русскому языку в Саратовском государственном медицинском университете имени В.И. Разумовского берет своё начало с 1992 года, с тех пор был накоплен значительный опыт по методике обучения русскому языку. Первоначально методики преподавания русского языка как иностранного начинали активно развиваться с середины XX века, после того, как в 1954 г. при МГУ им. М.В. Ломоносова был открыт подготовительный факультет для вновь прибывших иностранных студентов, которые изучали русский язык, прежде чем поступить на первый курс.

Следует отметить, что для иностранных учащихся русский язык — это не только инструмент получения высшего образования и избранной специальности, но и способ эффективной коммуникации на бытовом уровне, поэтому в центре внимания преподавателей-практиков и методистов оказались в первую очередь рецептивные и репродуктивные виды речи.

Первоначально используемые в обучении методики базировались либо на запоминании ряда фраз в результате многократного их повторения, и обучение по этому методу считалось аналогичным процессу овладения родным языком, либо путем сопоставления русского и родного языка и по большей части использовался при обучении студентов, говорящих на близкородственных языках [1]. Современную методику преподавания русского языка как иностранного характеризует акселерация, т.е. ускорение темпов обучения, стремление к большой оптимизации, интенсификации учебного процесса [3]. Современные подходы к обучению речевой деятельности подразумевают применение различных методов и средств, в том числе, использования технических средств и мультимедийных технологий. А распространившийся дистанционный формат обучения поспособствовал возрастанию интереса к использованию видеоматериалов и медиа-учебников.

Как справедливо указывает в своих исследованиях Попов Ю.Н., для того, чтобы учащиеся действительно овладели речью на иностранном языке необходимо, чтобы весь учебный процесс был направлен на практическое владение речевыми навыками комплексно и концентрически. Комплексность состоит в использовании взаимосвязанных и дополняющих друг друга разнообразных источников информации (аудиальных, визуальных, аудио-визуальных), а также разнообразных приемов обучения. Концентричность заключается в необходимости интенсивно повторять усваиваемые единицы речевого материала в новых связях и ситуациях [2]. При концентрическом построении учебного процесса знания, расширяясь от темы к теме дают возможность повторять усвоенный ранее материал в новых, разнообразных и все более сложных комбинациях.

Обучение в дистанционном формате делает образовательный процесс более доступным, несмотря на ограничение межнационального сообщения, однако имеет ряд особенностей, так как предполагает обязательную компьютерную грамотность как со стороны учащихся, как и со стороны преподавателя, наличие современных технических средств связи и стабильного интернет-соединения, позволяющего беспрепятственно осуществлять обучение в онлайн-формате [4].

Необходимо отметить, что дистанционные образовательные технологии предполагают применение актуальных информационных, телекоммуникационных и педагогических достижений, необходимых для оптимизации опосредованного взаимодействия обучающегося и преподавателя, а также являются средством дистанционного обучения [5].

Безусловно, дистанционный формат обучения как инновационный вид работы имеет и положительные, и отрицательные стороны. При анализе достоинств дистанционного метода обучения следует отметить его мобильность, универсальность, возможность обучения для лиц с ограниченными возможностями здоровья, возможность выбора курсов из любых университетов мира и создание «своей» дополнительной программы обучения, в том числе, обучение иностранных студентов без выезда из своей страны, возможность многократного просмотра лекций и вебинаров, в будущем создание «всемирного» онлайн-университета.

К недостаткам относятся отсутствие непосредственного общения между преподавателем и студентом, разные часовые пояса, загруженность студентов увеличенными домашними заданиями, необходимость иметь компьютер/ноутбук и скоростной Интернет без помех.

Обучая языку в дистанционном формате, преподаватель, помимо ознакомления с грамматикой и лексикой, должен добиться понимания и умения от слушателей, постараться максимально уменьшить трудности в восприятии иностранного (русского) языка. К положительному результату приво-

дит не только способность преподавателя обучить, и непосредственной желание учащегося выучить язык, начать общаться на нем, но и наличие необходимых средств обучения, т.е. учебников, учебных пособий, интернета.

Основными положительными сторонами дистанционного формата обучения можно выделить в первую очередь, доступность для широкого круга лиц, активное использование интерактивных средств обучения, в результате чего расширяются возможности учебной работы, экономичность за счет внеаудиторного обучения.

Неотъемлемой частью процесса обучения русскому языку как иностранному является аудирование как рецептивный вид речевой деятельности, так смысловое восприятие устного сообщения. Основным материалом для аудирования выступают тексты диалогового характера с медицинской направленностью, адаптированные для восприятия иностранцами. Сложность подбора и составления таких текстов связана с несоответствием уровня сложности их грамматической и лексической составляющих уровню лингвистических знаний студентов.

В настоящее время от преподавателя требуется дополнительная подготовка как с учетом специфики преподавания в медицинском вузе, так и применительно к дистанционному формату.

Важным элементом является объяснение преподавателя, а также задания, позволяющие закрепить и активизировать усвоенный материал. Кроме того, предлагаемый материал должен соответствовать опыту и интересам студентов и быть сопоставимым с их опытом как представителей иной культуры.

В процессе преподавания в дистанционном формате могут возникать трудности в виде сложности восприятия учащимися звуков, так как цифровая передача не всегда обеспечивает донесение до слушателя качественной фонетики. Поэтому в процессе обучения зачастую приходится увеличивать количество устных повторений. В связи с этим для решения подобных трудностей целесообразным является использование интерактивных методов, например применение аудио-презентаций, содержащих визуальное представление информации совместно со звуковой интерпретацией.

Для отработки навыка говорения и аудирования при проведении занятий в дистанционной форме можно использовать разные интернет-платформы: Zoom, Skype, Google Meet, Proficonf, Mind и т.д.

На кафедре русского и латинского языков СГМУ имени В.И. Разумовского наиболее активно используется платформа Zoom, так как предоставляет широкие возможности в организации видеурока, позволяя видеть студента (организатор имеет возможность включать видео у слушателя), использовать «виртуальную» доску, демонстрировать экран ноутбука преподавателя, отправлять файлы студентам, организовывать чаты студентов. На данной платформе проводятся «аудиторные» занятия, включающие такие методы работы, как опрос, монологическое высказывание, беседа. Во время онлайн-урока студенты имеют возможность задавать вопросы преподавателю напрямую.

Применяемая для отработки навыков у студентов письменных и грамматических навыков платформа Google classroom позволяет преподавателю сформировать необходимый объем письменных заданий, возможность создания тестов и опросов для закрепления пройденной темы. Результаты выполнения самостоятельной работы также обсуждаются с преподавателем в рамках вебинара. При проверке письменных заданий существенно возрастают временные затраты по сравнению с традиционным видом проверки. Сложность при использовании дистанционного формата может возникнуть при перебоях с загрузкой письменных заданий, так как требует большего объема оперативной памяти компьютера. Кроме того, в процессе применения дистанционной формы обучения обнаружилось существенное снижение мотивации к обучению у некоторых студентов, внешне замаскированное под имеющиеся технические проблемы со связью, как, например, самовольный выход из видеоконференции и последующим отключением.

Помимо этого применение учебников и пособий в традиционном печатном формате при подобной схеме обучения оказалось неудобным. В связи с этим медиа-учебники и отдельные электронные файлы с заданиями показали большую эффективность при подобной форме обучения.

Наряду с вышеназванными платформами университет активно использует систему «Moodle» и образовательный портал. На данной платформе размещены для каждого курса электронные образовательные ресурсы, такие как тесты итогового и промежуточного контроля, необходимый перечень электронных учебников и обучающих пособий, а также возможности контроля посещаемости студентами вебинаров и конференций.

Для повышения мотивации студентов рекомендуется организация университетом балльно-рейтинговой системы. Студент должен знать, что для допуска к зачету или экзамену он должен заработать минимальное количество баллов, которые будут складываться из посещения занятий,

выполнения домашних заданий, подготовки докладов и т. п., т. е. каждый вид деятельности студента должен быть оценен. Учащийся понимает, что для получения отличной оценки ему необходимо посещение всех занятий курса.

Основными предложениями в рамках расширения онлайн – образования могут стать необходимость записать лекции и открыть к ним доступ, чтобы студенты могли заранее подготовиться к онлайн-занятию, появление консультационные часы, на которых студенты могут задать вопросы по материалу текущего и итогового контроля, разработка университетом личные кабинеты студента и преподавателя, в которых обязательно будут электронные журналы и чат между преподавателем и студентом, а также не допускать перевода абсолютно всех предметов в формат онлайн-обучения. Соответственно, онлайн-обучение предполагает повышения уровня технических знаний преподавателей, модификации учебных программ, а также оснащения университетов современными средствами для дистанционного обучения, подключения IT-специалистов для создания электронных курсов, журналов, ведомостей и идентификации студента.

В заключение следует отметить, что не заменяющее на 100% традиционную форму дистанционное является неотъемлемой частью образования XXI века, а применение дистанционных формата обучения в настоящее время актуально, что напрямую связано как с широким развитием технологий в мире, так и эпидемиологической ситуацией.

По мнению большинства обучающихся, онлайн-обучение не способно восполнить «живое» общение с преподавателем, потому что в нем нет академической среды, кроме того, оно не может заменить дружеское общение между студентами, поэтому его функция прикладная - дополнить и расширить возможности классического университетского обучения. При обучении иностранному языку крайне важно непосредственное взаимодействие студентов как с педагогом, так и между собой. Удаленная коммуникация также возможна как временное явление. При общении на иностранном языке важно не допускать психологических барьеров, чему, безусловно, способствует традиционная форма обучения.

Список литературы

1. Балыхина Т.М. Методика преподавания русского языка как неродного (нового): Учебное пособие для преподавателей и студентов. - М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2007. – 185 с.
2. Попов Ю.Н. Психологические основы преподавания грамматики русского языка в иностранной (индийской) аудитории // дисс. на соискание уч. ст. д.ф.н., 1990. – 259 с.
3. Маркова Ирина Николаевна Интерактивные методы обучения русскому языку иностранных студентов // Новые технологии. 2006. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interaktivnye-metody-obucheniya-russkomu-yazyku-inostrannyh-studentov> [29.06.2021].
4. Владимирова Л.П. Дистанционное обучение иностранным языкам: специфика и перспективы // Иностранные языки в высшей школе. – 2014. – № 2 (29). – С. 68-72.
5. Пашута В.Л., Никольская А.С., Яковлева Е.О. Актуальность применения дистанционных образовательных технологий в процессе обучения иностранному языку в современном военном вузе // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. – 2020. – № 4. – С. 19-22.

Reference

1. Balykhina TM Methods of teaching Russian as a non-native (new) language: a textbook for teachers and students. -M .: Publishing house of the Peoples' Friendship University of Russia, 2007.– 185 p.
2. Popov Yu.N. Psychological foundations of teaching Russian grammar in a foreign (Indian) audience // dissertation for the study Art. Doctor of Philosophy, 1990 .-- 259 p.
3. Markova Irina Nikolaevna Interactive methods of teaching Russian to foreign students // New technologies. 2006. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interaktivnye-metody-obucheniya-russkomu-yazyku-inostrannyh-studentov>. [29.06.2021].
4. Vladimirova L.P. Distance learning foreign languages: specificity and prospects // Foreign languages in higher education. - 2014. - No. 2 (29). - S. 68-72.
5. Pashuta V.L., Nikolskaya A.S., Yakovleva E.O. The relevance of the use of distance educational technologies in the process of teaching a foreign language in a modern military university // Actual problems of physical and special training of power structures. - 2020. - No. 4. - P. 19-22.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА LITERARY TEXT: ASPECTS OF STUDY

УДК 811.161.1'373.232
10.36622/AQMPJ.2021.48.37.011

*Смоленский государственный университет
доктор филологических наук,
профессор
Королева И.А.
Россия, г. Смоленск
тел. +7-910-780-0272
e-mail: innakor@mail.ru*

*Smolensk State University
Doctor of Philology,
Professor
Koroleva I.A.
Russia, Smolensk
tel. + 7-910-780-0272
e-mail: innakor@mail.ru*

И.А. Королева

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОЧТЕНИЯ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматривается специфика информативного поля имен собственных в художественном тексте, показывается, как наполнение онима объемной и разноплановой (лингвистической, исторической, культурологической) информацией реализуется автором произведения с определенными коммуникативно-прагматическими целями. Делается попытка на конкретном примере употребления личного имени *Ольга* в художественной прозе двух известных мастеров слова – А.П. Чехова и В.М. Шукшина – проанализировать механизм раскодирования лингвокультурологической информации, заложенной в плане содержания ономастической единицы. Выявляются специфические авторские коннотации, дающие возможность читателю понять характеристики называемых героинь, показать, как имя собственное участвует в осознании авторского отношения к именуемому персонажу и идейного смысла, который воплощен в произведении. С помощью сравнительно-сопоставительного метода и рассмотрения контекстных ситуаций анализируется авторская позиция и особенности восприятия авторской оценки в двух рассказах, воспроизводящих разные временные периоды развития социума. Ономастический код имени *Ольга* показан как в общеязыковом и культурно-историческом, так и в авторском воплощении.

Ключевые слова: имя собственное, художественный текст, ономастический код, специфика информативного поля имени собственного, антропоним, имя Ольга.

I.A. Koroleva

ABOUT THE PECULIARITIES OF READING PROPER NAMES IN ARTISTIC TEXT

The article deals with the specificity of the informative field of proper names in the literary text. It is shown how the filling of the onym with voluminous and diverse (linguistic, historical, cultural) information is realized by the author of the work with certain communicative and pragmatic goals. An attempt is made on the specific example of the use of the personal name *Olga* in the fiction of two famous masters of the word - A.P. Chekhov and V.M. Shukshin - to analyze the mechanism of decoding linguoculturological information inherent in the content of the onomastic unit. Specific author's connotations are revealed, which enable the reader to understand the characteristics of the named heroines, to show how a proper name participates in the awareness of the author's attitude to the named character and the ideological meaning that is embodied in the work. With the help of the comparative-contrastive method and consideration of contextual situations, the author's position and the peculiarities of the perception of the author's assessment in two stories that reproduce different time periods of the development of society are analyzed. The onomastic code of the name *Olga* is shown both in the general linguistic and cultural-historical, and in the author's embodiment.

Key words: proper name, literary text, onomastic code, specificity of the informative field of proper name, anthroponym, name *Olga*.

Литературная ономастика в настоящее время – это мощное направление (одно из приоритетных) в сфере исследования имен собственных (ИС), так как дает возможность успешно соединить две смежные области – литературу и язык, которые в реальности не существуют друг без друга. Работа в этом направлении позволяет рассматривать ономастические единицы в художественных текстах (ХТ) разных времен и авторов как уникальные элементы, без которых невозможно адекватное понимание идейно-тематического плана произведения, системы его образов, специфики авторского идиостиля, отражения в тексте индивидуально-авторской поэтической картины мира.

Сущность онима, функционирующего в художественном тексте, безусловно, отличается от соответствующей характеристики реального имени собственного. Если условно рассмотреть значение ИС в ХТ как некое информативное пространство, то ядро совмещает в себе денотативный и сигнификативный элементы: первый устанавливает прямую связь с объектом именованного, второй – с обобщенным представлением об этом объекте. Периферия семантики – прагмокомпонент – содержит информацию экстралингвистического характера и дополнительные смысловые элементы, связанные с употреблением онима в конкретном контексте с определенными целями и задачами [1, с. 126].

Творческие принципы писателя, жанр, общеязыковой (в том числе ономастический) узус эпохи и другие экстралингвистические факторы детерминируют индивидуальную литературно-художественную ономастическую систему, которая, в свою очередь, весьма часто выступает как достаточно отчетливая примета индивидуального стиля, литературного направления [2, с.95].

Не вдаваясь в теорию вопроса о значении имен собственных (наличие – отсутствие), скажем только, что мы присоединяемся к точке зрения тех лингвистов, которые считают, что имена собственные обладают объемным содержательным информативным полем, реализующимся именно в речи [3, с. 37]. Информацию, содержащуюся в основах ИС, можно назвать речевой или энциклопедической [4, с. 17]. С помощью этой информации происходит связь имени с объектом, который оно номинирует, а также выражается отношение говорящего к этому объекту. Естественно, объем информации зависит и от ситуации употребления ИС, и от объема знаний о мире самого говорящего.

В плане содержания ИС, таким образом, заложена как лингвистическая, так и экстралингвистическая информация. Так, лингвистическая информация – это комплекс знаний о слове: языковая принадлежность имени; его словообразовательная модель; акцентология и формообразование; этимология имени, позволяющая говорить о семантике производящей основы.

В знаниевом поле экстралингвистической информации наиболее значима историческая и культурологическая составляющие.

Историческая информация – это сведения об истории появления ИС, его первых и последующих фиксациях в текстах. Культурологическая информация – это данные о культурной составляющей информативного поля ИС, активно реализующиеся, например, в художественных текстах. Культурная составляющая носит национальный специфический характер, имеет национально-культурную специфику, что очень важно для осмысления такой информации.

В информативное поле ИС обязательно включается статистический компонент, который в определенной мере характеризует бытование онима в речи, употребление его в той или иной ситуации. Например, для имен частотность определяет моду на имена в общероссийском или местном масштабе (определяются популярные или, наоборот, редкие имена в синхронии, по временным срезам, или в диахронии). Составляются списки частотных имен и фамилий. Рассматриваются регулярные или нерегулярные топонимические модели и пр.

Проиллюстрируем комплексную информацию, содержащуюся в ИС, на примере рассмотрения истории имени *Ольга*.

Имя великой княгини Ольги, первой княгини-христианки на Руси, жены известного в истории князя Игоря и матери прославленного князя-воина Святослава, свято для Русской Православной Церкви. Святая равноапостольная великая Российская княгиня Ольга – символ женской святости и символ женщины-правительницы, стоявшей у истоков зарождения великого государства Российского. Сегодня, в нелегкое для нашей страны время, обращение к подобным личностям российской истории и истории Русской Православной Церкви необходимо для воспитания духа истинной любви к своему Отечеству, для понимания сути женской святости, подвижничества и милосердия.

Всякое имя собственное – свернутый национально-культурный код, и связано с историей великой России. До крещения Руси у древних русичей были языческие имена, похожие, скорее, на современные прозвища: Бел, Буян, Ждан, Истома, Первуша, Третьяк; Голуба, Малуша, Несмеяна. После

принятия Русью христианства появился христианский православный канонический именной, в котором представлены разные по происхождению имена: древнееврейские – Иван (Иоанн), Михаил, Яков; Анна, Мария, Сусанна и др.; древнегреческие Александр, Андрей, Петр, Савелий; Анастасия, Елена, Зоя, Феокла и др.; древнелатинские – Валерий, Валентин, Павел, Роман; Клара, Марина, Наталия и др.); древневосточные – Дарий (Дарья), Тамара [5].

Имя *Ольга* – другое, редкое по происхождению. Оно не было представлено в первых святцах – православном именовании, так как было варяжским, а именно древнескандинавским. Его первичное звучание – *Хельга* (Helga), что значило «святая». На русской почве произошли фонетические изменения, связанные с адаптацией имени к русской языковой системе: исчез придыхательный начальный звук «х»; ставшее начальным *Е*, в соответствии с русской системой, перешло в *О*; полумягкий/полутвердый *Л* смягчился, что проявилось во введении *Ь*. Так возникло имя великой княгини – Ольга; следует упомянуть, что первые варяжские имена получали только князья: Ольга, Олег (Helgi), Игорь (Ingvarr), Глеб (Gudleifr, древнемецкое Gutleib) [6, с. 118, 169, 170].

Как же княжеское варяжское имя попало в православный календарь?

Равноапостольная великая княгиня Ольга приняла крещение, по разным данным, в 955–957 гг., за 30 лет до принятия Русью христианства [7]. При таинстве крещения ей, естественно, дали новое, крестильное имя – Елена – в честь равноапостольной императрицы Елены, матери равноапостольного императора Константина, с чьими именами связано становление христианства. Таким образом, великая княгиня стала зваться Еленой, что в переводе с греческого значит «светлая, сияющая». Но свое старое имя княгиня не забыла, так как не забыло его ее окружение, ведь это имя было дано ей при рождении. При канонизации великой княгини Церковь внесла в святцы ее прежнее имя: день 24 июля обозначен в святцах как «равноапостольной Ольги, великой княгини Российской, во святом крещении Елены», т.е. Елена – «во святом крещении», Ольга – в истории. Так древнескандинавское имя попало в православный календарь [8].

В православных святцах день 24 июля был единственным для имени Ольга до 2000 г. Только великая русская княгиня, равноапостольная святая, являлась небесной покровительницей всех крещенных с именем Ольга. В 2000 г. были прославлены пострадавшие за веру в XX в., составившие Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской; среди них пять жен с именем Ольга, включая страстотерпицу царевну Ольгу Николаевну Романову [9, с. 58].

Несмотря на то, что в святцах долгое время было имя всего лишь одной святой Ольги, оно стало распространенным в различных регионах России. Популярности имени *Ольга* способствуют разные факторы: оно имеет много производных форм, легко произносится и сочетается с отчествами и фамилиями. Так, например, на Смоленщине мы проследили средний коэффициент одноименности с учетом десятилетних срезов проверки. В 1908 г. имя *Ольга* находилось на 9 месте по популярности, в 1918 г. – на 16, в 1928 г. – на 18, в 1938 г. – на 22, в 1948 г. – на 16, в 1958 г. – на 7, в 1968 г. – на 6, в 1978 г. – на 3, в 1988 г. – на 2, в 1998 г. – на 16, в 2008 г. – на 21 [10, с. 146, 149, 154 и др.].

По приведенным данным видно, в какие годы это имя было очень популярным: это, в основном, 50–80-е гг. XX в. С началом перестройки, с возобновлением в обществе традиции крещения, многие родители стали давать имена детям в соответствии со святцами, и имя Ольга перестало быть распространенным.

И тем не менее имя святой равноапостольной великой княгини Российской Ольги по-прежнему является одним из важных историко-культурных знаков в русском именнике.

Обратимся к художественному тексту. Вся лингвокультурологическая информация имени собственного, отобранного и используемого писателем, представляет собой своеобразный код, который читатель должен «расшифровать». Расшифровка осуществляется с учетом следующей цепочки: писатель – осмысление информации, связанной с личностью автора текста; имя – рассмотрение информативного поля имени собственного, выбранного мастером слова или созданного им в соответствии с его художественными вкусами и пристрастиями; текст – введение имени в канву текста с определенными целями и задачами; читатель – раскодирование и осмысление информативного поля ИС в соответствии с уровнем подготовки к восприятию этой информации читателем.

Таким образом, в тексте играет роль и лингвистическая, и историко-культурологическая информация, которая может актуализироваться полностью или фрагментарно в зависимости от ситуации употребления имени.

В своей докторской диссертации С.А. Скуридина обратилась к понятию «ономастический код», применив его к имени собственному в художественном тексте [11]. Мы хотим еще раз обратиться к этой проблеме. Так, по нашему мнению, ономастический код – это совокупность языковых (лексических) и внеязыковых (энциклопедических) сведений, содержащихся в информативном поле любого имени собственного. Каждый говорящий, (в том числе и автор произведения), употребляя ИС, вкладывает в его план содержания определенную информацию, то есть кодирует ее. Ситуативно и в соответствии с уровнем своих знаний читатель раскодирует эту информацию и получает представление об информативной сущности употребленного ИС. Безусловно, имеет место национально – специфическая характеристика этой информации, поэтому ИС имеют свою ментальность и национально-культурную специфику. Информация кодируется у имени собственного любого разряда (антропонима, топонима, мифонима и пр.).

Особо отметим коннотативную составляющую ИС в художественном тексте, так как оценочный компонент носит практически обязательный характер для номинации героев, мест действия, реалий и пр. [12]. Пустых имен в текстах очень мало.

Однако в художественном тексте может актуализироваться авторская оценка ИС, его видение имени в канве повествования. С именем связано восприятие его социумом: ведь хорошо известно, что личное имя – это социальный знак. Автор, выбирая имя героя или героини, обязательно учитывает и социальный фактор.

Вводя имя в свое произведение, писатель получает возможность не только обыгрывать его этимологию или его ономастический потенциал, но и использовать дополнительные собственные коннотации, вложить в прочтение этого имени собственный замысел. Художник типизирует жизнь, а следовательно, и имена. Как пишет В.Н. Михайлов, «потенциальные возможности экспрессии, заложенные в собственных именах, как многогранной и оригинальной лексико-грамматической категории, бытующей в общенародном словоупотреблении, активизируются писателями, имена приобретают или усваивают черты авторской образности» [13, с. 34].

Для иллюстрации употребления имени Ольга в художественном тексте мы взяли два примера: один из рассказов В.М. Шукшина «Бессовестные», второй из классического рассказа А.П. Чехова «Душенька».

Во всем сборнике «Брат мой», в который вошли основные произведения Шукшина, лишь в одном рассказе главную героиню зовут Ольга. Это свидетельствует о том, что имя не относилось к числу любимых автором и одновременно говорит о том, что выбор в данном случае индивидуален и осознан.

Так, Ольгой зовут главную героиню рассказа «Бессовестные» – Ольга Сергеевна Малышева.

Среди сельских жителей она сразу же выделяется автором: Ольга – секретарь в сельсовете, что в советские годы была весьма значимая должность; героиня – активная, немного надменная, ощущающая свое превосходство женщина, хотя и на пенсии, но имеющая большое влияние на односельчан. Старик Глухов, главный герой рассказа, когда-то в революционные годы очень любил ее, но *«объявился на селе некий молодец-комиссар, быстро окрутил сознательную Ольгу, куда-то увез. Увезти увез, а сам где-то сгинул. Наверно, погиб в бою. А Ольга Сергеевна вернулась домой и с тех пор жила одна»* [14; с. 91]. Автор подчеркивает красоту и надменность героини, которая чувствует свою необычность. Она верна своей революционной любви всю жизнь. Это своего рода обратная сторона православной духовности Ольги, но это та же вера, однако в иной, советской действительности.

Необычность Ольги Сергеевны, ее непримиримость хорошо проявляется в ее же словах: *«...один человек – горит, а другой – тлеет»* [14; с. 93].

Неукротимость природы Ольги Сергеевны, ее неприятие иных мнений, простых человеческих чувств действительно чем-то напоминают княгиню Ольгу. Жертвенность во имя идеи – это реально для Ольги Сергеевны Малышевой.

И вместе с тем автор показывает и чувство порядочности у Ольги. Она никому не сказала о сватовстве Глухова к старушке Отавиной, не стала смеяться, хотя и разрушила отношения пожилых одиноких людей.

Интересно, что Шукшин никогда не использует производные уменьшительные формы имен, даже когда говорит о молодой красавице. Да и только имя *Ольга* использовано всего лишь однажды. Она так и остается для читателя Ольга Сергеевна. Сильная незаурядная, верная, но жестокая женщина.

По-иному воспринимается чеховская «Душечка», Ольга Семеновна Племянникова, дочь коллежского асессора. Это была *«тихая, добродушная, жалостливая барышня с кротким, мягким взглядом, очень здоровая»* [15; с. 103]. Она обязательно должна была кого-либо любить, погружаясь в свой предмет без оглядки. У нее была на лице добрая наивная улыбка, она всегда внимательно слушала приятного ей человека, окунаясь в его проблемы, сочувствуя, сопереживая. Ее имя употребляется в основном в форме *Оленька*, уменьшительно-ласкательный суффикс *-еньк* - подчеркивает ее тихий свет натуры, ее доброту и кротость. Оленька-Душечка – так воспринимали ее друзья и близкие. И каждый раз, при очередном замужестве, Оленька полностью меняла свои взгляды на жизнь в соответствии с жизненной ориентацией сначала антрепренера и содержателя увеселительного сада «Тиволи» Кукина (Ваничка), потом управляющего лесным складом Пустовалова (Васичка), затем ветеринарного полкового врача Смирнина (Володичка).

После отъезда в Сибирь ветеринара Оленька осталась одна – и сразу похудела, подурнела. Но самое главное – у нее не было уже никаких мнений ни о чем. Ее свет оказался никем не востребованным. Ей обязательно была нужна такая любовь, которая *«захватила бы все ее существо, всю душу, разум, дала бы ей мысли, направление жизни, согрела бы ее стареющую кровь»* [15; с.110]. И бог послал ей Сашеньку, сына вернувшегося ветеринара, которого героиня поселила в своем доме. Мальчик стал светочем ее жизни, она снова могла жить и дышать, источая свой свет души.

Любовь Оленьки слепа и бескорыстна, но она духовна и светла. Чеховская «Душечка», безусловно, двойственна: по-мещански проста – но полна любви и веры. С одной стороны, редкая способность любить, с другой – невежество и полное отсутствие своих мыслей. Но, как видно из текста рассказа, первое преобладает. И образ Оленьки-Душечки приобретает светлый наивный и милый характер. Эти качества героини и подчеркивает форма имени *Оленька*, которая употребляется во всех контекстах 28 раз. Лишь трижды в начале текста при представлении героини Чехов именуется ее Ольга Семеновна и один раз упоминает фамилию отца. Формы самоназвания – «мы с Ваничкой», «мы с Васичкой» подчеркивают доброту и заботу Оленьки, которая не мыслит себя в единственном числе. Простонародное произношение делает героиню близкой и понятной окружающим. Она всей душой привязывается к любимым людям – и у нее в ответ нет недоброжелателей и завистников. Она не Ольга, а Оленька.

Итак, рассмотрев вопрос об ономастическом коде ИС и проанализировав в сравнительно-сопоставительном плане имя Ольга в разных контекстах, мы можем сделать следующие выводы.

Наиболее ярко ономастический код представлен для антропонимов – именованного человека и места. Еще раз подчеркнем, что ИС – это единица с двойственной природой: она принадлежит лексической системе языка, изменяется по его законам; с другой стороны, ИС входит в систему предметного, то есть энциклопедического знания, является носителем обширной и многоплановой культурно-исторической информации, закодированной в нем. Естественно, эту информацию необходимо декодировать при использовании ИС в речи, что и происходит ситуативно, в зависимости от энциклопедических знаний адресанта и адресата. Если они приблизительно одинаковы, то имеет место практически полное понимание и восприятие информации. Если адресат не владеет энциклопедической информацией в должном объеме, то употребление ИС для него в той или иной ситуации будет непонятно и не воспринято, то есть не декодировано. Если же адресант, используя ИС, не владеет должными знаниями о нем, то он, скорее всего, употребит его неверно, возможно, даже с ложной информацией.

Особое пространство художественного текста – это лишь своеобразная проекция реальной действительности. Оно конструируется по своим, особым законам, это отражение объективной реальности в авторском воплощении. В ХТ существуют вымышленные герои и объекты, созданные автором в его творческой лаборатории. И если и есть реальные онимы, то они вводятся автором в текст с определенными художественными целями.

Библиографический список

1. Белорусская ономастика: топонимия / под общ. ред. А.М. Мезенко. Минск: Элайда, 2012. 260с.
2. Михайлов В.Н. О функциональной специфике собственных имен в художественном тексте // Антология поэтономологической мысли. Т.1. Донецк: Юго-Восток, 2008. С.93 – 95.

3. Болотов В.И. Лингвистический статус имени собственного и его функционирование в тексте // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. 15: Ономастика. Кн.1, ч.1: Имя и культура. М., 1993. С. 37 – 46.
4. Королева И.А. Информативное поле имен собственных // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия Филология, педагогика, психология. 2016. №4. С.16 – 21.
5. Успенский Л.В. Ты и твоё имя. Рассказы об именах. М.: Армада-Пресс, 2002. 316с.
6. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. 1-е изд. М.: Советская Энциклопедия, 1966. 366с.
7. Большой энциклопедический словарь – Электронный ресурс <https://www.vedu.ru/bigencdic/44338/> Дата обращения: 20 марта 2021 года
8. Православный календарь издательства Московской Патриархии Русской Православной Церкви за любой год. 11/24 июля.
9. Федюкина Е.В. От реки Великой – душа великая // Вторые Ольгинские Чтения. Духовное осмысление жизни и деяний святой равноапостольной великой княгини Ольги. М., 2010. С. 43–81.
10. Королева И.А., Данилова И.В., Соловьев А.Н. Имена на Смоленщине: история и современность. Смоленск: СГПУ, 2005. 195с.
11. Скуридина С.А. Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского: дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2020. 391с.
12. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. М.: ООО «А – Темп», 2006. 344с.
13. Михайлов В.Н. Экспрессивные свойства и функции собственных имен в русской литературе // Антология поэтономологической мысли. Т.1. Донецк: Юго-Восток, 2008. С.32 – 48.
14. Шукшин В.М. Бессовестные // Шукшин В.М. Брат мой. Рассказы, повести. М.: Современник, 1975. С. 89 – 99.
15. Чехов А.П. Душенька // Чехов А.П. ПСС в 30-ти томах. Т. X. М.: Наука, 1986. С.102 – 113.

References

1. Belarusian onomastics: toponymy / under total. ed. A.M. Mezenko. Minsk: Elayda, 2012.260 p.
2. Mikhailov V.N. On the functional specifics of proper names in literary text // Anthology of Poetonymological Thought. Vol. 1. Donetsk: Yugo-Vostok, 2008.S. 93 - 95.
3. Bolotov V.I. The linguistic status of a proper name and its functioning in the text // Materials for the series "Peoples and Cultures". Issue 15: Onomastics. Book 1, part 1: Name and culture. M., 1993.S. 37 - 46.
4. Koroleva I.A. Informative field of proper names // Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Series Philology, Pedagogy, Psychology. 2016. No. 4. P.16 - 21.
5. Uspensky L.V. You and your name. Stories about names. M. : Armada-Press, 2002.316с.
6. Petrovsky N.A. Dictionary of Russian personal names. 1st ed. M. : Soviet Encyclopedia, 1966.366с.
7. Big Encyclopedic Dictionary - Electronic resource <https://www.vedu.ru/bigencdic/44338/> Date of access: March 20, 2021
8. Orthodox calendar of the publishing house of the Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church for any year. July 11/24.
9. Fedyukina E.V. From the Great River - a great soul // Second Olga's Readings. Spiritual comprehension of the life and deeds of the Holy Equal-to-the-Apostles Grand Duchess Olga. M., 2010.S. 43–81.
10. Koroleva I.A., Danilova I.V., Soloviev A.N. Names in the Smolensk region: history and modernity. Smolensk: SGPU, 2005.195s.
11. Skuridina S.A. The onomastic code of literary texts by F.M. Dostoevsky: dis. ... Dr. Filol. sciences. Voronezh, 2020.391 p.
12. Otin E.S. Dictionary of connotative proper names. M. : ООО "А - Temp", 2006. 344s.
13. Mikhailov V.N. Expressive properties and functions of proper names in Russian literature // Anthology of Poetonymological Thought. Vol. 1. Donetsk: South-East, 2008.S. 32 - 48.
14. Shukshin V.M. Shameless // Shukshin V.M. My brother. Stories, novellas. M.: Sovremennik, 1975. pp. 89-99.
15. Chekhov A.P. Dushechka // Chekhov A.P. PSS in 30 volumes. T. H. M.: Nauka, 1986. pp.102-- 113.

УДК 82.09

10.36622/AQMPJ.2021.75.22.012

Алтайский государственный педагогический университет

кандидат филологических наук,

доцент кафедры литературы

Абузова Н.Ю.

Россия, г. Барнаул, тел. +7 961-237-89-59,

e-mail nataliya_abuzova@mail.ru

Altai State Pedagogical University

The chair of Literature,

PhD in Philology,

associate professor

Abuzova N.Yu.

Russia, Barnaul, +7 961-237-89-59,

e-mail nataliya_abuzova@mail.ru

Н.Ю. Абузова

СЕМИОТИКА «ДАЧНОГО ТЕКСТА» В ПОВЕСТИ А.П. ГАЙДАРА «ТИМУР И ЕГО КОМАНДА» (1940)

Поставленная в статье проблема продиктована неизученностью семиотики «дачного» пространства в повести А.П. Гайдара «Тимур и его команда». Несмотря на неиссякаемый интерес к биобиблиографии писателя, вылившийся в «гайдароведение», в настоящее время существует небольшой объем научной литературы о творчестве этого писателя: насчитывается чуть более 150 работ, среди которых большая часть – диссертационные исследования и статьи, посвященные узким аспектам творчества писателя, чаще – лингвистическим. В этом контексте встает вопрос о связи гайдаровского творчества с литературной традицией XIX – XX вв. В статье рассматривается повесть А.П. Гайдара с точки зрения оформления в анализируемом произведении «дачного» хронотопа. Статья посвящена новому прочтению старого образа «усадыбы» в ее трансформированном виде – «даче» с точки зрения семиотики и мифопоэтики. Основное внимание уделено семиотике «дачного текста», выявлению особенностей «дачной» топики в произведении А.П. Гайдара. Рассматривается пространственно-временная организация «дачных» топоса и локуса в произведении. В статье дано аналитическое описание наиболее значимых художественных элементов «усадебно-дачного» хронотопа, модифицированных в литературе общественно-культурной эпохой первой трети XX века: пространства, времени, дома, сада, звуковой сфере, представленной музыкой. В связи с изучаемыми элементами «дачного» пространства рассмотрены образы героев повести, предстающие в качестве «героев своего времени», людей новой культуры, которых формирует предвоенная эпоха 1930-1940-х гг. Автор предлагает свое прочтение культурно-литературных доминант «дачного текста», проводя параллели с традиционной в русской литературе XIX – XX вв. «усадебно-дачной» сюжетной схемой и специфическим хронотопом.

Ключевые слова: дачный текст, дачное пространство, семиотика, «усадебно-дачная» топка, архетипический мотив, топос, локус.

N.Yu. Abuzova

SEMIOTICS OF «COUNTRY TEXT» IN THE STORY OF A.P. GAIDAR «TIMUR AND HIS TEAM» (1940)

The problem posed in the article is dictated by the unexpectedly semiotics of the "country" space in the story of A.P. Gaidar "Timur and his team". Despite the inexhaustible interest in the bio-bibliography of the writer, which took place in "Gaidarovology", currently there is a small amount of scientific literature on the work of this writer: there is a little more than 150 works, among which the most dissertation research and articles dedicated to the narrow aspects of the writer's creativity. In this context, the question arises of the connection of Gaidar creativity with the literary tradition of the XIX - XX centuries. The article discusses the story A.P. Gaidar from the point of view of registration in the analyzed work of the "country" chronotope. The article is devoted to the new reading of the old estate "estate" in its transformed form - "dacha" from the point of view of semiotics and mythopoetics. The spatial-temporal organization of "country" topos and locus in the work is considered. The article presents an analytical description of the most significant art elements of the "manor-country" time-space, modified in the literature by the socio-cultural era of the first third of the twentieth century: space, time, house, garden, sound sphere, represented by music. In connection with the studied elements of the "country" space, images of the heroes of the story, which appear as "heroes of their time", people of the

new culture, which forms the prevailing era of 1930-1940. The author offers its reading of cultural and literary dominants "country text", conducting parallels with the traditional in the Russian literature of the XIX-XX century "manor-cottage" plot pattern and a specific time-space.

Keywords: country text, country space, semiotics, "manor-country" topic, archetypal motif, topos, locus.

Дача в русской культуре – явление, возникшее в русском быте в начале XVIII века и позднее перекочевавшее в литературу в связи с культурно-литературным феноменом «усадьбы», испытывавшем несколько «волн» интереса к себе. «Дачный» локус возможно рассматривать как позднюю модификацию локуса «усадьба», а «дачный текст» – как деформированный «усадебный текст» [1]. В силу устойчивости и повторяемости «усадебно-дачной» темы возможно говорить об «усадебно-дачном» хронотопе как архетипическом, который поддается выявлению в современных художественных текстах.

С культурологической точки зрения, между «усадьбой» и «дачей» существуют известные различия. Самое существенное из них в том, что усадьба в отличие от дачи выступает в роли аккумулятора родовой памяти, «время в усадьбе определяется продолжительностью человеческой жизни, ее история – жизнью нескольких поколений рода. Смена владельцев определяла ритм и рубежи ее истории, привнося в ощущение времени <...>: в усадьбе, рядом с вечной природой, особенно остро воспринималась быстротечность человеческой жизни» [2]. И при этом и усадьба, и дача – родственные специфические феномены русской картины мира [3]. Пространственные топосы «усадьбы» и «дачи» совпадают: проживание вне города, в сельской местности, в «собственном» доме с садом. Временная граница пребывания на даче обозначена летним периодом и определена концепцией рая, которая проявляется «в гармоническом сосуществовании деревьев, цветов, животных, человека...» [4]. С точки зрения литературной традиции, летнее время в произведении связано с красотой природного мира, его совершенства. Таким образом, хронотопы усадьбы и дачи, несмотря на некоторую их разность, но и родство, представляют интерес с позиций своей семиотики.

«Усадебно-дачная» топика в повести А.П. Гайдара «Тимур и его команда», где автор интуитивно реконструирует «дачный текст», прежде всего, закреплена отсылкой ко времени действия (оно маркировано «серединой лета»), ситуацией «отдых в сельской местности». Пространство «дачи» в повести внешне организовано и наполнено традиционными для «усадебно-дачного» локуса элементами: по-домашнему уютное, с букетами цветов, играми, песнями, спектаклями, сумерками, прогулками, угощением парным молоком – «веселая свобода» – и реализует пушкинскую «усадебную» формулу «Цветы, любовь, деревня, праздность...» [5]. В повести «учтен» и тот факт, что дача – место досуга, творческого труда.

Сообразно моменту эпохи, изображаемой в повести, относительно времени возникает дополнительный смысл: хрономим обозначает ощущение стабильности, прочности основ мира. В то же время, *серединой* лета в произведении – своеобразная «точка бифуркации», демонстрирующая переход от мирной жизни к военной, переводящая акцент на онтологическую сущность «дачного» модуса.

В повести Гайдара «дачный текст» определяется вполне устойчивым составом сюжетных ситуаций, связанных с «усадебно-дачным» хронотопом: ритуал переезда героев на дачу, завязка и развитие любовных отношений, соперничество героев, реализация героев в творчестве.

И «усадьба», и «дача» – вариант бытия, который основан на частной жизни. Характерное для усадьбы-дачи биографическое время в повести Гайдара помещено в контекст исторического, подверженного вольной или невольной рефлексии героями произведения. Отсюда – особенная типология героев. Герои-дети уравниваются с героями-взрослыми, которых иногда оттесняют на второй план. Так, намечившиеся романтические отношения Ольги и Георгия становятся фоновыми, хотя и оформляются ландшафтно как «усадебно-дачные» (прогулки по поселку в сумерках, в уединенных аллеях); на первом же месте – «подменные» относительно сюжетной ситуации «усадебно-дачного» текста завязывающиеся дружеские отношения Жени и Тимура. Следует отметить, что в повести любовно-дружеские отношения (Ольга – Георгий, Женья – Тимур), в отличие от неизбежного их разрыва в «усадебном тексте», не заканчиваются драматически – напротив, автором недвусмысленно намечено их возможное последующее продолжение.

Как правило, дачное пространство строится по формуле идиллического хронотопа, достаточно проработанного всей мировой литературой, начиная с Феокрита. В такой разновидности пространственно-временных отношений главную роль выполняет мотив противопоставления города деревне. Однако у Гайдара этот мотив уходит на второй план (хотя и легко просматривается), а в основание

хронотопа «дачи» в гайдаровской повести, сообразно историческому времени, в качестве основополагающей выносятся идея порядка. Новый порядок предвоенной эпохи «прорастает» в традиционную, устоявшуюся модель топоса «дачи», проявляясь через динамику смены и преемственности поколений: на смену старшим («военным») героям приходят молодые, но уже закаленные в борьбе за сохранение социальной гармонии. Семантика порядка у Гайдара – гармония самой жизни, выражающаяся через отношения между героями, их быт. При решении вопроса о порядке взрослые герои (Ольга, Георгий, молочница, полковник Александров, «пожилой джентльмен, доктор» Ф.Г. Колокольчиков, др.) отступают на второй план – их решение вопроса «бытовое». Онтологический вывод исходит из сюжетной ситуации борьбы двух групп детей: команды Тимура Гараева («комиссар», который сам является воплощением порядка, чей коррелят – красная звезда) и шайки Мишки Квакина – «атамана», нарушителя «правильного» течения жизни, представителя другой формы жизнеустройства – «бродяг» [6], «разбойников и шпионов» и «арестантов», которые «обирают сады мирных жителей» [6]. При этом, на наш взгляд, было бы неверно проводить четкий водораздел между двумя общностями детей: будучи нарушителем порядка, Квакин отчаянно завидует Тимуру: признает его гордость, уважает за то, что тот не плачет («хочет плакать, а молчит», 104), не единожды бьет своего «заместителя» Фигуру, в котором Квакин интуитивно распознает «чужого». Кроме того, «предводители» условно уравниваются формами имен: «Мишка», «Тимка». И тут же герои разведены по разные стороны баррикад: с точки зрения ономастики, некоторые из значений фамилии *Гараев* (от персидского *гарай*) – «стремление, достоинство», «сильный, могущественный». Фамилия *Квакин* образована из детского прозвища или связана со сказаниями; семантика фамилии варьируется. В выборе фамилий чувствуется авторское отношение: Гайдар тщательно подбирает возвышенную фамилию для центрального героя и простонародную, не звучную (если учитывать прозвище *квака* – плакса или *квака* – лягушка) для его идейного оппонента.

Противостоящий порядку с его незыблемыми ценностями, простотой и естественностью отношений беспорядок (вплоть до кривого луча звезды) символизирует разрушение гармонии, ущербность таких отношений, внутренней недостаточности отдельных героев, что находит выражение, прежде всего, в оппозиции прозвищ героев: «комиссар – атаман» [6] и соответственно обозначенными социальными функциями «защитник – нарушитель».

С точки зрения идеи порядка, основными смысловыми «узлами» становится ряд эпизодов, построенных по принципу «нарушитель порядка – восстановитель»: Женя наводит порядок в московской квартире перед отъездом на дачу; Ольга, приехав на дачу, первым делом нанимает соседку для наведения порядка в доме; Женя нарушает порядок в дачном доме Гараевых, где охранником порядка является собака Рита (отметим, что собаки – один из атрибутов усадьбы. В повести Гайдара собака не охотничья, что ожидается по требованию «усадебного текста», а служебная, «военной» породы. Она сторож. На фоне архетипического «усадебного» сюжета, с позиций мифопоэтики, возможно определение данного образа как мифологемы: Кербер – сторож, который впускает, но не выпускает); Тимур восстанавливает порядок на даче, помогает Жене; Ольга стремится подчинить Женю собственному порядку (аргумент: «Я старше»); тимуровцы ловят квакинцев, защищая сады дачников, др. Постоянная борьба деятельных тимуровцев и праздных разбойников квакинцев – главный организующий микросюжет повести.

Кроме того, порядок/беспорядок в повести тесно связаны с понятием праздности, лени, сна, скуки, хандры – традиционных составляющих «усадебного» топоса. Они заменены кипучей деятельностью команды Тимура, заполнены досугом отдыхающих (игра в волейбол до темноты, любительский театр, самодеятельный концерт). Ночью и ранним утром происходят важные тимуровские дела (помощь по хозяйству, бой против квакинцев, помощь Тимура Жене). При этом Коля Колокольчиков – носитель «катавистического» элемента старинной усадебной жизни – он любит поспать (не раз друзья укоряют его за то, что проспит). Колина слабость создает ситуацию путаницы (на месте Коли оказался его дедушка, «седой джентльмен»), которая завершается предупредительным выстрелом из ружья («...седой джентльмен ... поспешно надел очки и, выставив ружье дулом к небу, зажмурил глаза и выстрелил» [6]). Женя крепко засыпает на даче Гараевых, что добавляет интриги в дачную жизнь (записка, таинственный «царь» Тимур).

Таким образом, идея порядка организует сюжет повести в целом.

Для Гайдара идея порядка в дачном пространстве однозначна и представлена в четких оппозициях, связанных между собой: польза – вред, форма – бесформенность. Так, деятельность тимуровцев

отличается организованностью: штаб, система связи, уважение друг к другу, к жителям поселка. Причем организованность тимуровской команды афишируется писателем. Квакинцы же – стихийное начало, бедствие для местных садов («райских»). Если тимуровцы превратили в игру помощь нуждающимся в ней («Вот и всё, что мы делаем, как играем...» [6]), то квакинцы играют в карты, проводя время бессмысленно, в бездействии.

В повести попутным (но не характерным для «дачного» сюжета) является авантюрно-фантастический мотив чертовщины и разбойников, который прочитывается неоднозначно: здесь заметен библейский и фольклорный слой. Так, молочница, со слов «людей», рассказывает историю про «двух человек...: сидят на трубе, проклятые, и ногами болтают» – мистификация, псевдочертовщина (тимуровцев старуха принимает за «лихих людей») [6]. Квакин «пальцем на чертей тычет», «воспитывая» Фигуру, обобравшего сад недавно погибшего офицера: «... ты мне хоть и друг, Фигура, но никак на человека не похож ты, а скорей вот на этого толстого и поганого черта» [6]. Латентно упомянут мотив разгула нечистой силы, против которой выставлен знак-оберег: «И Тимур показал на звезду, вышитую на своей синей безрукавке.

– Ну, видел, – насторожился Квакин. – Я, брат, и днем, и ночью всё вижу.

– Так вот: если ты днем или ночью еще раз такой знак где-либо увидишь, ты беги прочь от этого места, будто бы тебя кипятком ошпарили» [6]. При этом следует отметить, что упоминаемый в тексте знак «красная звезда с черной каймой» несет иную семантику – суггестирует «усадебную» тему смерти. Если в классической традиции описания усадебной жизни эта тема реализуется через природные явления, наличие руин, родовых могил, гробниц, обелисков, то у Гайдара знак траурной звезды – коррелирует надгробного памятника.

В ироническом изображении руин часовни с атрибуцией рая (с «суровыми волосатыми старцами и чисто выбритыми ангелами» [6]) и ада («картина Страшного суда с котлами, смолой и юркими чертями» [6]) квакинцы занимают место, ближе к изображению Страшного суда. В сцене вручения ультиматума квакинцам звук горна (армейского/пионерского инструмента) – это звук сигнальной трубы, предупреждающей о конце света, т.е. семантически обосновывает грядущий конец разорительной «деятельности» шайки.

Ситуация разговора Квакина и Фигуры в часовне возле картины, «где проворные мускулистые черти ловко волокли в пекло воюющих и упирающихся грешников» [6] – дублирование эпизода поимки шайки Квакина в саду и «заточение» их в пустой будке на базарной площади. При поимке квакинцы, обращаясь к тимуровцам, причитают: «Пустите, черти!» [6], дело черта – наказать грешника.

Руины старой часовни также несут в повести особую семантическую нагрузку. В топосе «усадебная – дача» «руины» как часть усадебного парка значимы, их семантика связана с разрушением, символикой старой жизни, ушедшей в прошлое, отсылающие к организующему усадебному мотиву «утраченного рая». При этом не берем во внимание мифологическую символику руин: быстротечного времени, всепоглощающего Кроноса. В тексте повести «руины» (равно «пустыня») традиционно противостоят пространству сада.

У Гайдара «руины» – место обитания разорителей садов. Развалины часовни показаны писателем единожды (СР: основное действие происходит в садах), что вновь определяет этот топос как исчезающий вместе со своими обитателями, не соответствующими требованиям нового времени.

Таким образом, выявляется оппозиция «свой – чужие», которая изначально намечена в эпизодах: «Женя в доме Гараевых» и «Знакомство Жени с тимуровцами на чердаке сарая», «Тимуровцы и квакинцы» (несколько эпизодов). Данная оппозиция латентно вводит в повествование мотив границы.

Главной характеристикой «дачного» пространства повести является замкнутость, однако границы «дачного» хронотопа диффузны, что напрямую связано с идеей порядка. Проходимость границ достигается с помощью мобильных средств. Так, дачный поселок расположен недалеко от города и соединен с ним железной дорогой. Ольга едет на дачу с вещами на грузовике, Женя добирается из города в дачный поселок на электричке, Тимур и Женя едут в Москву на встречу с отцом на мотоцикле. Следует отметить, что грузовик, электричка, мотоцикл – транспортные средства, традиционно связанные с поездкой на недалекие расстояния («У тридцатого километра их нагнала походная красноармейская мотоколонна. <...> Грузовик свернул в дачный поселок и остановился перед небольшой, открытой плющом дачей» [6]).

Формируя новый «дачный» хронотоп с диффузными границами, Гайдар в повести отчасти реализует «детскую идиллию» – традицию, берущую начало в творчестве Г.Р. Державина: суть ее – в «достижении гармонии через уход из большого мира в малый локус, маркированный уютом и покоем» [7]. Однако предполагаемая статика пространства и времени в повести постоянно взрывается, нарушая традицию изображения усадебно-дачной жизни. Происходят «военные действия» в прямом и переносном смысле слова: замкнутое пространство дач регулярно нарушается девчонкой с козой; идет «война» между тимуровцами и квакинцами; Женя нарушает покой дома Гараевых выстрелом, которым разбивает зеркало; Георгий Гараев переодевается в военную форму и идет в армию.

Модель дачного пространства с его границами символично представлена в разговоре Ольги и Георгия: «←...Вы же для чего-то перелезли через забор.

– Я?... Через забор?... <...> Там, в углу забора, выломаны доски, и я с улицы проник через это отверстие» [6].

Дачное пространство в разной мере освоено героями: командой Тимура, шайкой Мишки Квакина – широко; Ольга и Георгий предпочитают более локальные пространственные варианты: двор перед Ольгиной дачей, сцена клуба, вокзал.

Возникает иной модус, когда дачное пространство нарушено бронепоездом, идущим на восток («фронт»), туда же отправляется военный эшелон, вслед за которым на поезде уезжает Георгий. Бронепоезд, поезд, эшелон связывают конкретное место (у Гайдара – это Москва) с огромным пространством, финишная граница которого – фронт. В повести очерчен общий хронотоп, где «дача» – малая часть большого целого. Таким образом, латентно обозначена мифологема «острова» (в случае с Гайдаром – СССР), окруженного со всех сторон враждебными государствами, и реализующая в повести мотив тревоги и грядущей войны.

По традиции, в топос «дачи» включены особые, сакрализованные, реалии: пространство дома, сада, аллеи, водного пространства (например, пруда, реки). В повести Гайдара это традиционные зоны подобного пространства – дом, сад железнодородный вокзал, почта, парк, река с «ясной голубой водой» [6], недалеко расположенная деревня. Вокзал и почта – «новостные» локусы, здесь сосредоточена связь с широким внешним миром.

Ядерные «усадебно-дачные» топосы – дом и сад.

Функция дома в повести Гайдара существенно редуцирована, что выражается в отсутствии целостного описания дач, их внутреннего пространства. Исключение составляет серая с крыльцом дача Гараевых, как бы отрезанная от мира. Важно, что дом у Гайдара всё же остается образом защищаемого порядка. Вещный мир дачи, данный глазами Жени, определяет время действия повести как тревожное [8]. Женя заглянула «в соседнюю комнату. Здесь стоял письменный стол, на нем чернильный прибор, пепельница, небольшое зеркало. Справа, возле кожаных автомобильных краг, лежал старый, ободраный револьвер. Тут же у стола в облупленных и исцарапанных ножках стояла кривая турецкая сабля» [6]. Автор акцентирует внимание на «военных» предметах (причем, видавших виды) – оружии, что интригует и героиню, и читателя. Примечательно, что Женя, рассмотрев предметы, откладывает саблю и берет револьвер. Выстрелом разбито зеркало (символ порядка мира усадьбы); и выстрел же маркирует пространство дачи в восприятии Жени как «странный и опасный дом» [6].

Параллельно с мотивом тревоги Гайдар вводит в повесть устойчивый «дачный» мотив любительского театра. И с этой точки зрения, дача Гараевых обретает статус обычного дома, в котором живет инженер-механик автомобильного завода, участвующий в самодеятельном дачном спектакле («Я сам немного артист», [6]) и «театральных сценах», разыгрывающихся в доме и саду: эпизод с Тимуром («К нему подошел седой лохматый старик. Холщовая рубашка его была бедна. Широкие штаны – в заплатках. К колену его левой ноги ремнями была пристегнута грубая деревяшка», [6]); эпизод с молочницей («... молочница обернулась и увидела выходящего из кустов косматого, одетого в лохмотья хромого старика, который держал в руке кривую обнаженную саблю» [6]: молочница разговаривает со стариком «оробев и попятившись», [6], «опасливо поглядывая», [6], эпизод с «пожилым джентльменом, доктором Ф.Г. Колокольчиковым» (загримированный Георгий глазами «джентльмена» «чудной» и опасный старик, вооруженный саблей и револьвером, [6]). И молочница, и «джентльмен» испуганы видом оружия (молочница: «А саблю лучше брось. Этакой саблей просто человека и до смерти напугать можно», [6]; Ф.Г. Колокольчиков рассказывает о попытке Тимура украсть у него одеяло, «недоуменно косясь на торчавшую в земле саблю» [6]; «волнение овладело почтенным джентльменом» [6], когда он увидел в руках «старика» револьвер [6]). Во всех эпизодах

внимание акцентировано на неслучайном жесте героя – сабля, затем револьвер в руке – и реакции испуга, страха других героев. И только Тимур знает, что «странный старик» – роль, которую репетирует его дядя.

Спектакль, как и ряд других деталей гайдаровского «дачного текста», также реализует мотив тревоги: «Я играю старика инвалида <...> Он бывший партизан, и он немного ... не в себе. Он живет близ границы, и ему все кажется, что враги нас перехитрят и обманут. Он стар, но он осторожен <...>» [6]. В этой краткой аннотации роли ключевые слова «граница» и «осторожен» недвусмысленно подчеркивают заявленный мотив общего состояния ожидания войны. При этом старик «не в себе», «... у врагов ... ружья и сабли ... просто деревянные» [6] – подчеркнута бутафорность оружия, его несерьезность.

Существенной единицей «дачного» топоса, логическим продолжением дома, является сад с его главным признаком – огражденностью, защищенностью [9]. Изначально в литературе сад выступает в ипостасях усадебного и природного топосов, и, соответственно, одновременно представлен и идеальной, и действующей моделью мира. В саду – особой функционирующей системе – все элементы составляют его стилистическую систему. В повести Гайдара она, в свою очередь, осуществляется через соносферу, скрытый/явный ольфакторий растений, ботанику (васильки, смородина, ромашка, полынь, вишни, яблони, капуста, орешник, груша, колокольчики, земляника – «негородские» растения), каталог пространственных объектов (парк, аллея, водное пространство и т.п.), культурные знаки сада, связь человека с природой или отсутствие таковой. При этом значимость топоса в повести пересматривается, и сад перестает быть традиционным местом романтических свиданий – это «место сражений». Изначально пространство сада является сакральным, связанным с духовным бытием человека. Для Гайдара – это территория памяти, преемственности. Топос сражений и возникающий в нем мотив памяти продуцируются изображением красной звезды на заборе сада (эпизод с плачущей девочкой; Женя в беде).

В повести «Тимур и его команда» отдельные разрозненные сады выполняют функцию единого большого сада. У Гайдара сад несет значение основного места действия, где происходит решающее сражение тимуровцев и квакинцев. Заметна отсылка к стихотворению В. Маяковского о городе-саде [10], образ которого у Гайдара разрастается до масштабов «государства-сада». Отсюда логичны действия тимуровцев, а в более широком смысле – стремление военных эшелонов к границам: сохранить их нерушимыми, чтобы не был разрушен миропорядок советского «сада».

В повести проявляется мифопоэтическая семантика топоса сада. Он задается основным теллурическим образом: деревом [9]. Причем это и сакральный образ мирового дерева, и «райское» дерево – яблоня, чьи плоды становятся «яблоками раздора», поводом для противостояния подростков.

В повести положительные герои ощущают и осуществляют свою связь с окружающим миром, естественно существуют в топосе сада, стремящегося к идеалу: так, Ольга поет в саду; сад побуждает Женю к фантазии (замена поэзии, через которую сад раскрывал свои загадки), «джентльмен» Ф.Г. Колокольчиков, занимающийся починкой часов в саду, и его внук Коля носят «ботаническую» фамилию, старший Колокольчиков грозит хулиганам «суковатой палкой» – тростью; гуляющие по поселку Ольга и Георгий обоняют «пахнущую росой и цветами улицу» [6]; тимуровцы защищают пространство сада, отстаивая его цельность. В этом контексте квакинцы олицетворяют грубую внешнюю силу, стремящуюся разрушить цельность сада и, в мифологическом контексте, покушаются на основы мира. Разоряемые ими сады являют распад «усадебно-дачного» идеала.

Так, плодовые сады на дачных участках несут семантику «райского» топоса. Разграбляемые шайкой Квакина, они обретают значение «потерянного рая» и, соответственно, установленного порядка вещей. «Разорители» крадут яблоки, несмотря на то, что те незрелые, кислые – здесь важен сам акт уничтожения садов. Деятельность же организованной команды тимуровцев охранительная. Такая ситуация актуализирует семантику топоса сада, связанную с отрицательными коннотациями, существующими в культуре: несовершенство, «присутствие тайной гибели и запрета <...>, возможность вторжения разрушительной злой воли», итог которого – «потеря земного рая» [11].

По сравнению с топосом «дома», пространство сада более детализировано. Иррегулярный, «запущенный» сад на территории дачи сестер Александровых, внешне ориентированный на сады романтизма (характерная черта романтического сада – наличие храма, беседки, хижины, имеющих специфическое значение), обретает пародийность в изображении: на его территории вместо беседки помещается «неуклюжий двухэтажный сарай» [6, с. 8], «Замшелая крыша сарая была в дырах, и из этих

дыр тянулись поверху и исчезали в листве деревьев какие-то тонкие верёвочные провода» [6], в кустах орешника – паутина. Вопреки романтическому значению, глухое, заросшее место не располагает к полету мысли. Но в повести Гайдара у Жени, попавшей в сарай, разыгрывается воображение, оживляющее сопутствующий «усадебно-дачному» авантюрный сюжет: «Перед ней, как волны моря, колыхалась листва густых садов. В небе играли голуби. И тогда Женя решила: пусть голуби будут чайками, этот старый сарай с его веревками, фонарями и флагами – большим кораблем. Она же сама будет капитаном. <...> Ветер зашумел и погнал зеленые волны. А ей показалось, что это ее корабль-сарай медленно и спокойно по волнам разворачивается» [6]. «Авантюрная» линия повести Гайдара продуцирует развитие сюжета о «благородных разбойниках» (команда Тимура; самого Тимура Ольга сначала считает хулиганом) в сражениях со злом (деятельность шайки Квакина) (Ср.: «Баллады о Робин Гуде», «Роб Рой» В. Скотта, «Одиссея капитана Блада» Р. Сабатини, «Дубровский» А.С. Пушкина, «Вадим» М.Ю. Лермонтова, «Черная стрела» Р. Стивенсона, др.) и отсылает к архетипическому романтическому и неоромантическому сюжету. Таким образом, наблюдается трансформация «усадебно-дачной» топики, помогающая наполнить традиционную форму дополнительным смыслом, порожденным новым временем.

Сад в повести Гайдара несет функцию индикации индивидуальных черт психологического облика героев повести. Любопытная Женя исследует сад, в котором растут «обклеванные воробьями вишни» [6], орешник, здесь «крепко пахло смородиной, ромашкой и полынью» [6]. Возле сарая растут лопухи, крапива; в саду много сухих веток. Образ сада Александровых – коррелят образа Жени, которая изначально наделена упрямым нравом, не особо задумывается над последствиями своих действий. Недаром Ольга определяет Женин характер через флороэлементы: «...все думают – цветок, а не девочка. А пойдика. Ого! Цветок! Тронешь и обожжешься» [6]. После знакомства с Тимуром и ребятами, Женя интуитивно перестраивает свой взгляд на жизнь: «уточняет» его, «наводит резкость», расставляет верные акценты.

Ольга – более традиционная героиня, соответствующая «усадебно-дачному» сюжету. Она минимально взаимодействует с пространством сада. Примечательная черта «усадебно-дачного» текста – занятие интеллектуальным трудом: в доме Ольга читает учебник физики. Героиня готовится к экзаменам и потому стремится к уединению, размеренной жизни на лоне природы.

Дачная праздность активизирует творческие способности героев. В саду Ольга играет на аккордеоне, что также связано с реализацией «дачной» тематики: совершенствование в искусстве. Она певица, музыкант, аккомпаниатор. Георгий – актер самодеятельного театра. Тимур – выдумщик: он каждый раз скрупулезно режиссирует эпизоды помощи людям, поимку квакинцев, которые, следует отметить, тоже проявляют выдумку при грабеже садов.

Примечательна ботаника садов, связанная с их семантикой. Здесь, кроме плодовых деревьев, нет растений для обозначения мечты, грез, слабости, жалобы и т.д. При этом флоропэтика произведения активизирует еще один смысл топоса сада: сад с сорняками (детализация – разные растения) несет символику оккупации «райского» пространства. В роли «сорняков» – квакинцы, стремящиеся извести культурное пространство сада. Картина налетов на сады обретает в повести смысл, диктуемый предвоенным временем. В этом же контексте значим жест Георгия, который в саду при своей даче заgrimированный в бдительного старика (который «третью ночь не спит») саблей косит (уничтожает) сорную траву [6]. В финале повести возникает символический дублет эпизода: Георгия всем поселком провожают на фронт, отстаивать границы «города-сада».

Кроме того, дачное пространство, по традиции, насыщено полифонией звуков, которой противопоставлено тревожное безмолвие. «Далёким гудкам паровозов, лаю собак... ударам волейбольного мяча», «скрипу калитки», «хохоту довольных ребятешек», неоднократно «звону бронзового колокольчика», музыке: «где-то играли на гитаре» [6], звуки аккордеона – которые выражают беззаботность, а иногда тревогу, гармонию с жизнью природы, свойственную дачной жизни, противопоставлено безмолвие: никто не отвечает на стук Жени, «И только здесь, около серой дачи, всё было глухо и тихо» [6]. С утра неподалеку от дачи слышны звуки нового дня, «но здесь, на даче, было по-прежнему тихо» [6]. Исполдволь мирным звукам противостоит звук выстрела из револьвера, что нарушает естественный ход жизни, пугает закрепляя мотив тревоги. В этом смысле звуки самодельного оркестра в эпизоде проводов на фронт Георгия носят сакрально-ритуальный смысл: они призваны разгонять нечистую силу (Ср.: огородные пугала, снабженные звенящими жестянками, разгоняющие птиц – разорителей садов): «Ольга играла на аккордеоне. Потом ударили склянки, жестянки, бу-

тылки и палки – это вырвался вперед самодельный оркестр <...> Сначала посторонние люди не понимали: почему шум, гром, визг? О чем и к чему песня?» [6].

Акцент в звуковом пространстве «дачи» сделан на музыке: это изначально определено культурно-литературной традицией изображения «усадебно-дачного» пространства. Музыка в повести несет общую функцию озвучивания мира, является неотъемлемой частью загородного отдыха и знаком конкретного исторического времени. Так, тимуровская песня презентует «команду», проводит границу между двумя общностями подростков: «Мы не шайка и не банда, / Не ватага удальцов, Мы веселая команда / Пионеров молодцов...».

Музыкальные произведения, исполняемые Ольгой и Георгием оформляют мотивы тревоги, волнения: Ольга привозит на дачу аккордеон, «белый, сверкающий перламутром... подарок отца» [6], на котором подбирает музыку «к словам недавно услышанной ею песенки»: «<...> Лётчики-пилоты! Бомбы-пулемёты! / Вот и улетели в дальний путь...» [6]. Отец – военный, песня – недавняя, о военном походе (слова Гайдара). Георгий под аккомпанемент Ольги поет: «Я третью ночь не сплю. Мне чудится всё то же/ Движеньё тайное в угрюмой тишине./ Винтовка руку жжёт...» [6]. Тематика песен получает отзвук и в реплике Жени (обращена к собаке): «Ты лови разбойников и шпионов...» [6].

Музыкальная символика провоцирует христианский и ономастический коды мужских имен: Георгий-Победоносец, Александров (от Александр) – «защитник людей».

Предметы, издающие музыкальные или приближенные к музыкальным звуки, маркируют героев-детей и героев-взрослых: так, детство отмечено тревожным звуком бронзового колокольчика, горна, какофонией звуков на чердаке, когда Женя крутит штурвальное колесо, но и веселыми звуками самодельного оркестра. Звуки аккордеона – маркер героев-взрослых.

В целом, изображение дачного пространства у Гайдара ориентировано на описание дореволюционных дач. Так, география дачного поселка осложнена наличием «старого парка» (традиционный «усадебно-дачный» бунинско-чеховский маркер), из которого выход на перекресток «двух огороженных садами улиц» [6]. Семантика перекрестка создает образ садового поселка как временного: здесь пересекаются прошлое («старый парк», «руины часовни»), настоящее, пока еще относительно спокойное, где есть волейбол, пилят дрова, играют спектакль, гуляют; слышится скрип колодезного колеса; и тревожное будущее – война, заявляющая о себе многочисленными деталями: проходящими через станцию эшелонами с зачехленными орудиями, отец Жени – командир Красной армии, два выстрела. «Военные» детали разрушают умиротворенное дачное пространство, наполненное спокойными звуками, и укореняются в самом пространстве дачного поселка: грузовая машина гудит, как «тяжелый снаряд» [6], игрушка – картонный парашютист, красные звезды, в том числе и черно-красные, выстрелы на дачах Колокольчиковых и Гараевых.

Таким образом, традиционное «дачное» пространство летнего отдыха оснащается новыми, трансформированными в силу изменившейся эпохи, мотивами, отражающими веяние предвоенного времени (конечно же, традиционное «усадебно-дачное» пространство оснащено чувством любовного волнения, тревоги за судьбу ближнего и пр.; ср., например, у И.С. Тургенева, И.А. Гончарова; однако частное переживание в повести Гайдара остается локальным и второстепенным, вписанным в историческое время): тревоги, волнения, формирующиеся в градации (Ольга сердита на сестру, огорчена, встревожена, заволновалась) и многократно усиленный в тексте повести другими героями (например, молочница рассказывает Ольге ночной случай: «А ночью просыпаюсь, и чудится мне, что по двору шныряет кто-то, шмыгает. <...> Однако бог миловал – ничего не украли. Пошмыгали, пошмыгали и ушли. <...> А что был за народ, что за люди – дело темное» [6]; волнение Тимура) и перерастающий в чувство глобальной тревоги при всей торжественности ситуации (эпизод проводов отца: «Тяжелая стальная дверь с грохотом захлопывается за ним. Ровно, без толчков, без ляга вся эта броневая громада трогается и плавно набирает скорость. Проходит паровоз. Плывут орудийные башни. Москва остается позади. Туман. Звезды гаснут. Светает» [6]. Примечательно, что Гайдар использует в этом небольшом отрезке текста синтаксические особенности и ассонанс ([p], [c] (чередуются твердый сонорный и твердый глухой, будто бы выражающие уверенность и твердость героев) и ритмизирует фрагмент, имитируя перестук вагонных колес и набор бронепоездом скорости: «Проходит паровоз. Плывут орудийные башни. Москва остается позади. Туман. Звезды гаснут. Светает» – эшелоны идут на восток. Показателен и эпизод проводов Георгия в Красную армию: «Они шли по зеленым улицам, обрастая всё новыми и новыми провожающими. <...> Когда они подходили к платформе, мимо стан-

ции, не останавливаясь, проходил военный эшелон» [6]). Так частные мотивы, явленные в повести во множестве, сопрягаются с глобальным мотивом тревоги за судьбу родины.

Таким образом, в исследуемом тексте отмечены основные признаки «усадебно-дачного» пространства, безусловно, связанные с культурно-литературной традицией. Особое место в хронотопе по-прежнему занимают дом и сад – центры «дачного» пространства, насыщенные и традиционным, и новым символическими смыслами. Основной принцип построения «дачного» пространства в повести выражен схемой движения «извне – внутрь – изнутри – наружу», которая отчетливо демонстрирует сдвиги в художественном восприятии окружающего мира предвоенных лет. Архитектоника «дачного мира» характеризуется отходом от детального, укрупненного описания интерьера, пейзажа и представлена смешением традиционных и новых отдельных «ядерных» элементов интерьера дачи (в данном тексте – дача Гараевых, Александровых) и пейзажа (парк, сад Александровых, «райские» сады – разоряемые сады), что выражает идею «порядка – беспорядка» в окружающем героев мире. Традиционно «дачное» пространство маркировано музыкой. Однако у Гайдара эта часть соносферы представлена гармоничными звуками аккордеона и нестройным исполнением «самодельного оркестра» с необычными инструментами («склянки, жестянки, бутылки, палки»), что связано с мироощущением героев разного возраста. Старшее поколение акцентирует серьезное отношение к жизни, в то время как младшее – бесшабашное, легкое, веселое, решающее любую проблему через игру.

По аналогии с «усадебой», в повести А. Гайдара «новая дача» отражает в своем пространстве эпоху представляющими ее людьми, их привычками и пристрастиями, социальную и политическую атмосферу. Самое главное в повести Гайдара то, что дачное пространство в духе времени 1930-1940-х годов предстает особым «местом» «формирования человека культуры» нового времени.

Библиографический список

1. Печерская Т.И., Никанорова Е.К. Сюжеты и мотивы русской классической литературы: Учеб. пособие. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010. 162 с.
2. Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. М.: ОГИ. 2003. 528 с.
3. Левченко И.А. Семиотика дачи как концепта хабитата русской аристократии и элиты XVIII – XIX столетий: предметные, образные и ценностные характеристики (электронный ресурс). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semiotika-dachi-kak-kontsepta-habitata-russkoy-aristokratii-i-elity-xviii-xix-stoletiy-predmetnye-obraznye-i-tsennostnye-harakteristiki> (дата обращения - 14.07.2021).
4. Ворон П.А. «Усадебный топос» и «город будущего» в творчестве Велимира Хлебникова // Артикульт № 31 (3 - 2018) июль – сентябрь. С. 69 – 78.
5. Пушкин А.С. Евгений Онегин / А.С. Пушкин Соч.: в 3 т. Т. 2. М.: Художественная литература. 1986. 527 с.
6. Гайдар А.П. Тимур и его команда / А.П. Гайдар. М.: РОСМЭН, 2017. 128 С.
7. Осипова Н.О. «Жизнь Званская» как историко-культурный миф в поэзии русской эмиграции (электронный ресурс). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhizn-zvanskaya-kak-istoriko-kulturnyy-mif-v-poezii-russkoy-emigratsii> (дата обращения - 14.07.2021).
8. Абузова Н.Ю. Пространство дома в романе «Белая гвардия» М.А. Булгакова как выражение одного из аспектов духовного бытия // Ценности человеческого бытия: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Барнаул. 2016. С. 76 – 79.
9. Абузова Н.Ю. Мифопоэтика повести А. Платонова «Котлован» // Культура и текст. 2017. № 4 (27) С. 74 – 85.
10. Маяковский В.В. «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и людях Кузнецка» (электронный ресурс). URL: <http://v-v-mayakovsky.ru/books/item/f00/s00/z0000006/st046.shtml> (дата обращения - 14.07.2021)
11. Богданова О.А. Усадебная культура в русской литературе XIX – начала XX века (электронный ресурс). URL: <http://docplayer.ru/42873187-Usadbnaya-kultura-v-russkoy-literature-hih-nachala-hh-veka-sociokulturnyy-aspekt.html> (дата обращения: 14.07. 2021).

References

1. Pecherskaya T.I., Nikanorova E.K. Plots and motifs of Russian classical literature: studies. benefit. Novosibirsk: Publishing House of NGPU, 2010. 162 p.
2. Dmitrieva E.E., Matsova ON Life of the manor myth: lost and acquired paradise. M.: OGI. 2003. 528 p.
3. Levchenko I.A. Semiotics of cottages as the concept of Habitata of the Russian aristocracy and elite of the XVIII - XIX centuries: subject, shaped and value characteristics (electronic resource). Url: <https://cyberleninka.ru/article/n/semiotika-dachi-kak-kontsepta-habitata-russkoy-aristokratii-Ility-xvii-xix-stolety-predmetnye-braznye-i-tsennostnye-harakteristiki> (date of appeal - 14.07.2021).
4. Raven P.A. "Manor Topos" and "City of the Future" in the works of Velimir Khlebnikov // *Articult* No. 31 (3 - 2018) July - September. P. 69 - 78.
5. Pushkin A.S. Evgeny Onegin / A.S. Pushkin Op.: At 3 t. T. 2. M.: Fiction. 1986. 527 p.
6. Gaidar A.P. Timur and his team / A.P. Gaidar. - M.: Rosman, 2017. 128 S.
7. Osipova N.O. "Life is Zvanskaya" as a historical and cultural myth in the poetry of Russian emigration (electronic resource). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhizn-zvanskaya-kak-istoriko-kulturnyy-mif-v-poezii-russkoy-eziiiii> (reference date - 14.07.2021).
8. Abuzova N.Yu. House space in the novel "White Guard" M.A. Bulgakov as an expression of one of the aspects of spiritual being // *Values of Human Being: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference*. Barnaul. 2016. P. 76 - 79.
9. Abuzova N.Yu. Mythopoetics Tale A. Platonov "Kotlovan" // *Culture and Text*. 2017. No. 4 (27) P. 74 - 85.
10. Mayakovsky V.V. "Krenov's story about Kuznetskstroy and people Kuznetsk" (electronic resource). URL: <http://v-v-mayakovsky.ru/books/item/f00/s00/z0000006/st046.shtml> (date of appeal - 14.07.2021)
11. Bogdanova O.A. A manor culture in Russian literature of the XIX - the beginning of the XX century (electronic resource). URL: <http://docplayer.ru/42873187-vadebnaya-kultura-v-russkoy-literature-hih-nachala-hh-veka-sociokulturnyy-spekt.html> (date of handling: 14.07. 2021).

УДК 801.56

10.36622/AQMPJ.2021.97.41.014

Воронежский государственный технический университет
кандидат филологических наук, доцент кафедры
русского языка и межкультурной коммуникации
Новикова О.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(473)271-50-48
e-mail: oljanovik@mail.ru

Voronezh Technical State University
The chair of Russian language and
cross-cultural communication
PhD, associate professor
Novikova O.V.
Russia, Voronezh, tel.+7(473)271-50-48
e-mail: oljanovik@mail.ru

Воронежский государственный технический университет
кандидат филологических наук, доцент кафедры
русского языка и межкультурной коммуникации
Лапынина Н.Н.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(473)271-50-48
e-mail: nn.lapynina@mail.ru

Voronezh Technical State University
The chair of Russian language and
PhD, associate professor
Lapynina N.N.
Russia, Voronezh, tel.+7(473)271-50-48
e-mail: nn.lapynina@mail.ru

О.В. Новикова, Н.Н. Лапынина

ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИСА А. ВАРЛАМОВА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «ДУША МОЯ ПАВЕЛ»)

Статья посвящена анализу особенностей синтаксической организации текста романа А. Варламова «Душа моя Павел», которые отражают как характерные черты «классического» (синтагматического) типа художественной прозы, возвращая читателя к традиционной системе ценностей, так и современные тенденции – монтажное построение текста и его ритмико-грамматическая организация. Монтажное построение текста возникает в результате использования, синтаксических конструкций с рядами разнообразных однородных членов. Часто однородные члены распространены квалификаторами: единичными словами, словосочетаниями или даже придаточными предложениями. Обилие эпитетов, согласованных и несогласованных, распространенных и нераспространенных, создает звуко-цветовую картину материального мира и эмоциональное настроение героев. Особую роль играют глаголы, придающие динамичность тексту, ощущение движения. Обилие разных по структуре синтагматически разветвленных предложений, интегрирование отдельных предложений в «сложный синтагматический цикл» и такие стилистические приемы, как градация (чаще восходящая, иногда из распространенных членов предложения), повтор, инверсия, парцелляция, период, и др. создают особое эмоциональное напряжение, актуализируют смыслы. Их выразительность еще более усиливается, когда поддерживается ритмико-синтаксическим строением фразы (выравнивание однородных членов по количеству слогов, использование разнообразных стихотворных размеров). Кроме того, для прозы А. Варламова характерна концентрация синтаксических средств и стилистических приемов в определенных точках текста, что приводит к так называемой сосредоточенной стилистической конвергенции, основанной на взаимодействии стилистических средств одного или разных уровней языка в результате выполнения ими единой стилистической функции. Это позволяет весьма эффективно актуализировать смыслы и создавать неповторимый эмоционально-экспрессивный настрой произведения.

Ключевые слова: «классический» (синтагматический) тип прозы, однородные члены, монтажное построение текста, ритмизация, градация, повтор, инверсия, парцелляция, период, стилистическая конвергенция.

O.V. Novikova, N.N. Lapynina

SYNTAX PARTICULARITIES OF A. VARLAMOV (ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL "SOUL MY PAUL")

The article is devoted to the analysis of the peculiarities of the syntactic organization of the text of A. Varlamov's

novel "My Soul Pavel", which reflect both the characteristic features of the "classical" (syntagmatic) type of fictional prose, returning the reader to the traditional system of values, and modern trends - montage construction of the text and its rhythm. -grammatical organization. The montage construction of the text arises as a result of the use of syntactic constructions with rows of various homogeneous members. Often homogeneous members are spread by qualifiers: single words, phrases, or even subordinate clauses. The abundance of epithets, consistent and inconsistent, widespread and uncommon, creates a sound-color picture of the material world and the emotional mood of the characters. A special role is played by verbs that give dynamism to the text, a sense of movement. The abundance of syntagmatically branched sentences of different structure, the integration of individual sentences into a "complex syntagmatic cycle" and such stylistic techniques as gradation (often ascending, sometimes from common sentence members), repetition, inversion, parcellation, period, etc. create a special emotional tension, actualize meanings. Their expressiveness is even more enhanced when supported by the rhythmic-syntactic structure of the phrase (alignment of homogeneous members by the number of syllables, the use of various poetic sizes). In addition, A. Varlamov's prose is characterized by the concentration of syntactic means and stylistic devices at certain points in the text, which leads to the so-called concentrated stylistic convergence based on the interaction of stylistic means of one or different levels of language as a result of their performance of a single stylistic function. This allows us to very effectively actualize the meanings and create a unique emotional and expressive mood of the work.

Key words: "classical" (syntagmatic) type of prose, homogeneous members, montage construction of the text, rhythmizing, gradation, repetition, inversion, parcellation, period, stylistic convergence.

Есть книги, читая которые испытываешь непередаваемое удовольствие от языка текста, его богатства, эмоциональности и вдруг ловишь себя на мысли, что ты читаешь вовсе не прозу, а что-то сродни поэзии. Именно такое впечатление возникает при чтении произведений А. Варламова – современного русского писателя, творчество которого «опирается на лучшие традиции русской классической литературы» [1, с. 3] и возвращает читателя к ее «традиционной системе ценностей» [2, с. 3].

Как же автору удается так заворожить читателя? Какие приемы синтаксического построения текста помогают это сделать? Остановимся на некоторых, самых ярких особенностях синтаксиса прозы А. Варламова на примере романа «Душа моя Павел».

Самое первое, что бросается в глаза, когда читаешь роман, это обилие синтаксических конструкций с однородными членами, сравните:

Он был с юных лет мечтателен и глуп и на стене у себя повесил физическую карту Советского Союза, которую мысленно исходил и изъездил, по-хозяйски размышляя о богатстве ее недр, любясь и гордясь красотой и протяженностью ее напряженных границ, переливами зеленого равнинного и горного красного цвета от запада к востоку и от севера к югу, голубизной ее великих озер и внутренних морей, извивами вольных рек, изрезанными линиями океанского побережья, причудливыми цепочками островов, полярными льдами, пустынями, солончаками, архипелагами и полуостровами; ему нравилось вглядываться в маленькие цифры, обозначающие высоту ее снежных пиков и вулканов, глубину ее морских и озерных впадин, он любил все ее города, поселки, села и деревни и однажды попросил отца: «А покажи наш город на карте». [3, с. 12]

Так, только в одном приведенном выше сложном предложении встречаются ряды однородных сказуемых (*мечтателен и глуп; исходил и изъездил*), дополнений (*красотой и протяженностью, переливами, голубизной, извивами, цепочками ...; высоту, глубину; города, поселки, села и деревни*), обстоятельств (*размышляя, любясь и гордясь*) и определений (*зеленого равнинного и горного красного*). Часто это не одиночные слова, а распространенные конструкции с обилием эпитетов. Так, в приведенном предложении представлена богатая цветовая гамма: *переливы зеленого равнинного и горного красного цвета, голубизна озер и морей*. А дальше даже при отсутствии определений наше воображение продолжает видеть белизну льдов и снежных вершин, желто-коричневые оттенки пустынь, бело-серо-голубые оттенки солончаков ...

В результате создается впечатление, что мы смотрим кино, где один кадр сменяется другим. Таким образом, однородные члены передают разнообразие реалий, природных ландшафтов страны, создают впечатление панорамного движения кинокамеры, которое активизирует наше воображение и эмоции, соотнося описание с уже знакомыми образами. Н.В. Пушкирева называет это «монтажным построением текста», что характерно для прозы XXI века [4].

По наблюдениям исследователей, в современных художественных прозаических текстах «однородность на уровне простого предложения» может количественно превосходить «все остальные виды осложнения простого предложения» [5, с. 160]. Подобное явление весьма характерно и для синтаксиса А. Варламова. Члены однородного ряда могут быть нераспространенными, но чаще «образуют» одиночными и распространенными квалификаторами, другими всевозможными распространи-

телями, в том числе весьма объемными придаточными предикативными единицами, что позволяет говорить об «усложненных цепочках однородных членов»:

Просыпаясь, он первым делом подбежал к окну проверить: всё ли в городе на месте? Но ничто не исчезало: ни заповедный лес, где зимой катались на лыжах, а летом просто гуляли, но ягоды и грибы не собирали; ни красивое искусственное озеро, на которое можно было бесконечно смотреть, но ни купаться, ни ловить рыбу в нем не разрешали; ни разноцветные двухэтажные и одноэтажные домики, в которых жили инженеры и ученые; ни стадион, а еще дальше, если поднять глаза, — тайга и темные горы на горизонте. Всё было на месте, и только на карте не значилось ничего... [3, с. 13];

... и теперь парил над землей, и видел все очень отчетливо: поле, которое они убирали, окружавший его лес и полянку, где несколько дней назад он разводил костер, разговаривал с Сыроедом, а потом сидел до утра, тоскуя об Алене ... [3, с. 79] (здесь и далее выделения наши).

Такая синтаксическая организация и создает возможность для реализации «монтажного принципа» строения текста, когда блоки информации, сменяя друг друга, создают впечатление укрупнения кадра и его расширения до панорамного. Сравните также:

А трактор, нещадно подбрасывая двух парней на рытвинах и ухабах, рыча, взобрался на пригорок, откуда открылась долина неизвестной реки, поле, продолговатое озеро с изрезанными берегами и разноцветными деревьями; солнце садилось за дальний лес, подсвечивая сквозь остроконечные верхушки елей редкие облака на темно-синем небе, где вот-вот должны были появиться звезды; тоска, обида, злость и жажда мщения отпустили Павлика, и мир показался ему таким прекрасным, что он порывисто повернулся к своему спутнику [3, с.49].

Особую роль в создании не только многообразия материального мира, но и эмоционального настроения героев и читателей играют определения, которые могут выстраиваться в длинные цепочки: *Павлик не переставал поражаться тому, как были непохожи эти картофелины одна на другую: большие, маленькие, средние, круглые, продолговатые, сросшиеся, фигуристые, простые, замысловатые, шершавые, гладкие [3, с. 52].*

Часто встречаются предложения, где каждое существительное сопровождается эпитетом: *... Солнце садилось за дальний лес, подсвечивая сквозь остроконечные верхушки елей, редкие облака на темно-синем небе ... [3, с. 50].*

А. Варламов в большом количестве использует как согласованные, так и несогласованные нераспространенные и распространенные определения: *В телогрейках, теплых куртках и сапогах, закутанные шерстяными платками, с запыленными, обветренными лицами и грязными волосами, они, казалось, стыдились своего вида ... [3, с. 44]; А в самой деревне смотреть было не на что: разбитая тракторами улица, печальные низенькие дома с невзрачными окошками, огороды, плетни, лужи, заросший грязный пруд, коровник с прохудившейся крышей, ларек, гостевая изба, похожая на усовершенствованный барак, которую называли зеленым домиком, хотя стены у нее были бледно-голубые, и пустовавший неподалеку лазарет с плотно занавешенными окнами [3, с.50].*

Кинематографическую динамичность тексту придают именно цепочки однородных членов, и прежде всего – глагольных форм, хотя «смысловая и синтаксическая нагрузка» может перемещаться и на имена: *Денис мешки принимал, высypал, выкидывал пустые, и всё начиналось по новой: грядка, корзина, мешок, телега и бесконечное поле, которое они должны были убрать, каждой картофелинке поклонившись [3, с. 52]; Они вообще многое что впервые в своей жизни здесь увидели, узнали, открыли, испытывали и теперь смотрели, задрвав голову, махали руками, кричали, как малые дети ... [3, с. 57-58].*

Вновь перед нами один кадр сменяет другой, создавая ощущение движения.

Вообще, следует отметить, что динамическими центрами разных по объему моно- и полипредикативных синтаксических построений в произведениях А. Варламова обычно служат глаголы, что, наряду с эксплицированностью синтаксических отношений и связей, обилием разных по структуре синтагматически разветвленных предложений, интегрированием отдельных предложений в «сложный синтагматический цикл», позволяет отнести прозу писателя к «классическому» (иерархическому, синтагматическому) типу художественной прозы [6, с. 191 – 195; 7]:

Он стоял перед этим от руки синим фломастером написанным призывом и ничего не понимал, а за его спиной шумели, гудели, толкались, что-то выкрикивали, перебывая друг друга, и подписывали какое-то коллективное обращение. Здесь были все, весь факультет. И никто тоже не понимал, что случилось и почему. Сачка волнение как огонь побежало на восьмой, и на девятый, и на десятый этажи, ворвалось на кафедры, в профком, в партком, в комитет комсомола, и из маленьких аудиторий и лингафонных кабинетов, из аудиторий устной речи, фольклорных и диалектологических комнат

архивов и отделов **посыпались** студенты, аспиранты, сотрудники и преподаватели, и все **бурлили, шумели**, и повсюду **появлялись** надписи: «**Верните** нашу Музу! Руки прочь от факультета! Да **здравствует** Мягонькая!» На стенах, досках, в лифте на всех языках – романо-германских, финно-угорских, славянских, кавказских, азиатских, африканских, искусственных и древних, живых и мертвых, агглютинативных и флективных, аморфных и полисинтетических – «**Верните** нам нашего декана!».

Эмоциональное напряжение в романе нередко усиливается с помощью градации: *Очередь была разнолика, невесела, тревожна* [3, с. 10]; ... *раздражало, провоцировало и дразнило мнимой доступностью* [3, с. 59]; ... *но здесь всё было иное – нарочито усложненное, соперничающее, высокомерное* [3, с. 60]; *Ты же ничтожество, недоразумение, пусик ...* [3, с. 73]; ... *а еще нравилось, что не вызывала в нем грубой чувственности, а только нежность, уважение, умиление* [3, с. 74].

В приведенном выше синтагматическом цикле тоже содержатся глагольные и другие градационные ряды.

А. Варламов использует в основном восходящую градацию, причем выстраиваться в эмоционально нарастающую последовательность могут, как видно из приведенных примеров, разные члены предложения. Интересны случаи, когда градацию образуют распространенные члены предложения: *Это было их первое жизненное поражение, удар по самолюбию, крушение надежд, утрата веры в себя, страшное чувство одиночества, вины и несправедливости ...* [3, с. 10].

Градация становится еще более выразительной, если поддерживается ритмико-синтаксическим строением фразы. Так, в предыдущем примере ритмизация происходит в однородных членах: 1 член (*первое жизненное поражение*) – это дактиль, остальные – ямб.

Подобных примеров в тексте достаточно много. Сравните:

Он влюблялся во всё далёкое, недостижимое и невозможное ... [3, с. 59] – дактиль.

Но его другое увлекло, соблазнило, совратило ... [3, с. 70] – анапест, хотя и происходит некоторый сбой во втором слове; но все три однородных члена с ударением на третьем от начала слоге, что позволяет сохранить ритм.

О подобной тенденции русской прозы нашего времени пишет Ю.Б. Орлицкий, называя такой прием «метризацией» [8], Н.А. Яковлева использует термин «ритмизация» [9]. Исследуя ритм прозы С. Соколова на синтаксическом уровне, она отмечает: «Воспринимаясь скорее на интуитивном уровне, ритм раскрывает специфический, уникальный рисунок произведения, позволяя в большей мере ощутить его целостность во взаимодействии структурного, композиционного, семантического и других пластов [9, с. 39].

Особенно интересную ритмическую структуру образуют однородные несогласованные определения, например: *Павлик поймал себя на мысли, что ничего более прекрасного, чем этот день с застывшими облаками, с девчонками в разноцветных платках и серых телогрейках, с гогочущими гусями и ровными рядами картофельных грядок, на свете нет* [3, с. 58]. Здесь происходит выравнивание определений по размеру: количество слогов в первом и третьем членах – 8, во втором и четвертом (с учетом конца предложения *на свете нет*) – 17.

Выравнивание строк примерно одинакового объема между знаками препинания создает определенный ритм прозы. Вот один из типичных примеров. Для наглядности расположим предложение по частям в каждой строке:

1) *В этом городе было нестрашно ходить по улицам и днем и ночью,*

2) *родители повсюду отпускали детей и никто не закрывал двери на ключ,*

3) *а жили каждый в своей квартире и что такое общая кухня – не знали,*

4) *магазины в Пятисотом изобиловали продуктами и товарами, которых за стеной не видали;*

5) *здесь были просторные чистые улицы и бульвары, прекрасные школы, библиотеки, бассейны, спортивные залы,*

6) *во Дворце науки выступали умнейшие люди и проходили великолепные любительские концерты* [3, с. 11-12].

Первые три части (1, 2, 3) сложного предложения содержат примерно одинаковое количество слов (количество слогов: 21 – 24 – 23). Следующие три части (4, 5, 6) равномерно увеличиваются относительно первых (количество слогов: 33 – 37 – 35). Если сравнивать предложения 1 и 4, 2 и 5, 3 и 6, то можно заметить пропорциональное увеличение на 12 – 13 – 12 слогов соответственно.

Иногда подобная сложная конструкция выстраивается в виде периода – стилистической фигуры, состоящей из двух неравномерных частей [10, с. 321; 11, с. 223 – 225]:

Непомилуев никогда прежде не видел, как растет картошка,

и замирал в удивлении над долгой ровной грядкой, скрывавшей,

*как и его родной город, свое богатство под землей,
и только насмешливые девичьи голоса возвращали его в реальность,
и руки снова начинали скоро выбирать из сырой земли клубни,
которых в тот год уродилось и в самом деле так много,
что серые холщовые мешки стояли между грядок часто,
как суслики жарким днем в даурской степи –*

о них рассказывал Павлуше служивший там срочную отец [3, с. 52].

Мы намеренно разделили сложное предложение на части, чтобы показать примерно одинаковый размер строк, отделенных друг от друга пунктуационными знаками. В протазисе, первой части периода, описывается состояние героя при виде поля картошки, восходящее движение тона создает эмоциональное напряжение, которое резко обрывается перед второй частью (аподозисом), представляющей собой короткую фразу, контрастную протазису [10, с. 52, 368]. В данном случае это предложение с дополнительной информацией к слову «суслики».

Похоже на период и самое первое предложение, приведенное в этой статье в качестве иллюстративного материала. Там в роли аподозиса выступает предложение с прямой речью, и это больше похоже на классический период, так как представляет собой некоторое следствие, вывод из содержания протазиса.

Часто ритмизация в прозе А. Варламова создается повтором одного и того же слова. Это не только ритмизирует прозу, но и усиливает эмоциональный накал: *Наверное, он говорил это не только маленькому мальчику, он это говорил самому себе, и у него были резоны так говорить ... но у сына вышла своя история, свой счет и свой Уругвай [3, с. 70]; И запомни: никогда никакой бунт, никакое восстание, никакая революция ни к чему хорошему в этой стране не приводили и не приведут [3, с.302].*

Повторение встречается не только в пределах одного предложения, но и целого отрывка текста и тогда возникает анафора: *Может, поступи он в военное училище, в техникум или в институт попроще, всё было бы хорошо. Был бы свой парень Пашка Непомилуев, с которым и поржать, и выпить, и поработать можно. Были б девчонки, которые не воротили б от него нос. ... значит, прав был отец, прав был полковник Передистов ... [3, с.70]; Уйти – это проще всего, уйти – это сдать, проиграть, – возражал сам себе Павлик, разжигая костер. – А ты останься и победи. А ты возьми и забей им гол ... [3, с. 72].*

В подобных предложениях повтор поддерживается еще парцелляцией и параллелизмом построения предложений. Это усиливает напряженность речи, так как появляются дополнительные паузы, авторские знаки препинания, что позволяет замедлить темп чтения и выделить каждое слово, как обычно происходит в стихах.

Пример ритмизации за счет повтора и синтаксического параллелизма: *Но ничего не исчезало: ни заповедный лес, где зимой катались на лыжах, а летом просто гуляли, но ягоды и грибы не собирали; ни красивое искусственное озеро, на которое можно было бесконечно смотреть, но не купаться, ни ловить рыбу в нем не разрешали; ни разноцветные одноэтажные и двухэтажные домики, в которых жили инженеры и ученые; ни стадион, а еще дальше, если поднять глаза, - тайга и темные горы на горизонте [3, с. 11-12]*

В данном предложении одинаковое синтаксическое построение частей сложного целого: *ни лес, где ..., но ... – ни озеро, на которое ..., но ... – ни домики, в которых ... – ни стадион ... – тайга и горы.* Если первые две части состоят из трех предикативных единиц (ПЕ), то постепенно их количество сходит на нет: сначала удаляется последняя ПЕ, потом еще одна и в конце остаются одиночные существительные. Параллелизм позволяет рифмизировать текст: *не гуляли – не собирали – не разрешали.*

Еще подобный пример с рифмой: *здесь были просторные чистые улицы и бульвары, прекрасные школы, библиотеки, бассейны, спортивные залы [3, с. 12].*

Часто ритмизация поддерживается звукописью: *Его родная земля была гораздо красивее верхний Москвы-реки, но чего там не было, чего не видел Павлик прежде, так это открытости, распахнутости ровного пространства и низкой линии горизонта [3, с. 57].* Здесь есть и аллитерация (звук *p*), и ассонанс (звуки *a*, *и*).

Можно говорить еще об одной особенности синтаксиса А. Варламова, которая придает тексту эмоционально-экспрессивное звучание. Во-первых, это инверсия: *Да пусть плавают в реке рыбы, летают в небе птицы, бегают звери в лесу и никто никого не обижает [3, с. 56].* Нарушение прямого порядка слов в дополнение к параллелизму структуры поэтизирует фразу.

Во-вторых, роль эмоционально-экспрессивного усилителя играет парцелляция [12]: *Главное, бабушка, чтобы книжка была хорошая. Чтобы чувство от нее в душе было [3, с. 27]; ... и Павлик дога*

дался, почему он заплакал в коридоре. Не от счастья, а от стыда и вины своей заплакал [3, с. 55]; *А знаешь, чья зависть по-настоящему родная сестра? Справедливости.* [3, с. 77]. С помощью парцелляции в данных предложениях актуализируются наиболее важные в смысловом отношении слова.

Проанализированный нами материал, частично представленный в статье, свидетельствует о том, что для текста романа «*Душа моя Павел*» характерна концентрация синтаксических средств и стилистических приемов в определенных точках текста, их «скопление в одном месте», что приводит к так называемой сосредоточенной стилистической конвергенции, «основанной на взаимодействии стилистических средств одного или разных уровней языка в результате выполнения ими единой стилистической функции» [11, с. 313; 13]. Например:

Павлику вдруг стало тревожно от того, что он теряет время, и студент прибавил шагу, а потом уже почти побежал по проспекту мимо домов, фонарей, автобусных остановок, деревьев, обгоняя редких пешеходов, как будто боялся куда-то опоздать, могучий, смешной, нескладный, похожий не то на чертежника, не то на географа с картой СССР под мышкой, в курточке на рыбьем меху, в куце партийном костюме, с дешевым крестиком на черном шнурке под белой рубашкой и стеклянной банкой кижучевой икры с острова Итуруп в перламутровом тубусе.

В рамках данного полипредикативного синтаксического построения с эксплицированными синтаксическими отношениями, выраженными с помощью внутрифразовых средств связи *от того что, и, а, как будто*, наличествует синтаксическая конвергенция, представленная цепочками однородных глаголов-сказуемых (*прибавил шагу, побежал*), пространственных обстоятельств (*мимо домов, фонарей, автобусных остановок, деревьев*), одиночных и распространенных, согласованных и несогласованных определений (*могучий, смешной, нескладный, похожий не то на чертежника, не то на географа с картой СССР под мышкой, в курточке на рыбьем меху, в куце партийном костюме, с дешевым крестиком на черном шнурке под белой рубашкой и стеклянной банкой кижучевой икры*) с внутренним ответвлением однородных дополнений (*не то на чертежника, не то на географа*). Всё это, взаимодействуя с инверсией (постпозитивное расположение определений по отношению к определяемому субстантиву *студент*), нисходящей градацией в ряду однородных определений, аллитерацией (звуки *р, л, с, ш*, звукосочетания *ст, рт*), приводит к стилистической конвергенции, когда каждый стилистический прием, будучи сам по себе экспрессивным, при сочетании с другими умножает эффект, «создает особую, сильную экспрессивность» [14].

Итак, для прозы А. Варламова, которую мы относим к «классическому» (иерархическому) типу художественной прозы, синтагматический аспект является по преимуществу доминантным, ей свойственна синтагматическая иерархия. В то же время она отражает современные тенденции русской прозы: монтажное построение текста и его ритмико-грамматическую организацию. Для создания подобного эффекта автор использует синтаксическую конвергенцию (прежде всего ряды однородных членов) и такие стилистические приемы, как градация, повтор, инверсия, парцелляция, период и др., которые в совокупности могут обеспечивать стилистическую конвергенцию, весьма эффективно актуализировать смыслы и создавать неповторимый эмоционально-экспрессивный настрой произведения.

Библиографический список

1. Федорова Т. А. Поэтика прозы Алексея Варламова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Астрахань, 2012. 17 с.
2. Счастливецва Ю. А. Проза Алексея Варламова 1980-1990-х гг.: жанрово-стилевое своеобразие: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Магнитогор. гос. ун-т. Магнитогорск, 2007. 21 с.
3. Варламов А. Н. Душа моя Павел: [роман]. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. 381 с.
4. Пушкарева Н. В. Писатель и читатель: уровни взаимодействия (синтаксический и пунктуационный аспекты) // Грамматические исследования поэтического текста: Материалы межд. науч. конференции. Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 2017. С. 147 – 150.
5. Сирота Е. В., Тудосе В. И. Синтаксические особенности художественного текста (на примере произведений В. Пелевина) // Грамматические исследования поэтического текста: Материалы межд. науч. конференции. Петрозаводск, 2017. С. 158 – 161.
6. Арутюнова Н. Д. О синтаксических типах прозы // Общее и романское языкознание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972, С. 189 – 200.
7. Киреева Е. В. К вопросу о синтаксических типах художественной прозы (на материале трилогии Ф. Сологуба «Творимая легенда») // *Litera*. 2019. № 5. С. 1–8.

8. Орлицкий Ю. Б. Стиховое начало в прозе «третьей волны» // Литература «третьей волны»: сб. науч. статей. Самара, 1997. С. 45–46.

9. Яковлева Н. А. Ритмико-синтаксические особенности в романе Саши Соколова «Школа для дураков» // Язык. Культура. Коммуникации. 2016. № 2 (6). С. 39-41.

10. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1969. 608 с.

11. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты [Электронный ресурс] / под ред. А.П. Сковородникова. – 3-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА, 2011. 480 с.

12. Балан О.П. Парцелляция и смежные с ней явления (присоединение, сегментация и эллипсис) // Грамматические исследования поэтического текста: Материалы межд. науч. конференции. Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 2017. С. 168 – 172.

13. Копнина Г. А. Конвергенция стилистических фигур в современном русском литературном языке (на материале художественных и газетно-публицистических текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Г. А. Копнина. Красноярск. гос. ун-т. Красноярск, 2001. 27 с. URL: <http://diss.seluk.ru/av-jazykoznanie/696254-1-konvergenciya-stilisticheskikh-figur-sovremennom-russkom-literaturnom-yazike-na-materiale-hudozhestvennih-gazetno-publicisticheskikh-tek.php>

14. Риффатер М. Критерии стилистического анализа // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. Лингвостилистика. М.: Прогресс, 1980. С. 88 – 89.

References

1. Fedorova T. A. Poetics of Alexei Varlamov's prose: dissertation abstract of candidate of philological Sciences: 10.01.01 / T.A. Fedorova. Astrakhan State University. Astrakhan, 2012.17 p.

2. Schastlivtseva Yu. A. Prose of Alexei Varlamov 1980-1990s: genre and style originality: dissertation abstract of candidate of philological Sciences: 10.01.01 / Yu.A. Schastlivtseva. Magnitogorsk State University. Magnitogorsk, 2007.21 p.

3. Varlamov A. N. Soul My Paul: [novel]. М. : Publishing house AST: Edited by Elena Shubina, 2019.381 p.

4. Pushkareva N. V. The writer and the reader: levels of interaction (syntactic and punctuation aspects) // Grammatical studies of poetic text: Materials of the International scientific conference. Petrozavodsk: Petrozavodsk state. un-t, 2017, pp. 147 - 150.

5. Sirota E. V., Tudose V. I. Syntactic particularities of a literary text (on the example of V. Pelevin's works) // Grammatical studies of a poetic text: Materials of the International scientific conference. Petrozavodsk, 2017, pp. 158 - 161.

6. Arutyunova N. D. On the syntactic types of prose // General and roman linguistics. Moscow.: Publishing house of Moscow University, 1972, pp. 189 - 200.

7. Kireeva E. V. On the question of the syntactic types of fictional prose (based on the trilogy of F. Sologub "Creating Legend") // Litera. 2019. No. 5, pp. 1 - 8. DOI: 10.25136 / 2409-8698.2019.5.30260 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30260

8. Orlickiy Yu. B. Poetic beginnings in the prose of the "third wave" // Literature of the "third wave": collection of scientific articles. Samara, 1997, pp. 45–46.

9. Yakovleva N. A. Rhythmical syntactic particularities in the novel by Sasha Sokolov "School for fools" // Language. Culture. Communications. No. 2 (6). 2016, pp. 39-41.

10. Akhmanova O. S. Dictionary of linguistic terms. Moscow: Soviet encyclopedia, 1969. 608 p.

11. Encyclopedic reference dictionary. Expressive means of the Russian language, speech errors and shortcomings [Electronic resource] / ed. A.P. Skovorodnikov. 3rd ed., Stereotype. Moscow: FLINT, 2011. 480 p.

12. Balan O.P. Parcellation and related phenomena (joining, segmentation and ellipsis) // Grammatical studies of poetic text: Materials of the International scientific conference. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University, 2017, pp. 168 - 172.

13. Koptina G. A. Convergence of stylistic figures in the modern Russian literary language (based on fiction and newspaper' and journalistic texts): dissertation abstract of candidate of philological Sciences: 10.02.01 / G.A. Koptina. Krasnoyarsk State University. Krasnoyarsk, 2001.27 p. URL: <http://diss.seluk.ru/av-jazykoznanie/696254-1-konvergenciya-stilisticheskikh-figur-sovremennom-russkom-literaturnom-yazike-na-materiale-hudozhestvennih-gazetno-publicisticphp>

14. Riffater M. Criteria for stylistic analysis // New in foreign linguistics. Issue IX. Linguistic stylistics. Moscow: Progress, 1980, pp. 88 - 89.

УДК 82-31

10.36622/AQMPJ.2021.24.36.015

Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы

Расторгуева В.С.

Россия, г. Липецк, тел. 89036431262

e-mail: rastrgueva-vera@rambler.ru

Lipetsk State Pedagogical University named by P.P. Semenov-Tyan-Shansky The Department of the Russian Language and Literature,

PhD in Philology, Assistant Professor Rastorgueva V.S.

Russia, Lipetsk 89036431262

e-mail: rastrgueva-vera@rambler.ru

В.С. Расторгуева

ЧЕХОВСКИЙ КОНТЕКСТ В РОМАНЕ А. ИЛИЧЕВСКОГО «АНАРХИСТЫ»

В статье рассматриваются проблемы трансформации чеховских мотивов в романе А. Иличевского «Анархисты». Чеховский контекст романа «Анархисты» определяется не только текстовыми и сюжетными сближениями с повестью «Дуэль». Он представлен единством мироощущения чеховского героя и современного человека. Осознание пустоты и быстротечности жизни, отсутствия смыслообразующего центра, невозможности обрести уверенность ни в одной из ключевых доминант, предлагаемых культурной традицией таких, как Бог, любовь, рай, ад, подчеркивается основным образом-лейтмотивом прозрачности. В романе прозрачность понимается во взаимоисключающих значениях как свет и как ночь, что определяет бессилие современного героя в акте выстраивания духовной вертикали. Сюжет романа «Анархисты» определяется трагическим настроением картины И. Левитана «Над вечным покоем». Пространство романа моделируется по принципу левитановского пейзажа. Герои А. Иличевского, переживая личные драмы, существуют в пограничном пространстве, структурированном по вертикали *верх-низ*, что является отражением сознания героя, не способного преодолеть промежуточности своего бытия. Образ Левитана, предстающий в романе как прозрачный великан, становится своеобразным кодом для расшифровки чеховского понимания вечности. Романная история Левитана перекликается с настоящей биографией художника, определяет один из основных мотивов поведения главного героя Соломина: найти Бога в пейзаже. Спор о Боге, ключевой мотив романа, актуализирует сюжет русской классики, определяет особенности авторской позиции. Художник-ученый – образ нового миссии, который не смог воплотиться ни в одном герое «Анархистов».

Ключевые слова: пародийный двойник, лейтмотив прозрачности, Бог в пейзаже, образ-архетип земли, художник-ученый, новый анархизм.

V.S. Rastorgueva

CHEKHOV'S CONTEXT IN THE NOVEL «ANARCHISTS» BY A. ILICHEVSKY

The article deals with the problems of transformation of Chekhov's motives in the novel "Anarchists" by A. Ilievsky. Chekhov's context of the novel is determined not only by textual and plot rapprochements with "Duel". It is represented by the unity of the worldview of the Chekhov's character and a modern man. Awareness of the emptiness and transience of life, the absence of a meaning-forming center, the impossibility of gaining confidence in any of the key dominants offered by the cultural tradition, such as God, love, heaven, hell, is emphasized by the main image of transparency. In the novel, transparency is understood in mutually exclusive meanings as light and as night, which determines the powerlessness of the modern character in the act of building a spiritual vertical. The plot of "Anarchists" is determined by the tragic mood of I. Levitan's painting "Above Eternal Peace". The space of the novel is modeled on the principle of Levitan's landscape. The characters of A. Ilievsky, experiencing personal dramas, exist in a border space structured vertically up-down, which is a reflection of the consciousness of the hero, who is unable to overcome the intermediateness of his being. The image of Levitan, who appears in the novel as a transparent giant, becomes a kind of code for deciphering Chekhov's understanding of eternity. The novel story of Levitan echoes the artist's real biography, defines one of the main motives for the behavior of the protagonist Solomin that was to find God in the landscape. The dispute about God, the key motive of the novel, actualizes the plot of the Russian classics, determines the peculiarities

of the author's position. The artist-scientist is the image of the new mission, which could not be embodied in any hero of the "Anarchists".

Key words: parody double, leitmotif of transparency, God in the landscape, the archetypical image of the earth, artist-scientist, new anarchism.

Роман А. Иличевского «Анархисты» завершает квадригу «Солдаты Апшеронского полка». Несмотря на различие сюжетов, главных героев каждого из четырех романов «Матисс», «Перс», «Математик» и «Анархисты» объединяет научное познание мира, которое не может в полной мере удовлетворить человека, живущего на сломе эпох и жаждущего нового самоопределения.

В научных публикациях, посвященных творчеству писателя, уделяется большое внимание специфике жанровой природы его произведений, для которых характерно исследование человека через призму ландшафта [1]. Ю. Щербинина, автор статьи, посвященной роману «Перс», утверждает, что «в контурах ландшафта проступают конфигурации смыслов», «так топология становится онтологией» [2].

Основной мотив романа «Анархисты» определяется настроением картины Исаака Левитана «Над вечным покоем». Пейзаж Левитана пронизан величием равнодушной природы и трагическим мироощущением человека, осязающим неизбежность своего растворения в этом вечном покое. Пространство романа моделируется по принципу левитановского пейзажа. Как на картине Левитана, так и в «Анархистах» доминирующим образом является река – символ вечно движущейся и неизменной в своей цикличности умирания и обновления природы. Человек в повседневности своего бытия – «разбрасывает перегой», «рубит и складывает дрова», «поправляет упавшую жердь», кормит собаку [3; с. 5], – вслушивающийся в жизнь реки как в голоса вечности, существует вне времени и пространства. Эти голоса откликаются в нем сообразно его внутреннему регистру.

Главный персонаж романа Петр Соломин – современный герой, бывший бизнесмен и несостоявшийся художник, сформированный 1990-ми годами. Он поселился на берегу Оки в надежде повторить опыт своего кумира Исаака Левитана, в картинах которого «Бог смотрит на человека через пейзаж» [3; с. 49].

В судьбе Соломина можно прочесть отсылки к биографии художника. Исаак Левитан путешествовал по Оке и Волге с друзьями-художниками Алексеем Степановым и Софьей Кувшинниковой, с которой его связывали романтические отношения, позже эти отношения стали частью сюжета рассказа А.П. Чехова «Попрыгунья», что послужило причиной ссоры художника и писателя на несколько лет. Примирила их Анна Николаевна Турчанинова. Фамилия анархиста *Турчина*, оппонента Соломина, ассоциативно перекликается с фамилией Анны Николаевны. В отличие от истории Левитана и Чехова Соломин и Турчин в романе не преодолеют внешнего антагонизма.

Левитан и Кувшинникова не раз приезжали в волжский город Плес, где были созданы известные пейзажи. Церковь, написанная в Плесе, стала частью сюжета картины «Над вечным покоем». Атмосфера трагичности бытия человека перед лицом вечности, настроение высокой печали, переданные Левитаном в этом произведении, определили основную тональность романа А. Иличевского и рефлексию главного героя.

Соломин, подобно Левитану, поселился с возлюбленной Катей в городе Весьегожске, расположенном на Оке. Его название соотносится с названием города *Весьегонск*, находящегося в Тверской области, в печально известном устье реки Мологи. Именно в Тверской губернии писал Левитан картину «Над вечным покоем».

Левитан, чья романная история перекликается с настоящей биографией художника, и этнолог Чаусов, персонаж вымышленный, – в нем можно только угадывать знаменитых ученых-путешественников XIX века Н.М. Пржевальского или П.П. Семенова-Тян-Шанского, в тексте дается отсылка к Папанину и Шмидту – являются воплощением идеального человека. Образ нового мессии, ученого и художника, проповедовал в романе «Перс» один из главных героев.

Соломин мечтает повторить опыт Левитана, как Турчин – Чаусова. Соломин «отыскивал в окрестностях места, запечатленные Левитаном <...>, обнаруживал и воспроизводил из этих сакральных точек «взгляд Всевышнего» – и потом долго корпел над иконической точностью, сверяя свой результат с репродукциями <...> автора «Вечного покоя» [3; с. 45]. Но как бы Соломин ни старался выверить с математической точностью ракурс взгляда Левитана, в картинах которого «Бог смотрит на человека через пейзаж» [3; с. 49], в его собственных пейзажах Бога не было. Не было Его и в душе героя. Соломин – только пародийный двойник художника Левитана.

Споры о Боге – один из лейтмотивов романа. Соломин воспринимает Бога как личность человека. Поэтому «<...> с Бога следует требовать пристрастно, потому что человек есть его образ и подобие, и кому, как ни человеку, вступать с Ним в диалог на равных» [3; с. 33].

Для оппонента Соломина доктора Турчина, идеолога современного анархизма, Бог своего рода суперкомпьютер, а вселенная и человек – «суть вычислительные функции, результат калькуляции» [3; с. 165]. Апелляция героя к научному знанию позволяет ему утверждать относительность познания, что и является для него показателем наличия Бога как создателя вселенского мира, который доказан современным научным знанием, но код Бога не может быть окончательно дешифрован. Для рационалиста Турчина счастье мыслится как «поиск ошибки и ее исправление» [3; с. 165]. Если человек сумеет найти ошибку в теории мира и в теории самого себя и исправить ее, иными словами, расшифрует код Бога – обретет счастье.

В логике и Соломина, и Турчина присутствуют исследованные русской классикой идеи Человечествобоя. Читаются контексты А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова. Роман пестрит отсылками к сюжетам, идеям русской классики. Такой принцип изображения, свойственный современной литературе, ставит героя не только в контекст русской классики, но и в диалог с ней, является одним из способов его самоидентификации.

Поэтика отражений расширяет смысловое пространство романа. Присутствие Левитана в сюжете уже актуализирует чеховский контекст. Известно, что Исаак Левитан и Антон Чехов были друзьями.

Отношения Соломина, Турчина, доктора Дубровина – проекция сюжета чеховской «Дуэли». Художник Соломин, не способный организовать свою жизнь и жизнь возлюбленной Кати, восходит к Лаевскому. Доктор Турчин, анархист новой формации, напоминает фон Корна.

Наркоманка Катя ассоциируется с любовницей Лаевского Надеждой Федоровной. Дубровин похож на доктора Самойленко. В «Анархистах» есть священник отец Евмений, влюбленный в Катю, в «Дуэли» – смешливый и наивный дьякон.

В романе можно обнаружить прямые текстовые сближения. Чеховская «Дуэль» открывается так: «Было восемь часов утра – время, когда офицеры, чиновники и приезжие обыкновенно после жаркой, душной ночи купались в море и потом шли в павильон пить кофе или чай» [4; с. 353]. Третья глава «Анархистов» практически повторяет начало повести: «Было восемь утра, когда к всеюгожскому пляжу – километру широкой песчаной полосы вдоль Оки – начали съезжаться первые купальщики» [3; с. 24]. Диалог Соломина и Дубровина накладывается на диалог Самойленко и Лаевского в 3-й главе «Анархистов». У Чехова: «Будем, Александр Давидыч, продолжать наш разговор... Я не буду скрывать и скажу тебе откровенно, как другу...» [4; с. 356]. У Иличевского: «Продолжаем разговор, – сказал Соломин. – Буду, Владимир Семеныч, с тобой по-дружески прям <...>» [3; с. 29].

Диалоги персонажей так или иначе транслируют чеховский текст. Лаевский спрашивает у Самойленко совета, как ему быть в ситуации, когда между ним и Надеждой Федоровной не осталось чувства. Нечто подобное происходит с художником Соломиным, который просит Дубровина разрешить его отношения с Катей. Но если Самойленко советует Лаевскому жениться, то Дубровин говорит прямо противоположное: Катю надо оставить, «отвезти куда-нибудь от греха подальше» [3; с. 37]. Соломин, как и Лаевский, мечтает убежать от нахлынувших на него проблем, и на какое-то время уединяется в лесу на берегу реки. Подобно фон Корну, Турчин говорит об опасности Соломина для общества. А Соломин, подобно Лаевскому, утверждает, Турчин живет в глуши, потому что там легче доказать свое превосходство над обывателями. Разговоры Ирины Владимировны с Катей и напоминают беседы Марьи Константиновны с Надеждой Федоровной

В интервью «Газете.ru» А.В. Иличевский признается, что А.П. Чехов ему «видится анархической фигурой», ибо главный труд чеховского героя – это душевный и умственный труд вхождения в состояние умной автономии и труд создания добровольных союзов автономных граждан. Минимальное условие вхождения в эти союзы – это как раз трудолюбие» [5]. То, что все герои «Дуэли» в финале так или иначе делают свое дело, современному автору кажется залогом счастливого будущего. «Умная автономия» составляет сущность авторского понимания смысла названия романа «Анархисты».

Турчин и Соломин в «Анархистах» тоже делают свое дело. Турчин развивает больницу, готовит экспедицию. Соломин пытается найти Бога в пейзаже. Но главные антагонисты не обретают ни

примирения, ни успокоения. Так, Турчин говорит: «Наша страна сейчас на краю пропасти. Мы на ледовитом перевале» [3; с. 260].

Дуэль у А.П. Чехова кардинально поменяла судьбы ее участников, стала «конфузной ситуацией» [6; с. 24], открывшей чеховским героям иную правду о «своем» и «чужом». Лаевский начал работать и примирился с судьбой. Фон Корен поражен случившимся и думает о том, что они могли бы теперь стать друзьями. Дуэль – взгляд в лицо смерти и вечности – открывает непредсказуемость человека, зыбкость всего того, что считалось абсолютным.

Повесть А.П. Чехова заканчивается жизнеутверждающе – верой в человека, который сумеет осилить дорогу жизни: «Лодка идет все вперед и вперед, вот уже ее и не видно, а пройдет с полчаса, и гребцы ясно увидят пароходные огни, а через час будут уже у пароходного трапа. Так и в жизни... В поисках за правдой люди делают два шага вперед, шаг назад. Страдания, ошибки и скука жизни бросают их назад, но жажда правды и упрямая воля гонят вперед и вперед. И кто знает? Быть может, доплывут до настоящей правды...» [4; с. 455]. Цель чеховского человека – неуклонно пробиваться к правде жизни, штурмуя преграды собственного «я», несомненно, близка и А. Иличевскому.

Герои романа «Анархисты» на фоне чеховских персонажей выглядят пародийно, хотя каждый по-своему пытается достичь поставленных целей. Но у них нет будущего. Они не могут сойти с «ледяного перевала», а стояние над пропастью может закончиться падением в бездну. И не потому, что поиск правды в эпоху двойных и тройных стандартов обесмыслен. Дело в самой природе современного героя. И в Соломине, и в Турчине много игры, театра, что свидетельствует о неформальности своего «я». Оно распалось в подражаниях Левитану, Чаусову. Рефлексия не способствует прорастанию новых смыслов, мысль движется по кругу. Они множат дурную бесконечность двойников героев классики. По словам В. Маканина, на «длительном пространстве XIX века мучились мыслью, как растворить свое «я» в людях», а в конце XX века, «мы только-только думаем как бы свое «я», свою индивидуальность собрать из распыленных и уже почти ничтожных крупиц» [7; с. 116].

«Конфузная» ситуация для Соломина и Турчина связана с Катей. Чувство, принимаемое ими за любовь, вряд ли таковым является. Любовь предполагает жертвенность, на которую они не способны. Ни Соломин, ни Турчин не захотят потратить на излечение Кати денег.

Образ Кати разрастается до символа блоковской России. Подобно Катьке из «Двенадцати», она и грешная, и святая. Ради дозы готова торговать телом, но отцу Евмению напоминает Богородицу. «Не было еще женщины, встреченной им в мире, чей облик так полно раскрывал для него образ Богоматери», «... чистота и открытость взгляда ее граничили с невыносимой сжигающей святостью» [3; с. 389].

Неудавшийся художник и успешный врач одинаково беспомощны в своем странном чувстве, которое не может спасти Катю, а шире – Россию на краю пропасти. Должен прийти новый герой, тот, кто освободится от голосов прошлого, мешающих расслышать собственный, кто сумеет взять на себя ответственность, для которого любовь станет трудом, а не поводом для рефлексии. Для А. Иличевского этот герой видится в облике нового мессии, ученого-художника.

Роман А. Иличевского «Анархисты», заканчивающийся гибелью главных персонажей, кажется, не оставляет современному человеку шансов в поисках правды. Но смерть – это не небытие, она представляет новую возможность бытия, как в природе умирание рождает обновление. И хотя герои гибнут физически, смысл финала звучит жизнеутверждающе.

В водах весенней реки отражается лик женщины. А значит, жизнь продолжается, предоставляя человеку новые возможности для самопознания.

Сюжетная близость «Анархистов» и «Дуэли» не исчерпывает чеховский контекст в романе.

Левитан однажды представился Соломину «гигантской прозрачной фигурой человека в сюртуке и с ружьем наперевес; у ног его вился жаворонок, за ним шла прозрачная вислоухая собака» [3; с. 192].

Мотив прозрачного гиганта – рецепция чеховского мотива вечности. Черный монах представляется Коврину поднимающимся «от земли до неба высоким черным столбом» с неясными контурами. «<...> он не стоял на месте, а двигался с страшной быстротой <...> прямо на Коврина, и чем ближе он подвигался, тем становился все меньше и яснее. Монах в черной одежде <...> оглянулся на Коврина, кивнул головой и улыбнулся ему ласково и в то же время лукаво» [8; с. 234].

Подобный образ видится Егорушке во время грозы в повести «Степь». Мальчику крестьяне с вилами покажутся древними великанами. «...за возом шли три громадных великана с длинными пи-

ками <...> То были люди громадных размеров с закрытыми лицами, поникшими головами и с тяжелой поступью. Они казались печальными и унылыми, погруженными в раздумье...» [4; с. 87].

«Прозрачный» и «черный» – слова-антонимы. Но в сознании главного героя «Анархистов» они совмещены в единое целое. Ему кажется, что «ночь соткана из прозрачности», «... смерть – ночь – она и есть такое толстое стекло, совершенно прочное, в нем ты застываешь и видишь все...» [3; с. 352]. «Прозрачный» и «черный» объединены мотивом пустоты. Катя видит мертвых прозрачными, темными объемными тенями [3; с. 349].

Соломин, пытаясь проникнуть сквозь толщу земли, сталкивается в схватке со своим черным двойником. В романе земля выступает материнской первородной стихией. Глиняный двойник Соломина – его древнейший предок, утраченное «я». Земля, хранительница векового движения природы, отталкивает современного героя, не впускает в свое лоно. Мотив пустоты дополняется мотивом оставленности. Райские по красоте приокские места, в которых разворачиваются события, осенью напоминают об аде. Но ад – это еще и то, что выбирает сам человек. Смещение смысловых доминант, света и тьмы, рая и ада определяет сознание современного героя, его мучительный поиск выхода из нравственного тупика, траектории движения [9; с. 27].

Черный монах, громадные великаны у Чехова, как черный двойник Соломина, – гости из вечности, напоминающие человеку о его первообразе.

И в «Черном монахе», и в «Степи» современный А.П. Чехову человек становится пародийным двойником древнего человека, величественный образ которого распадается в истории. За Дымовым и Егорушкой возникает образ Георгия Победоносца. Соломон – пародийный двойник ветхозаветного пророка [10; с. 129-132].

А. Иличевский продолжает традиции А.П. Чехова. Оставленный, пустой, маленький современный человек в романе «Анархисты» – двойник прозрачного гиганта. В стремлении к самореализации, возвращению своего «я», он растрчивает силы не на познание, а на повторение, что приводит его к гибели.

Умаление человека в движении веков не означает его уничтожения. У жизни своя логика, невозможность ее постижения рождает в человеке чувство метафизической вины и отчаяния. Это не делает его ни плохим, ни хорошим. Это его идентифицирует в мире природы.

Герои Чехова не находят счастья в повседневном, но выпавшие на их долю испытания воспринимают, подобно Соне Серебряковой или доктору Астрову, как должное. «<...> будем трудиться для других и теперь и в старости, не зная покоя, а когда наступит наш час, мы покорно умрем <...>», «<...> когда я прохожу мимо крестьянских лесов, которые я спас от порубки, или когда я слышу, как шумит мой молодой лес, посаженный моими руками, я сознаю, что климат немножко и в моей власти и что если через тысячу лет человек будет счастлив, то в этом немножко буду виноват и я...» [11; с. 115, с. 73].

Как пишет современный исследователь, в чеховском творчестве разлита мысль «о могучей силе инерции и цикличности, о первичности надличного жизненного (бес-)порядка по сравнению с усилениями и стремлениями индивидов. Эта вязкая, густая стихия – не просто быт, но жизненная субстанция <...> «Бытие» у Чехова «если и говорит что-то его персонажам и читателям, то тихо и невнятно, с помощью картин и явлений природы, исчезающе тонких символов, навевающих то или иное эмоциональное состояние» [12].

Герои романа «Анархисты» также не могут разгадать смысла «исчезающего тонких символов», как Соломин не понимает, о чем предупреждает его собака Лана, полная копия прозрачной вислоухой собаки, с которой предстает перед ним прозрачный Левитан. Ни Соломин, ни Турчин до конца не осознают, что связывает их с Катей и в чем ее загадка.

Отсутствие ответов на вечные вопросы бытия, авторская позиция наблюдателя, не вмешивающегося в поиск правды героями, но сочувствующего их устремлениям, верящего в то, что рано или поздно человек обретет свой путь, является отражением чеховской позиции.

Библиографический список

1. Пасечник В. Прикладная теология. Александр Иличевский. Математик. – АСТ, 2011 // Урал. 2011. № 10. URL: <http://uraljournal.ru/work-2011-10-220> (дата обращения: 02.11.2021).

2. Щербинина Ю. «Художественной правдой продолжать документальность» // Волга. 2011. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/volga/2011/5/hudozhestvennoj-pravdoj-prodolzhat-dokumentalnost.html> (дата обращения: 02.11. 2021).
3. Иличевский А. Анархисты. М.: Астрель, 2012. 410 с.
4. Чехов А.П. Сочинения в 18 т. Т. 7. М.: Наука, 1977. 733 с.
5. Лисин Д. Иличевский А. «Чехов мне видится анархической фигурой». Интервью писателя Александра Иличевского // Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/culture/2012/01/24/a_3973733.shtml (дата обращения: 20.10.2021).
6. Расторгуева В.С. Современная проза: поэтика отражений. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. 148 с.
7. Маканин В. Сюжет усреднения // Звезда. 1992. №1. С. 107-126.
8. Чехов А.П. Сочинения в 18 т. Т. 8. М.: Наука, 1977. 527 с.
9. Расторгуева В.С. А. Иличевский «Анархисты»: поэтика пространства // Казанская наука. 2020. № 12. С. 26-28.
10. Расторгуева В.С. История русской литературы второй половины XIX века (1840–1890). Часть 2. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2016. 151 с.
11. Чехов А.П. Сочинения в 18 т. Т.12-13. М.: Наука, 1978. 526 с.
12. Амусин М. «Феномен Чехова» – и другие // Урал. 2016. №4. URL: <http://uraljournal.ru/work-2016-4-1696> (дата обращения: 02.11.2021).

References

1. Pasechnik V. Applied theology. Alexander Illichevsky. Mathematician [Prikladnaya teologiya. Aleksandr Illichevskiy. Matematik]. AST, 2011 // Ural. 2011. № 10. URL: <http://uraljournal.ru/work-2011-10-220> (data obrashcheniya: 02.11.2021).
2. Shcherbinina YU. "Continuing documentary with artistic truth" ["Khudozhestvennoy pravdoj prodolzhat' dokumental'nost'"] // Volga. 2011. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/volga/2011/5/hudozhestvennoj-pravdoj-prodolzhat-dokumentalnost.html> (data obrashcheniya: 02.11. 2021).
3. Illichevskiy A. Anarchists [Anarkhisty]. Moscow, Astrel', 2012. 410 p.
4. Chekhov A.P. Works in 18 volumes [Sochineniya v 18 t.] Vol 7. Moscow, Nauka, 1977. 733 s.
5. Lisin D. Illichevskiy A. "I see Chekhov as an anarchist figure". Interview with the writer Alexander Illichevsky ["Chekhov mne viditsya anarkhicheskoy figuroy". Interv'yu pisatelya Aleksandra Illichevskogo] // Gazeta.ru. URL: https://www.gazeta.ru/culture/2012/01/24/a_3973733.shtml (data obrashcheniya: 20.10.2021).
6. Rastorguyeva V.S. Contemporary Prose: Poetics of Reflections [Sovremennaya proza: poetika otrazheniy]. Lipetsk, LGPU imeni P.P. Semenova-Tyan-Shanskogo, 2018. 148 p.
7. Makanin V. The plot of averaging [Syuzhet usredneniya] // Zvezda. 1992. №1. P. 107-126.
8. Chekhov A.P. Works in 18 volumes [Sochineniya v 18 t.] Vol. 8. M.: Nauka, 1977. 527 p.
9. Rastorguyeva V.S. A. Illichevsky "Anarchists": the poetics of space [A. Illichevskiy «Anarkhisty»: poetika prostranstva] // Kazanskaya nauka. 2020. № 12. P. 26-28.
10. Rastorguyeva V.S. History of Russian literature of the second half of the XIX century (1840-1890) [Istoriya russkoy literatury vtoroy poloviny XIX veka (1840–1890)]. Part 2. Lipetsk, LGPU imeni P.P. Semenova-Tyan-Shanskogo, 2016. 151 p.
11. Chekhov A.P. Works in 18 volumes [Sochineniya v 18 t.] Vol.12-13. Moscow, Nauka, 1978. 526 p.
12. Amusin M. "The Chekhov Phenomenon" - and others ["Fenomen Chekhova" – i drugiye] // Ural. 2016. №4. URL: <http://uraljournal.ru/work-2016-4-1696> (data obrashcheniya: 02.11.2021).

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

УДК 81'28

10.36622/AQMPJ.2021.98.10.016

*Борисоглебский филиал Воронежского
государственного университета
кандидат филологических наук, доцент кафедры
социальных и гуманитарных дисциплин
Верховых Л.Н.
Россия, г. Борисоглебск
тел. 84735461327,
e-mail: lverhovyh@mail.ru*

*Borisoglebsky branch of Voronezh State Uni-
versity
PhD, Associate Professor of the Department of
Social and Humanitarian Disciplines
Verhovych L.N.
Russia, Borisoglebsk
tel. 84735461327
e-mail: lverhovyh@mail.ru*

Л.Н. Верховых

К ИЗУЧЕНИЮ ЭТАПОВ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЛИНГВОКРАЕВЕДЕНИЯ

В статье рассматриваются актуальные вопросы современного лингвокраеведения. Цель работы состоит в описании этапов развития отечественного лингвокраеведения на основе применения методов текстологического анализа, описательного метода, отдельных приемов сравнительно-исторического метода. Автор анализирует особенности употребления лексемы *лингвокраеведение* и формулирует уточненное значение данного термина, а также предлагает определения понятий *лингвокраеведческая компетенция*, *лингвокраеведческий комментарий*. Основную часть статьи составляет характеристика научных работ лингвокраеведческого характера в России (временной интервал – с 1721 года по настоящее время). На основе анализа научной литературы автор приходит к выводу о возможности выделения следующих периодов в истории отечественного лингвокраеведения: донаучный период (с 20-х годов XVIII века до конца 40-х гг. XVIII века), ломоносовский период, или начальный научный период (с конца 40-х гг. XVIII века до конца XVIII века), начальный теоретико-лексикографический период отечественного лингвокраеведения (конец XVIII века – конец XIX века), родино-ведческий период (вторая половина XIX – вторая половина XX вв.), основной теоретико-лексикографический период развития лингвокраеведения, период развития лингвокраеведения как учебной и научной дисциплины (вторая половина XX – 20-е годы XXI века).

Ключевые слова: лингвокраеведение, этапы развития лингвокраеведения, диалектология, региональная ономастика, краеведение, текстологический анализ, описательный метод, приемы сравнительно-исторического метода.

L.N. Verkhovych

TO STUDYING THE STAGES OF DEVELOPMENT OF DOMESTIC LINGUISTIC REGIONAL STUDIES

The article deals with topical issues of modern linguistic studies. The purpose of the work is to describe the stages of development of Russian linguistic and ethnographic studies based on the use of methods of textological analysis, descriptive method, and individual techniques of the comparative historical method. The author analyzes the features of the use of the lexeme *linguistic studies* and formulates the clarified meaning of this term, and also proposes definitions of the concepts of *linguistic studies competence*, *linguistic studies commentary*. The main part of the article is the characteristic of scientific works of linguistic local lore character in Russia (time interval - from 1721 to the present). Based on the analysis of scientific literature, the author comes to the conclusion that it is possible to distinguish the following periods in the history of Russian linguistic studies: the pre-scientific period (from the 20s of the 18th century to the end of the 40s of the 18th century), the Lomonosov period, or the initial scientific period (from the end 40s of the 18th century to the end of the 18th century), the initial theoretical and lexicographic period of Russian linguistic studies (late 18th century - late 19th century), homeland studies (second half of the 19th - second half of the 20th centuries), the main theoretical and lexicographic period of development linguistic studies, the period of development of linguistic

studies as an educational and scientific discipline (the second half of the XX - 20s of the XXI century).

Keywords: linguistic studies, stages of development of linguistic studies, dialectology, regional onomastics, study of local lore, textological analysis, descriptive method, techniques of the comparative historical method.

В современной лингвистике практически все исследования по региональной ономастике и диалектологии выполнены в лингвокраеведческом аспекте, предполагающем изучение региональных языковых единиц на краеведческой основе. Обращение лингвистов к историческим документам, историко-культурным, географическим, этнографическим данным, подтверждающим или опровергающим то или иное языковое явление, дает возможность говорить о высокой объективности выводов, сделанных в научной работе.

В отечественном языкознании и методике обучения русскому языку лингвокраеведческая тематика становится все более актуальной и обширной, поэтому приходится рассматривать как теоретические [1; 2, 3, 4; 5, 6, 7, 8, 9; 10; 11; 12,13; 14 и др.], так и сугубо прикладные вопросы лингвокраеведения [15; 16, 17; 18; 19; 20; 21, 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31, 32 и др.].

Несмотря на кажущуюся полноту анализа проблем лингвокраеведения, в лингвистике остается неизученным вопрос об этапах развития лингвокраеведения в России.

Цель данной работы – рассмотреть и описать этапы развития отечественного лингвокраеведения. Основными методами исследования являются текстологический анализ, описательный метод, отдельные приемы сравнительно-исторического метода.

Под лингвокраеведением (лингвистическим краеведением) мы понимаем комплексную лингвистическую науку, изучающую особенности языка какого-либо края с учетом и на основе данных краеведения, а также учебный предмет, изучающий эту науку (ср.: *лингвистическая география* – раздел языкознания, изучающий территориальное распространение языковых явлений [33, с. 268]). Лингвокраеведение также обозначает научное и образовательное направление, совокупность знаний о языковых особенностях того или иного края и процесс получения этих знаний. В современном научном узусе мы отмечаем функционирование лексемы *лингвокраеведение* именно в таких значениях, отдавая себе отчет в том, что произошла корректировка семантики, и в настоящее время семы «любительский» в значении данного слова нет. Если мы говорим о лингвокраеведении в рамках школьной программы, о школьном лингвокраеведении, то здесь присутствует упрощенная система изучения языковых единиц. Даже если мы будем говорить о деятельности краеведа-любителя, использующего в своей работе исторические источники, документы, местные газеты, литературу и т.д., то это будет уже начальный уровень научно-исследовательской работы.

Что же касается соотношения терминов *лингвокраеведение* и *лингворегионоведение*, то здесь нужно понимать, что лингворегионоведение рассматривается как область культурологического знания и актуального научно-прикладного направления [11, с. 109–110],

В настоящее время лингвокраеведческий аспект изучения языковых единиц понимается уже, чем лингвострановедческий (лингвокраеведение рассматривается как часть лингвострановедения в широком понимании этого термина), а между тем общепринято, что лингвострановедение – учебная и научная дисциплина, аспект в практическом курсе иностранного языка [34, с. 128]. Применительно к значению «аспект в практическом курсе иностранного языка» *лингвострановедение* употребляется в узком понимании термина. В методике обучения русскому языку как иностранному широко употребляются и термины *лингвострановедческая компетенция*, *лингвострановедческий комментарий* [34, с. 128].

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров характеризуют лингвострановедение как дисциплину, которая «занимается изучением языка с точки зрения его культуроносной функции» прежде всего в рамках русского языка как иностранного [35, с. 9]; «в лингвострановедении изучаются приемы и способы включения ознакомительно-познавательного потенциала языка в процесс преподавания этого языка иностранцам...» [35, с. 9]. Термин «лингвострановедение» соотносится с зарубежным понятием *культурная грамотность* [36].

Отметим, что применительно к методике изучения русского языка и русского родного языка целесообразно использовать термин *лингвокраеведение*. В словарь лингвистических терминов и новые методические словари и справочники должны быть включены такие понятия, как *лингвокраеведение* (как научная и учебная дисциплина), *лингвокраеведческая компетенция*, *лингвокраеведческий комментарий*.

Предлагаем следующие формулировки указанных понятий. *Лингвокраеведческая компетенция* – знание лингвистических особенностей языка региона, связанных с историей, культурой, географией, этнографией и другими особенностями края, способность обучающегося устанавливать взаимосвязь региональных языковых единиц и данных краеведения, готовность изучать региональные особенности языка с учетом и на основе краеведческих данных.

Лингвокраеведческий комментарий – пояснительные замечания о связи тех или иных особенностей языка региона с историей, культурой, географией, этнографией и другими особенностями края.

Отметим, что лексемы *край* и *регион* рассматриваются нами как синонимы (ср.: *край* – страна, область, местность (четвертое значение); в России: крупная административно-территориальная единица: *Краснодарский край*, *Приморский край* и др. (пятое значение) [37]; *регион* (от лат. *regio, regionis* – область) – обширный район, группа соседствующих стран или территорий, объединенных по нескольким признакам (географическим, экономическим, политическим) [37]).

Рассмотрим основные этапы лингвокраеведческих исследований, лингвокраеведческой деятельности в России. Под лингвокраеведческой деятельностью мы понимаем прежде всего изучение региональных особенностей языка с учетом и на основе краеведческих сведений.

Наиболее ранними являются записи местных лексем, как диалектных слов, так и онимов, в древнейших исторических и историко-географических источниках, летописях, однако здесь речь идет только о фиксации лексем. Значительное число местных названий содержится в «Дозорной книге» (1615), «Книге Большому чертежу», составленной в 1627 году, писцовых, переписных книгах, топографо-географических описаниях. Характеристика воронежской топонимии в древних исторических источниках дана в работе С. А. Попова [27, с. 9–20].

Первоначальное целенаправленное изучение регионов России относится к Петровской эпохе, когда были предприняты масштабные по тем временам (да и сегодняшним тоже), имеющие государственное значение экспедиции с целью изучения и описания географии, истории, этнографии Российского государства (в первую очередь изучались регионы Сибири, Камчатки, см., например, описание Второй Камчатской экспедиции у Г.Ф. Миллера [38, с. 53]).

В работах Д.Г. Мессершмидта встречаются записи, касающиеся отдельных аспектов употребления языков местных племен (записи были сделаны, по-видимому, в 1721 г.) [39].

Путевые описания Г.Ф. Миллера, составленные в ходе Второй Камчатской экспедиции, включают не только разнообразные материалы по географии, истории, экономике, торговле, этнографии, традиционной народной культуре, но и лингвистике обследуемых районов (Кузнецкий, Томский уезды Тобольской провинции, Енисейский, Красноярский уезды Енисейской провинции, Селенгинский, Нерчинский уезды Иркутской провинции и др.) [40]. В качестве программы описания истории и географии российских городов использовалась созданная Г.Ф. Миллером в 1734 г. анкета, которая в дальнейшем совершенствовалась. В данной анкете косвенно затрагивались и вопросы, связанные с употреблением местных названий. В научном сообществе высказывались предположения о том, что миллеровская анкета была составлена на основе «вопросных пунктов» В.Н. Татищева, однако Д.Я. Резун полагает, что, составленные почти одновременно, в 1734 году, анкеты отличаются по содержанию, и, следовательно, «вопросные пункты» Г.Ф. Миллера 1734–1742 гг. самостоятельны [41].

Полученные лингвокраеведческие сведения, сопровождавшие основные естественно-научные описания, были отрывочными, второстепенными и не носили научного характера в полной мере.

Важной в лингвокраеведческом аспекте явилась деятельность В.Н. Татищева, разработавшего подробные «вопросные пункты» (1734–1736) для всестороннего описания городов России. Значительная часть вопросов анкеты была этнографической и предполагала описание народов. Отдельные пункты прямо касались языка народов, проживающих на данной территории, и местных названий. В качестве примера приведем только один такой вопрос: «како древние звания тех мест наперед сего было... <...>. Тако ж и провинциям многим древние имена находятся. Имяна некоторых поль и урочищ, ежели в гистории коего либо рода обстоятельства памятны для учинившейся битвы или съезда, яко Куликово поле от Мамаева поражения, или иным чим заняты, от известей и положения описать» [42, с. 79]. Также, например, в ответах на «вопросные пункты» В.Н. Татищева содержалось описание языка вогулов (район рек Тагил, Тура, Чусовая) [43, с. 49].

Т.С. Киссер указывает на то, что анкеты В.Н. Татищева были обширны, возможно, поэтому ученому не в полной мере удалось собрать желаемый географо-историко-этнографический материал: «Схема Татищева, представленная в его анкете, более подробна и детальна, чем у Миллера или у ав-

тора первого этнографического свода народов России И.Г. Георги. Татищев планировал получить ответы на данные вопросы, но их обилие и разрозненность стали причиной отсутствия таковых практически наполовину» [43, с. 50].

Следует сказать и о научном значении работы В.К. Третьяковского «Разговор между чужеземным человеком и российским об орфографии старинной и новой и о всем что принадлежит к сей материи» (1748) для лингвострановедения. В своем труде В.К. Третьяковский обращает внимание читателя на отдельные диалектные особенности произношения звуков [44, с.54, 63, 159], что в дальнейшем позволило М.В. Ломоносову развить идеи ученого в «Российской грамматике».

Л.А. Климкова совершенно справедливо отмечает: «Отечественная филология, возникнув в XVIII веке, начавшись трудами В.К. Третьяковского, М.В. Ломоносова, Словарем Академии Российской (1789–1794), блестяще, чрезвычайно продуктивно продолжилась в XIX, затем в XX веке...» [4, с.92].

Основы *научного* изучения русского языка, региональных вариантов языка русского народа связаны с деятельностью выдающегося ученого М.В. Ломоносова, который впервые на русском языке осуществил научное описание отечественного языка в «Российской грамматике», при характеристике языковых единиц обращалось внимание и на региональные языковые особенности. М.В. Ломоносов предложил классификацию диалектов русского языка (московский, северный, украинский) [45, с. 52].

С 1758 года, когда М.В. Ломоносову было поручено Академией наук «в особое смотрение Географический департамент», ученый занимается вопросами создания нового «Российского атласа», для подготовки которого и разрабатывает географические вопросы [46, с.721–722].

Географические «запросы, которыми требуются в имп. Академию наук географические известия из всех городов во всех губерниях и провинциях Российского государства для сочинения вновь исправнейшего «Российского атласа» в оной Академии», содержавшие в 1759 году 13 пунктов историко-географического характера [46, с. 195–196] по мере совершенствования стали включать 30 вопросов (1760), среди которых три вопроса включали формулировку «и как называют», то есть касались и лингвострановедческой составляющей [46, с. 203], не считая при этом и остальных географических вопросов, которые предполагали запись топонимов и микротопонимов. Отметим при этом, что сбор информации по географическим «запросам» должен был осуществляться с помощью расспросов местных жителей, «знающих обывателей городских и лучших крестьян» [46, с. 199], что еще раз подчеркивает краеведческий характер проводимой работы.

В конце XVIII – начале XIX вв. развитие лингвострановедческого направления изучения языка отмечено процессом дифференциации научных исследований. При основном лингвистическом или историко-географическом аспекте описания предметом научного исследования становились и единицы диалектологии и региональной ономастики (безусловно, такие работы символизируют истоки развития указанных наук, получивших научный статус и место в системе лингвистики значительно позже).

На рубеже XVIII–XIX вв. интегративным характером исследований (история, география, лингвистика и др.) отличались научные работы Е.А. Болховитинова – образованнейшего человека своего времени, епископа Русской православной церкви, митрополита Киевского и Галицкого, историка, археографа, библиографа. Е.А. Болховитиновым написано значительное число научных трудов, среди которых ««Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии»» 1800 года, «О личных собственных именах у славяно-руссов» (1813). 20 декабря 1826 года Е.А. Болховитинов был избран почетным членом РАН [47].

В работе «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии» Е.А. Болховитинов впервые рассматривает воронежские микротопонимы и топонимы, автор объясняет названия местными историко-географическими и этнографическими данными. Приведем пример таких описаний.

«Пушкарская слобода, где ныне Богоявленская церковь, названа так от выселенных в старину там пушкарей»; «Попов рынок на Акатове близ Петрово-Павловской церкви, прозван так сперва от нескольких торговых съестных лавок, выстроенных по бывшей улице, на коей сряду жили три попа: Онуфриевской, Петро-Павловской и губернатора Пушкина»; «Чернавской балк или балчуг, то есть яр, лежит близ Тихвино-Онуфриевской церкви и простирается к реке на полверсты. Он в старых грамотах именован Черным логом по причине великого дубового по нем и над ним росшего лесу. Есть предание, что там были и пещеры разбойничьи. При государе Петре Великом лог сей начал быть более известен под именем Чернавского балка, против его над рекою страивались суда» и др. [48, с. 81].

Е.А. Болховитиновым зафиксировано значительное число воронежских топонимов и микропонимов: *Площадь, Беломестная, Пушкарская слобода, Попов рынок, Чернавской балк, Стрелецкой лог или лоск, или балк*; предместья Воронежа и уездных городов: *Акатова, Чижовка, Ближняя Чижовка и Дальняя Чижовка, Ямская Слобода, Гусиная слободка, Придача*, слободка Гумны (близ Чижовского поля), слобода *Троицкая, Усмань, Собакина Усмань, Верхняя Хава, Хава* (три названия), *Хава Рождественская, Хава Новоуспенская, Хава Казанская, Правая Хава, Крепость на Осереде, Шипов лес, Большой шлях* и др. [48, с. 81–86, 104, 105, 111, 123].

Также в работе Е.А. Болховитинова впервые составлен словарь микропонимов Воронежского края и важных для истории края именованных известных людей под названием «Роспись материй, содержащихся в описании Воронежской губернии» [48, с. 221–228]. Подробное описание просветительской деятельности Е.А. Болховитинова дано в [49].

Лингвокраеведческие исследования в конце XVIII – XIX вв. пополнились лексикографическими трудами, включавшими областную лексику: «Словарем Академии Российской» (1789–1794), «Словарем Академии Российской, по азбучному порядку расположенным» (1806–1822), «Опытом областного великорусского словаря» (1852), в работе которого принимали участие И.И. Срезневский, А.В. Востоков, М.А. Коркунов и другие ученые, ценными словарями В.И. Даля (1863–1866), Ф.М. Пискунова (1882), включавшими диалектные слова, ономастическими словарями М.Я. Морошкина (1867), А. Соколова (1891), составленными на основе местных исторических источников, капитальным трудом И.И. Срезневского (1890–1912), отражавшим и народную лексику; научными работами А.А. Потебни, А.И. Соболевского, А.А. Шахматова, В.И. Чернышова и мн. др.

Лингвокраеведческая деятельность ученых XIX – конца XX вв. рассматривается Л.А. Климковой [4].

Отдельные научные работы, выполненные в русле современного лингвокраеведения, отмечены нами выше, в начале статьи. Здесь укажем только самые важные моменты современного языкознания, связанные с лингвокраеведением: становление региональной ономастики как учебной и научной дисциплины [см.: 1; 6; 7; 8; 10; 13; 14; 20; 50; 51; 52; 53 и др.]; развитие этнолингвистики – раздела языкознания или – шире – направления в языкознании, «ориентирующего исследователя на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции...» [54, с. 19] (предметом изучения этнолингвистики выступает язык в его соотношении с народом, место языка и его роль в обществе [55]); выполнение значительного числа научных работ в рамках лингвокраеведческого направления (изучение диалектной лексики, региональных ономастиконов, этнолингвистики отдельных языковых систем с привлечением или на основе краеведческого материала – подготовка диссертаций, монографических и лексикографических трудов).

Отметим здесь только отдельные, преимущественно лексикографические, исследования ученых, понимая при этом, что подобный список может быть крайне обширным, поскольку в российской лингвистике представлено значительное число работ, выполненных с привлечением или на основе краеведческого материала, имеющих огромную научную ценность и представляющих собой результат самоотверженного, кропотливого, подвижнического труда лингвистов современности:

в области диалектологии: «Словарь русских народных говоров», т. 1–51– (ИЛИ РАН, гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников, 1965–), «Лексический атлас русских народных говоров (ЛАРНГ)», т. 1. Растительный мир (ИЛИ РАН, Институт славяноведения РАН, отв. ред. Т.И. Вендина, 2017), «Словарь смоленских говоров», т.1–11. (науч. ред. А.И. Иванова, 1975–2005), «Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия», т.1–8 (1976–2006, сост. Э.С. Большакова и др.), «Словарь вологодских говоров. Учебное пособие по русской диалектологии», т.1–12 (науч. ред. Т.Г. Паникаровская, Л.Ю. Зорина, 1983–2007), «Словарь говоров Карелии и сопредельных областей» (гл. ред. А.С. Герд, 1994– 2005), «Словарь пермских говоров» (науч. ред. А.Н. Борисова, К.Н. Прокошева, 2000–2002), «Словарь говоров Русского Севера», т. 1–6– (гл. ред. А.К. Матвеев, М.Э. Рут; авт.-сост. Ю.В. Алабугина, И.И. Бакланова, Е.Л. Березович и др., 2001–), «Словарь воронежских говоров», т. 1–3– (науч. ред. Г.Ф. Ковалев, 2004, 2007, 2019 –), «Словарь донских говоров Волгоградской области», т. 1–6 (авт.-сост. Е.В. Брыкина, Р.И. Кудряшова, В.И. Супрун, 2006–2009), «Словарь украинских говоров Воронежской области» М.Т. Авдеевой, т.1–2 (2008, 2012), «Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями) В.И. Дьяковой, В.И. Хитровой (2009), «Словарь русских говоров севера Пермского края», т.1– (гл.

ред. И.И. Русинова, 2011), «Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия» Т.В. Михалевой, Р.В. Семенковой, Л.К. Чикиной (2013), «Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи» Н.С. Ганцовой (2015), «Словарь вологодского режского говора» (науч. ред. Л.Ю. Зорина, 2017) и др.;

в области ономастики и региональной ономастики: «Словарь русских фамилий» В.А. Никонова (1993), «Русская ономастика и ономастика России. Словарь» (под ред. акад. РАН О.Н.Трубачева, 1994), «Фамилии Тамбовской области: Словарь-справочник», т. 1–8 (общ. ред. Л.И. Дмитриева, сост. Л.И. Дмитриева, А.С. Щербак, 1998–2003), «Словарь современных русских фамилий» И.М. Ганжиной (2001), «Ономастика Тамбовской области. Опыт энциклопедии» Л.И. Дмитриевой, А.С. Щербак (2001–2002), «Топонимический словарь Центральной России: Географические названия» Г.П. Смолицкой (2002), «Словарь пермских фамилий» Е.Н. Поляковой (2005), «Словарь фамилий Смоленского края» И.А. Королевой (2006), «Микротопонимический словарь Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурское междуречье)» Л. А. Климковой (2006), «Микротопонимия Воронежской области. Словарь» Г.Ф. Ковалева (2007), «Названия населенных пунктов Центрального Черноземья: словарь» А.С. Щербак, А.А. Бурыкина (2013), «Словарь микротопонимов Воронежской области» Г.Ф. Ковалева, т. 1–2 (2017), «Топонимия Воронежского Края» С.А. Попова, Т.Ф. Пуховой, Е.А. Грибоедовой (2018) и мн. др.;

отдельные исследования в области этнолингвистики: «Язык и народная культура. Очерки по славянской этнолингвистике» Н.И. Толстого (1995), «Славянские древности. Этнолингвистический словарь», т. 1–5 (под общ. ред. Н.И. Толстого, 1995–2014)», «Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте» Е.Л. Березович (2000), «Этнографические связи календарных песен. Встреча весны в обрядах и фольклоре восточных славян» Т.А. Агапкиной (2000), «Мифы финно-угров» В.Я. Петрухина (2003), «Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия» А.С. Герда (2005), «Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции» О.В. Беловой (2005), «Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования» Е.Л. Березович (2007), «Славянская мифология. Энциклопедический словарь» (отв. ред. С.М. Толстая, 2011), «Семантические категории языка культуры. Очерки по славянской этнолингвистике» С.М. Толстой (2011), «Восточнославянские этимологические сказки и легенды. Энциклопедический словарь» (под общ. ред. Г.И. Кабаковой, 2019), «Мир человека в зеркале языка: Очерки по славянскому языкознанию и этнолингвистике» С.М. Толстой (2019), «Дерева в славянской народной традиции. Очерки» Т.А. Агапкиной (2019) и др.

Этапы развития отечественного лингвокраеведения тесно связаны с историей краеведения в России. Особенности развития исторического краеведения описаны А.И. Пашковым, выделяющим следующие основные вехи в истории краеведения в России: середина и вторая половина XVIII в. – зарождение историко-научного изучения своего края; 1861 – 1917 гг. – развитие краеведческих исследований; с конца 1920-х гг. – прекращение краеведческой деятельности в связи с репрессиями на краеведов; середина 1980-х гг. – возрождение краеведения как массового общественного движения; конец 1980-х гг. – начало 1990-х гг. – создание краеведческих обществ и организаций, публикация краеведческих работ; конец 1990-х гг. – подъем краеведческого движения, научных краеведческих исследований (в 1996–1997 гг. на базе Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета были созданы Центр исторического краеведения и москвоведения и кафедра региональной истории и краеведения; в 2002 г. был образован межвузовский центр «Новая локальная история») [56, с. 45–57].

На основании анализа научной, краеведческой литературы представим основные этапы развития отечественного лингвокраеведения.

1. Донаучный период (с 20-х годов XVIII века до середины XVIII века). Предпосылки для развития краеведения и лингвокраеведения в России. Фрагментарные записи языковых особенностей края в ходе топографо-историко-географических описаний: деятельность Д.Г. Мессершмидта, Л.Делиля де ла Кройера, Г.Ф. Миллера. Здесь особо отметим деятельность русского ученого, историка, географа В.Н. Татищева, который составил обширный список историко-географических «вопросных пунктов», включавших и лингвокраеведческие вопросы.

2. Ломоносовский период, или начальный научный период (с конца 40-х гг. XVIII века до конца XVIII века). Истоки научного лингвокраеведения в России. Труд В.К. Тредиаковского «Разговор между чужестранным человеком и российским...» в котором рассматриваются вопросы правописания в связи с особенностями регионального произношения; разработка М.В. Ломоносовым «Россий-

ской грамматики» с учетом региональных особенностей языка, классификация российских диалектов; с целью создания «Российского атласа» организация работы всероссийского масштаба по сбору топографо-историко-географической информации (географические «запросы»), включавшей и лингвокраеведческие сведения.

3. *Начальный теоретико-лексикографический период отечественного лингвокраеведения* (конец XVIII века – конец XIX века).

А) Начальный период дифференциации диалектных и региональных ономастических исследований (конец XVIII – начало XIX в.) – научный труд Е.А. Болховитинова, издание «Словаря Академии Российской» (1789–1794), «Словаря Академии Российской, по азбучному порядку расположенного» (1806–1822).

Б) Развитие теоретической и лексикографической диалектологии (начало XIX века – конец XIX века). Начальный период создания словарей областной лексики.

4. *Родиноведческий период* (вторая половина XIX – вторая половина XX вв.). Обоснование необходимости изучения родного языка на народной основе. Возникновение понятия *родиноведение*. Работы К.Д. Ушинского, Ф.И. Буслаева, Н.Ф. Бунакова, П.Ф. Каптерева. Внедрение краеведения, в том числе и его лингвокраеведческой разновидности, в школьную практику преподавания гуманитарных дисциплин.

5. *Основной теоретико-лексикографический период развития лингвокраеведения. Период развития лингвокраеведения как учебной и научной дисциплины* (вторая половина XX – 20-е годы XXI века). Становление ономастики как научной дисциплины, в том числе и региональной ономастики, составляющей вместе с диалектологией лингвистическую базу лингвокраеведческих исследований. Формирование Московской этнолингвистической школы. Описание сущности лингвокраеведения (теоретическая база, цели, задачи, методы, принципы лингвокраеведческой работы и др.) в работах В.Д. Бондалетова, Л.А. Климковой, Г.Ф. Ковалева, Т.В. Майоровой, Е.Н. Поляковой, С.А. Попова, В.И. Супруна, Т.В. Шмелевой, А.С. Щербак, регионоведения – Т.Ф. Новиковой и др. Издание научных трудов и учебных пособий по лингвокраеведению, смежным дисциплинам. Создание диалектных, региональных ономастических и этнолингвистических словарей.

В результате проведенного исследования нами были выделены следующие этапы развития отечественного лингвокраеведения: донаучный период (с 20-х годов XVIII века до конца 40-х гг. XVIII века), ломоносовский период, или начальный научный период (с конца 40-х гг. XVIII века до конца XVIII века), начальный теоретико-лексикографический период отечественного лингвокраеведения (конец XVIII века – конец XIX века), родиноведческий период (вторая половина XIX – вторая половина XX вв.), основной теоретико-лексикографический период развития лингвокраеведения, период развития лингвокраеведения как учебной и научной дисциплины (вторая половина XX – 20-е годы XXI века).

Библиографический список

1. Климкова Л.А. Региональная ономастика. Учебное пособие к спецкурсу. Горький: ГГПИ им. Горького, 1985. 97 с.
2. Климкова Л.А. Лингвокраеведение: объем, содержание, значимость // Русское слово и костромской край: сборник статей / отв. ред. Н.С. Ганцовская, О.Н. Крылова. СПб: Нестор-История, 2013. С.457–465.
3. Климкова Л.А. Лингвокраеведческая работа: состояние, динамика, перспективы // Вестник Костромского государственного университета им. Некрасова. 2014. №6. С. 182–185.
4. Климкова Л.А. Лингвокраеведение в отечественном научном и образовательном пространстве // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т.23. Специальный выпуск. С.92–96.
5. Ковалев Г.Ф. Инструкция по собиранию регионального ономастического материала // Край Воронежский: история и традиции. Межвузовский студенческий сборник. Воронеж, 1996. Вып. I. С. 64–65.
6. Ковалев Г. Ф. Ономастические исследования и изучение родного края // Воронежское лингвокраеведение : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1. / науч. ред. проф. Г. Ф. Ковалев. Воронеж : ВГУ, 2005. С. 3–23.

7. Ковалев Г.Ф. Региональная ономастика в составе диалекта региона (Воронежская область) // Актуальные проблемы русской диалектологии. М.: Ин-т русск. языка РАН, 2006. С. 92–94.
8. Ковалев Г.Ф. Избранное. Этнонимика. Воронежское лингвокраеведение. Разное. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2014. 440 с.
9. Ковалев Г.Ф. Изучение ономастики в школе как межпредметная интеграция на уроках русской словесности // Русский язык в школе. 2017. №12. С. 22–28
10. Намитокова Р.Ю. Региональная ономастика. Учебно-методическое пособие. Майкоп: Изд-во АГУ, 2005. 54 с.
11. Новикова Т.Ф. К проблеме изучения языка региона // Научно методический журнал. Харьков: ХНПУ, 2009. №41. С.107–113. URL.: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/761/1/Novikova_Problem.pdf (дата обращения 26.08.2021)
12. Супрун В.И. Краеведческая ономастика // Духовная культура: проблемы и тенденции развития. Всероссийская научная конференция 11–14 мая 1994 г. Тезисы докладов. Лингвистическое изучение материальной и духовной культуры. Сыктывкар, 1994. С. 142–144
13. Супрун В.И. Лингвокультурологическая и лингвокраеведческая составляющие современного ойконимического словаря // Ономастика Поволжья: материалы XIV Международной научной конференции (Тверь, 10–12 сент. 2014 г.) / Под. ред. И.М. Ганжиной, В.И. Супруна. Тверь: Изд-во Марины Батасовой; Альфа-Пресс, 2014. С. 41–44.
14. Щербак А.С. Ономастика и краеведение // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований: коллективная монография / Науч. ред. В.И. Супрун, С.И. Ильясова. Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2017. С.183–200.
15. Брысина Е.В., Супрун В.И. Преподавание русского языка в условиях южнорусского диалекта // Русский язык в школе. 2017. №6. С. 27–31
16. Верховых Л. Н. Лингвокраеведение в школе: учеб. пособие. Воронеж : Воронеж. гос. пед. ун-т, 2017. 255 с.
17. Верховых Л.Н. Лингвокраеведческая работа на уроках русского языка и русского родного языка как способ активизации познавательной деятельности обучающихся // Русский язык в школе. 2021. Т. 82. №4. С. 21–30.
18. Горбаневский М.В. Слово – история – культура: вопросы и ответы для школьных олимпиад, студенческих конкурсов и викторин по лингвистике и ономастике / М.В. Горбаневский, В.О. Максимов, А.С. Щербак; отв. ред. Р.А. Агеева. Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2014. 162 с.
19. Карасева Т.В. Спецкурс «Воронежское лингвокраеведение» на филологическом факультете ВГУ // Родной язык: проблемы теории и практики преподавания: Материалы II Международной научно-методической конференции (Борисоглебск, 19–20 октября 2009 г.) / Под ред. Е.В. Борисовой, М.В. Шамановой. Борисоглебск, 2009. С.158–160.
20. Климкова Л.А. Диалектолого-ономастическая работа в вузе и школе. Арзамас: АГПИ, 1988. 91 с.
21. Ковалев Г.Ф. Микротопонимия Воронежской области. Словарь. Воронеж: ВГУ, 2007. 408 с.
22. Ковалев Г.Ф. Словарь микротопонимов Воронежской области: в 2-х т. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2017. Т.1. 410 с. Т. 2. 420 с.
23. Кульпинов Ю.А. Лингвистическое краеведение на уроках русского языка в V классе // Русский язык в школе. 2009. №2. С. 18–19; то же: URL: <http://naukarus.com/lingvisticheskoe-kraevedenie-na-urokah-russkogo-yazyka-v-v-klasse> (дата обращения 29.10.2021)
24. Лыжова Л.К. Организация лингвокраеведческой работы с использованием экскурсий // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: материалы III всерос. науч.-практ. конф. (Воронеж, 29–30 ноября 2005 г.). Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. пед. ун-та, 2005. Ч.III. С. 309–310.
25. Моисеев А.П. Топонимическое краеведение. Челябинская область: (лингвистическое). Челябинск: Абрис, 2013. 156 с.
26. Огдонова Ц.Ц. Лингвистическое краеведение: учебное пособие. Иркутск: Изд-во «Аспринт», 2016. 170 с.
27. Попов С.А. Ойконимия Воронежской области в системе лингвокраеведческих дисциплин. Воронеж : Изд. Дом Алейниковых, 2003. 285 с.
28. Смирнова О.В. Лингвокраеведческая работа в школе (на примере работы лингвокраеведческого кружка Русановской СОШ Терновского района Воронежской области) // Проблемы изучения

живого русского слова на рубеже тысячелетий: Материалы V международной научно-практической конференции. Воронеж: ВГПУ, 2009. С. 354–359.

29. Филатова В.Ф., Шаталова Т.И. Программа курса «Лингвистическое краеведение. I часть» // Педагогическое регионоведение. Научно-методический журнал. 2016. №2(10). С.64–77.

30. Шатунова Л.В. Использование лингвистического краеведения в подготовке учителя начальных классов: учебно-методическое пособие для студентов по специальности 050708 (031200) – «Педагогика и методика начального образования». Москва: Компания Спутник+, 2007. 94 с.

31. Щербак А.С. Лингвокраеведение Тамбовской области [Электронный ресурс]: электронное учебное пособие для бакалавров и магистрантов по направлению «Филология», «Отечественная филология (русский язык и литература)» и для иностранных студентов-филологов. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015.

32. Щербак А.С., Бурькин А.А. Названия населенных пунктов Центрального Черноземья: словарь. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. 355 с.

33. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.

34. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.

35. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. 246 с.

36. Hirsch E.D. Jr. Cultural Literacy: What Every American Needs to Know. With an Appendix: What Literate Americans Know. Boston: Houghton, Mifflin, 1987. 251 с.

37. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998 – 2014 // Грамота. ру. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения 26.09.2021)

38. Материалы для истории Императорской академии наук. Т.6: История Академии наук Г.-Ф. Миллера: с продолжениями И-Г. Штриттера: (1725–1743). СПб.: тип. Императорской акад. наук., 1890. 635 с. (на немецком языке).

39. Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. T.1: Tagebuchaufzeichnungen, 1721–1722 / Herausgegeben von W. Steinitz und A.V. Topčiev. Berlin: Akademie-Verlag, 1962. 380 S. URL: http://anar.spb.ru/rus/doc_publ/id/423/ (дата обращения 21.10.2021).

40. История Сибири. Первоисточники (архивы Г.Ф. Миллера) URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller_4/pred.phtml?id=10279(дата обращения 30.10.2021).

41. Анкеты Г.Ф. Миллера 1734–1742 как источник по истории освоения Сибири. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller/frametext8.htm> (дата обращения 27.10.2021)

42. Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. М.: Государственное издательство географической литературы, 1950. 248 с.

43. Киссер Т.С. «Анкета» В.Н. Татищева в контексте становления российского народоведения XVIII в. // Одиннадцатые Татищевские чтения: материалы всерос. науч-практ. конф. (г.Екатеринбург, 18–19 нояб. 2015 г.) / отв. ред. Г.Е. Корнилов. Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2015. С.48–51

44. Тредиаковский В.К. Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и о всем что принадлежит к сей материи. СПб.: Имп. Академия наук, 1748. 406 с. URL: https://books.google.ru/books?id=k3VpAAAACAAJ&printsec=frontcover&source=gbs_atb&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения 30.10.2021)

45. Ломоносов М.В. Российская грамматика. СПб.: Имп. Академия наук, 1755. 210 с.

46. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М.–Л.: Издат-во Академии наук СССР, 1955. Т. 9. Служебные документы. 1742–1765. 1018 с.

47. Болховитинов Евфимий Алексеевич (епископ Евгений). URL: <https://www.isaran.ru/?q=ru/person&guid=3C30A116-46A5-923B-A31F-151791236346&str=%D0%B1%D0%BE%D0%BB%D1%85%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2%20%D0%B5.%D0%B0> (дата обращения 30.10.2021).

48. Болховитинов Е.А. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. Воронеж: типография Губернского правления, 1800. 228 с.

49. Ключкова М.Ю. Митрополит Евгений (Болховитинов) в контексте русского просветительства. Дисс.... канд. ист. наук: 07.00.02 – отечественная история. Москва: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2020. 356 с.

50. Попов С.А. Региональная ономастика // Борисоглебское Прихоперье: Учебно-методическое пособие по курсу специализации 032909 – Литературное и лингвистическое краеведение. Борисоглебск: БГПИ, 2003. С.76–89.

51. Щербак А.С. Проблемы изучения региональной ономастики. Ономастикон Тамбовской области: Монография. Тамбов: Изд-во ТГУ им.Г.Р. Державина, 2006. 293 с.

52. Полякова Е.Н. Региональная лексикология и ономастика: Материалы для самостоятельной работы: Учеб. пособие. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2006. 256 с.

53. Гордова Ю.Ю. Лингвистические проблемы региональной ономастики в исторической перспективе (на материале рязанской топонимии и антропонимии): автореф.... докт. филол. наук: 10.02.21 – прикладная и математическая лингвистика. М.: Институт языкознания Российской академии наук, 2018. 46 с.

54. Толстой Н.И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Толстой Н.И., Толстая С.М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 19–31.

55. Герд А.С. Введение в этнолингвистику: учебное пособие. СПб.: Языковой центр СПбГУ, 1995. 91 с.

56. Пашков А.И. Историческое краеведение конца XVIII – начала XX в. как социокультурное и историографическое явление (на примере Карелии) // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Региональная история. Краеведение». 2012. №6(86). С.45–57.

References

1. Klimkova L.A. Regional onomastics. Textbook for the special course. Gorky: GGPI im. Gorky, 1985. 97 p.

2. Klimkova L.A. Linguistic studies: volume, content, significance // Russian word and the Kostroma region: collection of articles / otv. ed. NS. Gantsovskaya, O. N. Krylov. Saint Petersburg: Nestor-History, 2013. pp. 457–465.

3. Klimkova L.A. Linguistics work: state, dynamics, prospects // Bulletin of the Kostroma State University. Nekrasov. 2014. No. 6. S. 182-185.

4. Klimkova L.A. Linguistic studies in the domestic scientific and educational space // Bulletin of the Kostroma State University. 2017.Т.23. Special issue. Pp. 92–96.

5. Kovalev G.F. Instructions for collecting regional onomastic material // Voronezh Krai: history and traditions. Interuniversity student collection. Voronezh, 1996. Issue. I. S. 64–65.

6. Kovalev GF Onomastic research and study of the native land // Voronezh linguistic studies: interuniversity. Sat. scientific. tr. Issue 1. / scientific. ed. prof. G.F. Kovalev. Voronezh: Voronezh State University, 2005. pp. 3–23.

7. Kovalev G.F. Regional onomastics in the dialect of the region (Voronezh region) // Actual problems of Russian dialectology. М.: Institute of Russian. Language of the Russian Academy of Sciences, 2006. pp. 92–94.

8. Kovalev G.F. Favorites. Ethnonymy. Voronezh linguistic studies. Miscellaneous. Voronezh: Publishing and Printing Center "Scientific Book", 2014. 440 p.

9. Kovalev G.F. The study of onomastics at school as interdisciplinary integration in the lessons of Russian literature // Russian language at school. 2017. No. 12. P. 22-28.

10. Namitokova R.Yu. Regional onomastics. Study guide. Maikop: ASU Publishing House, 2005. 54 p.

11. Novikova T.F. On the problem of studying the language of the region // Scientific methodical journal. Kharkov: KhNPU, 2009. No. 41. Pp. 107-113. URL .: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/761/1/Novikova_Problem.pdf (accessed on August 26, 2021).

12. Suprun V.I. Local history onomastics // Spiritual culture: problems and development trends. All-Russian Scientific Conference May 11-14, 1994 Abstracts. Linguistic study of material and spiritual culture. Syktyvkar, 1994.S. 142-144.

13. Suprun V.I. Linguoculturological and linguistic components of the modern oikonymic dictionary // Onomastics of the Volga region: materials of the XIV International scientific conference (Tver, 10–12 September 2014) / Under. ed. THEM. Ganzhina, V.I. Supruna. Tver: Publishing house of Marina Batasova; Alfa-Press, 2014, pp. 41–44.

14. Shcherbak A.S. Onomastics and local history // Theory and practice of onomastic and derivatological research: collective monograph / Scientific. ed. IN AND. Suprun, S.I. Ilyasov. Maikop: Magarin OG Publishing House, 2017. P.183–200.
15. Brysina E.V., Suprun V.I. Teaching the Russian language in the conditions of the South Russian dialect // Russian language at school. 2017. No. 6. P. 27–31
16. Verkhovyyh LN Linguistic studies at school: textbook. allowance. Voronezh: Voronezh. state ped. un-t, 2017.255 p.
17. Verkhovyykh L.N. Linguistic study of local linguistics in the lessons of the Russian language and the Russian native language as a way to enhance the cognitive activity of students // Russian language at school. 2021. T. 82. No. 4. S. 21-30.
18. Gorbanevsky M.V. Word - history - culture: questions and answers for school olympiads, student competitions and quizzes in linguistics and onomastics / M.V. Gorbanevsky, V.O. Maximov, A.S. Shcherbak; otv. ed. R.A. Ageeva. Tambov: Publishing house of T.R. Derzhavin, 2014.162 p.
19. Karaseva T.V. Special course "Voronezh linguistic studies" at the Faculty of Philology of Voronezh State University // Native language: problems of theory and practice of teaching: Materials of the II International Scientific and Methodological Conference (Borisoglebsk, October 19–20, 2009) / Ed. E.V. Borisova, M.V. Shamanova. Borisoglebsk, 2009. pp. 158–160.
20. Klimkova L.A. Dialectological and onomastic work at the university and school. Arzamas: AGPI, 1988.91 p.
21. Kovalev G.F. Microtoponymy of the Voronezh region. Dictionary. Voronezh: Voronezh State University, 2007.408 p.
22. Kovalev G.F. Dictionary of microtoonyms of the Voronezh region: in 2 volumes. Voronezh: SCIENCE-UNIPRESS, 2017. V.1. 410 s. T. 2.420 p.
23. Kulpinov Yu.A. Linguistic local history at the lessons of the Russian language in the 5th grade // Russian language at school. 2009. No. 2. S. 18-19; the same: URL: <http://naukarus.com/lingvisticheskoe-kraevedenie-na-urokah-russkogo-yazyka-v-v-klasse> (date of treatment 10/29/2021)
24. Lyzhova L.K. Organization of linguistic local lore work with the use of excursions // Problems of studying the living Russian word at the turn of the millennium: materials of the III All-Russian. scientific-practical conference (Voronezh, November 29-30, 2005). Voronezh: Voronezh Publishing House. state ped. University, 2005. Part III. Pp. 309-310.
25. Moiseev A.P. Toponymic local history. Chelyabinsk region: (linguistic). Chelyabinsk: Abris, 2013.156 p.
26. Ogdonova Ts.Ts. Linguistic study of local lore: textbook. Irkutsk: Publishing house "Asprint", 2016.170 p.
27. Popov S.A. Oikonymy of the Voronezh region in the system of linguistic and ethnographic disciplines. Voronezh: Ed. House of Aleinikovs, 2003.285 p.
28. Smirnova O.V. Linguistic local lore work at school (on the example of the work of the linguistic local lore circle of the Rusanovskaya secondary school of the Ternovsky district of the Voronezh region) // Problems of studying the living Russian word at the turn of the millennium: Proceedings of the V international scientific and practical conference. Voronezh: VGPU, 2009. S. 354–359.
29. Filatova V.F., Shatalova T.I. The program of the course "Linguistic local history. Part I" // Pedagogical regional studies. Scientific and methodical journal. 2016. No. 2 (10). Pp. 64–77.
30. Shatunova L.V. The use of linguistic local history in the preparation of primary school teachers: a teaching aid for students in the specialty 050708 (031200) - "Pedagogy and methods of primary education." Moscow: Sputnik + Company, 2007.94 p.
31. Shcherbak A.S. Linguistics of the Tambov region [Electronic resource]: an electronic textbook for bachelors and undergraduates in the direction of "Philology", "Domestic philology (Russian language and literature)" and for foreign students-philologists. Tambov: TSU im. G.R. Derzhavin, 2015.
32. Shcherbak A.S., Burykin A.A. The names of the settlements of the Central Black Earth Region: a dictionary. Tambov: Publishing house of TSU im. G.R. Derzhavin, 2013.355 p.
33. Linguistics. Big encyclopedic dictionary / Ch. ed. V.N. Yartseva. Moscow: Great Russian Encyclopedia, 1998.685 p.
34. Azimov E.G., Shchukin A.N. New dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of teaching languages). Moscow: IKAR Publishing House, 2009.448 p.

35. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Language and Culture: Linguistic and Regional Studies in Teaching Russian as a Foreign Language. M.: Russian language, 1990.246 p.
36. Hirsch E.D. Jr. Cultural Literacy: What Every American Needs to Know. With an Appendix: What Literate Americans Know. Boston: Houghton, Mifflin, 1987.251 p.
37. The Big Explanatory Dictionary of the Russian Language / Ch. ed. S.A. Kuznetsov. SPb.: Norint, 1998 - 2014 // Certificate. RU. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (date of treatment 09/26/2021).
38. Materials for the history of the Imperial Academy of Sciences. Vol.6: History of the Academy of Sciences G.-F. Miller: with the continuation of Y.-G. Stritter: (1725-1743). SPb.: type. Imperial Acad. nauk., 1890.635 p. (in German).
39. Messerschmidt D. G. Research trip through Siberia 1720–1727. T.1: Diary entries, 1721–1722 / Edited by W. Steinitz and A.V. Topčiev. Berlin: Akademie-Verlag, 1962. 380 pp. URL: http://ranar.spb.ru/rus/doc_publ/id/423/ (date of access 10.21.2021) (in German).
40. History of Siberia. Primary sources (archives of G.F. Miller) URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller_4/pred.phtml?id=10279 (date of access 30.10.2021).
41. Questionnaires G.F. Miller 1734-1742 as a source on the history of the development of Siberia. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller/frametext8.htm> (date of treatment 10/27/2021).
42. Tatischev V.N. Selected Works on the Geography of Russia. Moscow: State Publishing House of Geographical Literature, 1950.248 p.
43. Kisser T.S. "Questionnaire" by V.N. Tatischev in the context of the formation of Russian ethnology of the 18th century. // Eleventh Tatischev Readings: All-Russian Materials. scientific-practical. conf. (Yekaterinburg, November 18-19, 2015) / resp. ed. G.E. Kornilov. Ekaterinburg: UMC UPI Publishing House, 2015. pp. 48–51.
44. Trediakovsky V.K. A conversation between a stranger and a Russian about the orthography of the old and the new and about everything that belongs to this matter. SPB.: Imp. Academy of Sciences, 1748.406 p. URL: https://books.google.ru/books?id=k3VpAAAACAAJ&printsec=frontcover&source=gbs_a tb&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (date of access 30.10.2021).
45. Lomonosov M.V. Russian grammar. SPb.: Imp. Academy of Sciences, 1755.210 p.
46. Lomonosov M.V. Full composition of writings. M. – L.: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1955. T. 9. Service documents. 1742-1765. 1018 s.
47. Bolkhovitinov Evfimy Alekseevich (Bishop Evgeny). URL: <https://www.isaran.ru/?q=ru/person&guid=3C30A116-46A5-923B-A31F-151791236346&str=%D0%B1%D0%BE%D0%BB%D1%85%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2%20%D0%B5.%D0%B0> (date of circulation 10/30/2021)
48. Bolkhovitinov E.A. Historical, geographical and economic description of the Voronezh province. Voronezh: printing house of the Provincial government, 1800.228 p.
49. Klochkova M.Yu. Metropolitan Eugene (Bolkhovitinov) in the context of Russian enlightenment. Diss.... Cand. ist. Sciences: 07.00.02 - Russian history. Moscow: Moscow State University. M.V. Lomonosov, 2020.356 p.
50. Popov S.A. Regional onomastics // Borisoglebskoe Prikhoperye: Study guide for the course of specialization 032909 - Literary and linguistic local history. Borisoglebsk: BGPI, 2003. pp. 76–89.
51. Shcherbak A.S. Problems of studying regional onomastics. Onomasticon of the Tambov region: Monograph. Tambov: Publishing house of Tomsk State University named after G.R. Derzhavin, 2006.293 p.
52. Polyakova E.N. Regional lexicology and onomastics: Materials for independent work: Textbook. allowance. Perm: Perm State. un-t, 2006.256 p.
53. Gordova Yu.Yu. Linguistic Problems of Regional Onomastics in Historical Perspective (Based on the Material of Ryazan Toponymy and Anthroponymy): author.... doct. philol. Sciences: 10.02.21 - applied and mathematical linguistics. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2018.46 p.
54. Tolstoy N.I. Ethnolinguistics in the circle of humanitarian disciplines // Tolstoy N.I., Tolstaya S.M. Slavic ethnolinguistics: theoretical questions. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS, 2013. pp. 19–31.
55. Gerd A.S. Introduction to Ethnolinguistics: A Study Guide. St. Petersburg: Language Center of St. Petersburg State University, 1995.91 p.
56. Pashkov A.I. Historical study of local lore of the late 18th - early 20th centuries. as a sociocultural and historiographic phenomenon (by the example of Karelia) // Vestnik RGGU. Series "Historical Sciences. Regional history. Local history". 2012. No. 6 (86). Pp. 45-57

УДК 82.0

10.36622/AQMPJ.2021.21.68.017

*Московский государственный институт
музыки им. А. Г. Шнитке
кандидат филологических наук,
доцент кафедры философии, истории,
теории культуры и искусства
Логвинова И.В.
Россия, г. Москва, тел. +7(903 752-98-52;
e-mail: lo-grina@yandex.ru*

*Moscow State Institute of Music named by
A.G. Shnitke
Candidate of Philology, associate professor of the
Philosophy, History, Theory of culture and Art
Department
Iogvinova I.V.
Russia, Moscow, +7(903 752-98-52;
e-mail: lo-grina@yandex.ru*

*Российский университет дружбы народов,
Медицинский институт
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
Шульдишова А.А.
Россия, г. Москва, тел. +7(968) 366-18-36;
e-mail: shuld_a@mail.ru*

*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN
University), Medical Institute
Candidate of Philology, associate professor of the
Russian Language Department
Shuldishova A.A.
Russia, Moscow, +7(968) 366-18-36;
e-mail: shuld_a@mail.ru*

И.В. Логвинова, А.А. Шульдишова

ЗВУКОВЫЕ ОБРАЗЫ В СБОРНИКЕ М.А. ВОЛОШИНА «ДЕМОНЫ ГЛУХОНЕМЫЕ» И ПОЭМЕ А.А. БЛОКА «ДВЕНАДЦАТЬ»

В статье исследуются звуковые образы в стихотворениях сборника М.А. Волошина «Демоны глухонемые» (1919) и поэме А.А. Блока «Двенадцать». Констатируется, что в них у обоих авторов запечатлена музыка революции. Представляется, что в сборнике М.А. Волошина звуковые образы репрезентируют предреволюционное состояние, немую музыку приближающейся катастрофы, а звуковые образы в поэме А.А. Блока предстают как заговорившие «демоны» революции, музыка уже свершившейся революции. В целом звуковые образы сборника Волошина «Демоны глухонемые» можно рассматривать как своеобразный диалог-дискуссию с музыкой революции у Блока, при котором визуальные образы выступают звуковыми, заставляя вспомнить библейское выражение «и камни заговорят». Установлено, что у Блока они – символы революции, а у Волошина – перерастают в многозначные метафоры революции. Прослеживается связь между историческими событиями и тем, как они были поняты, «услышаны» и интерпретированы поэтами-современниками. Анализу подверглись стихотворения из сборника М.А. Волошина «Демоны глухонемые», поэма А.А. Блока «Двенадцать», стихотворение М.А. Волошина «Северовосток». На примерах указанных произведений Волошина и Блока показано основное мироощущение революционной, беспокойной эпохи.

Ключевые слова: стилистика, М.А. Волошин, А.А. Блок, звуковые образы, визуальные образы.

I.V. Logvinova, A.A. Shuldishova

SOUND IMAGES IN M.A. VOLOSHIN'S COLLECTION "DEMONS DEAF" AND A.A. BLOK'S POEM "TWELVE"

The article explores sound images in the poems of M.A. Voloshin's collection «Demons Deaf» (1919) and the poem by A.A. Blok «Twelve». It seems that in the collection of MA Voloshin the sound images represent the pre-revolutionary state, the silent music of the approaching catastrophe, and the sound images in the poem by A. A. Blok appear as the “demons” of the revolution, the music of the revolution that has already taken place. It seems that in the collection of MA Voloshin the sound images represent the pre-revolutionary state, the silent music of the approaching catastrophe, and the sound images in the poem by A. A. Blok appear as the “demons” of the revolution, the music of the revolution that has already taken place. It is stated that in both authors the music of the revolution is captured. On the whole, the sound images of Voloshin's collection «Deaf-mute demons» can be seen as a dialogue with the music of the revolution in Blok's poetry, in which visual images act as sound. They make you remember the biblical expression «and

the stones will speak». It has been established that for Blok they are symbols of the revolution, while for Voloshin they develop into ambiguous metaphors of revolution. The article traces the connection between historical events and how they were understood, «heard» and interpreted by contemporary poets. The analysis included poems from M. Voloshin's collection "Deaf-mute Demons", A. Blok's poem "Twelve", M. Voloshin's poem "Severovostok". The examples of these works by Voloshin and Blok are used to show the basic attitude of the revolutionary, turbulent era.

Key words: stylistics, M.A. Voloshin, A.A. Blok, sound images, visual images.

Более ста лет назад известный историк литературы А.Л. Бем поставил цель – дать методологическое обоснование поиску доказательств влияния «одного данного единичного произведения на другое единичное же» и сформулировал принцип, согласно которому исследователь, чтобы доказать гипотезу о влиянии одного произведения на другое, должен «разрешить один общий вопрос – доказать, что произведение <...> было действительно или не могло не быть известным писателю, находившемуся по предположению исследователя, под влиянием этого произведения. Доказательства здесь могут быть *прямыми* или *косвенными*» [1; 1916, с. 24]. На наш взгляд, ничего лучшего до сих пор не придумано, поэтому, мы будем руководствоваться именно этим принципом.

Книга М.А. Волошина «Демоны глухонемые» (1919) отметила свой столетний юбилей. О ней написано сравнительно немного [2; 2003, с. 203, 3; 1981, с. 20-34, 4; 2000, с. 432, 5; 2005, с. 235 и др.]. О поэме А. Блока «Двенадцать» написано гораздо больше, и изучать его творчество начали намного раньше творчества Волошина [6; 1973, с. 163–189, 7; 1973, с. 97–136, 8; 1920, с. 67, 9; 1974, с. 10-19, 10; 1999, с. 727, 11, 12, 1974, с. 152 и др.]. Однако никто поэму Блока «Двенадцать» и стихотворения Волошина в сборнике «Демоны глухонемые» не сравнивал.

Тема, выбранная нами, актуальна в свете сравнительно-исторического литературоведения, которое дает возможность взглянуть на привычные читателю образы поэмы А. Блока «Двенадцать» с другого ракурса. Особенно значимо то, что при изучении творчества А. Блока в сравнении с творчеством М. Волошина учащиеся воспринимают основы сравнительного литературоведения и знакомятся с творчеством поэтов Серебряного века в единстве идей и стремлений их времени, учатся анализировать стихотворения в контексте исторической эпохи.

Перспективно и интересно, на наш взгляд, сравнительное изучение звуковых образов поэм Блока «Двенадцать» и «Скифы» со звуковыми образами стихотворений Волошина из сборника «Демоны глухонемые» и поэмы «Северовосток», посвящённых осмыслению революции и гражданской войны. Интересно сравнение двух творческих концепций, символистской и реалистической, «музыкального вслушивания» в эпоху (Блок) и видения её художником (Волошин). «Мелодия» стиха (мотивы и интонации) в структуре поэмы «Двенадцать» Александра Блока позволяет выявить функции, определить соотношение и взаимосвязь звукового материала с идейно-художественным замыслом произведения. А в сборнике Максимилиана Волошина «Демоны глухонемые» визуальные образы, вследствие своей стилистической роли, часто выступают в тексте звуковыми образами.

Приступая к сравнительному анализу звуковых образов, укажем, что при работе с поэтическими текстами были использованы описательно-аналитический метод, приёмы контекстуального и структурно-компонентного анализа. Применение описательно-аналитического метода, включающего в себя наблюдение, сопоставление, обобщение и интерпретацию полученных фактов, позволило получить чёткое представление об исследуемом предмете. Использование дискурсивно-стилистического и сравнительного анализов дало возможность рассмотреть изучаемый предмет в контексте стиля эпохи; выделить оттенки смысла в семантической структуре конкретных звуковых образов. Приём сравнительного анализа предоставил возможность рассмотреть звуковые образы по отдельности с целью изучения характеристики каждого из них и их взаимодействия. Музыкальная лексика рассматривалась сквозь призму теоретико-литературного и музыкально-текстологического анализа поэтических произведений, базирующегося на методах целостного анализа, синтеза и интерпретации поэтических произведений. Применённые в комплексе перечисленные научные подходы и методы дают возможность осмыслить звуковые образы в конкретных произведениях.

При этом следует также отметить, что музыкальные контексты приобретают особую значимость в воссоздании «новой музыки», «музыки революции». Не случайно исследователи ассоциативно связывают поэму «Двенадцать» с Девятой симфонией Бетховена, преисполненной героизма и революционной настроенности народной борьбы [13; с. 15]. А. Блок отмечал: «Всё отчётливее сквозят в нашем времени черты не промежуточной эпохи, а новой эры...» [14; 1960-1963, т. 7, с. 155]. Для понимания своеобразия поэмы многое подсказывает её словесно-музыкальный материал. Поэма «поли-

фонична», т.е. основана на «звучании» нескольких самостоятельных мелодических линий. Она построена на асемблировании (d музыкальном смысле – объединение мотивов разных жанров, следующих один за другим и объединённых общим замыслом, заложенным в произведении) нескольких резко отличающихся музыкальных ритмов и темпов. Поэт сопровождает поэму «музыкой» **городско-го романса** («*Не слышно шуму городского*» 9-я глава [14; 1960-1963, т. 3, с. 355]), контрапунктом **солдатских частушек** на разные напевы («*Как пошли наши ребята / В Красной Гвардии служить*»; «*Эх ты, горе-горькое, / сладкое житье!*»; «*Мы на горе всем буржуйам / Мировой пожар раздуем*» 3-я глава [14; 1960-1963, т. 3, с. 351]), **темпом марша** («*Революционный держите шаг! / Неугомонный не дремлет враг!*» 2-я глава, «*В очи бьется / Красный флаг. / Раздаётся мерный шаг. / Вот – проснётся / Лютый враг ...*» 11-я глава [14; 1960-1963, т. 3, с. 358]), **мотивом революционной песни**, подсказываемом изменённой цитатой из «Варшавянки» Г.М. Кржижановского (ср.: «*Марш, марш вперёд, / Рабочий народ!*» и «*Вперёд, вперёд, рабочий народ*» 10-я глава [14; 1960-1963, т. 3, с. 356]), **цыганской песни** («*В кружевном белье ходила / – Походи-ка, походи! / С офицерами блудила / – Поблуди-ка, поблуди! / Эх, эх, поблуди! / Сердце ёкнуло в груди!*» 5-я глава [14; 1960-1963, т. 3, с. 352]), **цыганской пляски** («*Эх, эх попляши! / Больно ножки хороши!*» 5-я глава [13; 1960-1963, т. 3, с. 352]), **песенным воровским фольклором** («*Уж я времячко / Проведу, проведу ... Уж я темячко / Почешу, почешу ... Уж я семячки / Полушу, полушу ... Уж я ножничком / Полосну, полосну!..*» 8-я глава [14; 1960-1963, т. 3, с. 355]) [13; с. 16]. Таким образом, о группе интонаций, употребляемых Блоком в «Двенадцати», можно говорить как о «словаре» мотивов. Следует сказать, что для поэта, «сына гармонии» характерно постоянное стремление придать внутреннюю, скрытую цельность, «согласение музыкальное» [14; 1960-1963, т. 6, с. 8] противоречивым явлениям бытия. Поэтому А. Блок говорит: «Величие эпохи обязывает нас преследовать синтетические задачи ...» [14; 1960-1963, т. 6, с. 293]. Эти слова прямо соотносятся с поэмой. В работах об А. Блоке отмечается «симфоничность» поэмы «Двенадцать», связанная с сочетанием контрастных частей, многообразием разнохарактерных образов, богатством эмоциональных состояний и единством замысла. Звучание «оркестра» (контрапункта мотивов, контраста «тональностей»), расширенного до свержоркестра («мирового оркестра») в «Двенадцати» усиливает симфоническое начало поэмы [13; с. 13]. «Двенадцать» – «поэтическая симфония» (термин С. Б. Бураго [15]) в том значении, в каком понимал симфонию Б. В. Асафьев: «Симфония – (греч. συμφωνία – созвучие, согласие, консонанс) – высшая по своей содержательности, по многогранности звуко сочетаний, по разумности своей конструкции и многообразию фактуры (характер обработки материала) муз<ыкаль>ная форма. Симфония – многочастное (циклическое, в смысле развития единой идеи в нескольких самостоятельных пьесах) построение. Смысл построения – в конечном объединении (синтез) противоположностей ...» [16; 1978, с. 200]. Единство ритмически организованных мотивов поэмы управляет внутренней организацией «музыкальной» ткани («*революционным шагом*») произведения в целом, воссоздаёт эффект монолитности оркестрового колорита. А. Блок писал: «современная жизнь очень пестрит у меня в глазах и слитно звучит в ушах» [17; 1901-1920, с. 200]. Симфонизм, «свойственный партитуре» «Двенадцати», музыкально воплощает «идею органического, исторического и индивидуального бытия», обнаруживает интертекстуальные (в широком искусствоведческом смысле слова) взаимоотношения, «приращения смысла», недоступные при собственно литературоведческом подходе к анализу произведения [13; с. 16].

Обратившись к сравнительному анализу именно этих авторов мы увидели своего рода диалог образов, выражающих в их произведениях «музыку революции».

Представляется, что в сборнике М.А. Волошина звуковые образы являют собой предреволюционное состояние, **немую** музыку приближающейся катастрофы. При этом важно отметить, что А. Блок не мог читать волошинский текст, когда писал поэму «Двенадцать», а М. Волошин его поэму не только читал, но и выразил к ней своё отношение в статье «Поэзия и революция». Звуковые образы в поэме А. А. Блока предстают как музыка уже свершившейся революции. Волошин же даёт в своем сборнике образ зарождающейся революции. Импульс для этой мысли заложен уже в эпитафии из Тютчева к сборнику «Демоны глухонемые»:

Одни зарницы огневые,
Воспламеняясь чередой,
Как демоны глухонемые
Ведут беседу меж собой [18; 1919, с. 4].

По смыслу выходит, что огневые зарницы – это «жесты», которыми беседуют глухонемые демоны. Это визуальный образ. Однако в совокупном контексте с эпитафией визуальные образы Волошина обретают звуковое выражение.

Эпитафия к первому стихотворению сборника взята из книги пророка Исая: «Кто так слеп как раб мой? и глух как вестник мой мною посланный? (Исайя 42, 19)» [18; 1919, с. 5]. В этом контексте огневые зарницы – жесты глухонемых демонов начинают переходить в разряд звуковых образов. И в стихотворении «Демоны глухонемые» они подспудно воспринимаются читателем именно как звуковые образы (внутренним слухом, по ассоциации, читатель слышит шорох молний и зарниц, поскольку кто-то в темноте в следующем стихотворении («Предвестие») *шепчет* и их шаги *шелестят*:

А ночью по пустым и гулким перекресткам
Струились шелесты невидимых шагов,
И город весь дрожал далеким отголоском
Во чреве времени шумящих голосов...

Уж занавесь дрожит перед началом драмы,
Уж кто-то в темноте – всезрящий, как сова,
Чертит круги и строит пентаграммы,
И шепчет вешие заклятья и слова [18; 1919, с. 9].

Так, немота предвестия революции переходит в музыку. Волошин противопоставляет эту немому разноголосице, которую мы слышим в поэме «Двенадцать» Блока. Вслед за шепотами и шелестами, и шорохом электрических разрядов молний вступает Ангел Мщеня с мощным голосом, и на сцене истории осуществляется драма революции и гражданской войны:

Народу Русскому: Я скорбный Ангел Мщеня!
Я в раны черныя – в распаханную новь
Кидаю семена. Прошли века терпенья.
И голос мой – набат. Хоругвь моя, – как кровь.
На буйных очагах народного витийства,
Как призраки, взрощу багряные цветы ... [18; 1919, с. 11].

Далее разворачивается звуковой ряд, складывающийся в волошинскую «музыку революции»: гудение толпы на площади, произнесение неподобных не русских слов у Лобного места, молчание; пение слепых на паперти о крови, казни и суде (в стихотворении «Москва»), вопль сотен голосов, беснование народа («Петербург»). В поэме Блока «Двенадцать» звуковые образы, в отличие от образов в стихотворениях Волошина, явлены, а не названы. У Волошина они называются и вызывают ассоциации с разными звуками, в основном шипящими, шуршащими, резко кричащими, гудящими, беснующимися, неистовыми.

Кроме того, у М.А. Волошина есть стихотворение «Северовосток» 1920 года, в котором звучит музыка гражданской войны. Причем, в звуковых образах волошинского стихотворения много сходного с поэмой Блока, в частности, и там, и там мы находим мотив ветра, вихря. У А. Блока читаем:

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер
На всем божьем свете! [19; 2011, с. 218]

Здесь ветер предстает как символ перемен, символ стихии, революции. При этом он не вызывает звуковых ассоциаций. У Волошина в стихотворении «Северовосток» ветер уже связывается со звуковыми ассоциациями, поскольку ветер выступает как стихия, которая охватила всю Россию и всё привела в движение. И описание ветра здесь вызывает звуковые ассоциации с шумом бури (ассоциация возникает из-за повторов слова «ветер» и связанных с ним определений (ветер, в котором страшная судьба России, ветер черный, ветер тундр, плоскогорий, ветер смут, побоищ и погромов) и глаголов «войте», «вейте»):

Расплясались, разгулялись бесы
По России вдоль и поперек –
Рвет и крутит снежные завесы

Выстуженный Северовосток.

Ветер обнаженных плоскогорий,
Ветер тундр, полесий и поморий,
Черный ветер ледяных равнин,
Ветер смут, побоищ и погромов,
Медных зорь, багровых окоемов,
Красных туч и пламенных годин.

Этот ветер был нам верным другом
На распутье всех лихих дорог:
Сотни лет мы шли навстречу вьюгам
С юга вдаль – на Северовосток.
Войте, вейте, снежные стихии,
Заметая древние гроба;
В этом ветре вся судьба России –
Страшная, безумная судьба ... [20; 1993, с. 63].

Звуковые образы стихотворений Волошина и Блока передают основное мироощущение революционной, беспокойной эпохи, они соответствуют психологическому состоянию ожидания бури, грозы, катастрофы. Эти образы создают ощущение зыбкости, нестабильности мира, шаткости его устоев, неуверенности в будущем дне.

Таким образом, рисуя звуковой, музыкальный образ своей эпохи, каждый поэт делает это по-своему. Так, А. А. Блок приветствует революцию и оставляет неоднозначный финал, в котором впереди двенадцати красноармейцев идет Иисус Христос. М. Волошин рисует тревожный образ революции, по которому читатель видит, что поэт против таких потрясений, как бы романтично они ни выглядели для тех, кто мечтает о другом миропорядке. Эту встревоженность состоянием миропорядка можно видеть и в стихотворении «Северовосток», которое во многом, как представляется, берет начало в сборнике «Демоны глухонемые».

С другой стороны, можно рассматривать сборник и стихотворение М.А. Волошина как отклик на поэму А. А. Блока, поскольку произведение Блока написано раньше (в 1918 году). Хотя известно, что многие деятели искусства оценили поэму А. Блока негативно, М. Волошин в статье «Поэзия и революция» отмечает её положительное качество, заключающееся в том, что поэма явилась «милосердной представительницей за темную и заблудшую душу русской разиновщины» [18; 1919, с. 10-28]. Исходя из этого, можно говорить о дискуссионности и даже антитетичности реплики, которая, по-видимому, осталась без ответа, поскольку А. Блок сборника Волошина не прочитал.

Анализ звуковых образов в стихотворениях сборника М.А. Волошина «Демоны глухонемые» выявляет общую психологическую картину эпохи: напряженное ожидание финала исторической драмы. При этом «демоны глухонемые» эпиграфа ведут «беседу» с образами стихотворений поэта: зарницами, огневыми знаками, вспышками молний, лучами света, жестами и условными чертами. Иными словами, визуальные образы эпиграфа прочитываются Волошиным синестетически, как звуковые. В то же время в поэме Блока «Двенадцать» помимо музыки революции, звучащей в песнях, частушках, завываниях ветра, жестоких романсах, наблюдается контрастивный визуальный ряд «открытых» цветов: черного (вечер), белого (снег) и красного (флаги). Но визуальные образы у Блока не прочитываются как звуковые. В сборнике же Волошина визуальные образы звучат, или, лучше сказать, назревают звучанием. А в стихотворении Волошина «Северовосток» мы наблюдаем развитие образа глухонемых демонов, предстающих во всей мощи своей деятельности, подобно ветру, воющему и веющему, пронсящимися по всей России, «расплясавшимися, разгулявшимися». Образ этого ветра прочитывается как раскрытие блоковской метафоры ветра, на котором невозможно устоять человеку. В целом звуковые образы сборника Волошина «Демоны глухонемые» можно рассматривать как своеобразный диалог-дискуссию с «музыкой революции» у Блока, при котором визуальные образы выступают звуковыми, заставляя вспомнить библейское выражение «и камни заговорят». Если у Блока визуальные образы – это символы революции, то у Волошина это многозначные метафоры революции.

Поэма А. Блока связана не только с музыкальными жанрами, формами и «акустикой», но и с музыкальной наукой в целом, связями, открывающими в широком смысле высокое музыкальное предназначение его творчества [13; с. 17]. Музыкальное осмысление выдвигается на первое место, выявляя собой смысл поэтического произведения. Употребление А. А. Блоком музыкальных образов, создающих определенную музыкальную «настройку», является, кроме прочего, доказательством музыкальной структуры его творчества.

Можно констатировать также, что звуковые образы в стихотворениях сборника М. Волошина «Демоны глухонемые» выражены не только словами, указывающими на звучание речи или чего-то иного, но и словами, выражающими зрительные образы. Визуальное становится звуковым, по ассоциации со звуками, производимыми визуальными знаками. Такой стилистический эффект достигается за счёт смысловых параллелей между эпиграфами и авторскими текстами.

Продолжая тему данной статьи, интересно было бы в отдельном исследовании проследить связь между историческими событиями и тем, как они были услышаны и интерпретированы другими поэтами-современниками. Такие сравнительные характеристики полезны при изучении поэзии Серебряного века в историческом контексте.

Библиографический список

1. Бем А. Л. К уяснению понятия историко-литературного влияния: (По поводу статьи А. С. Полякова «Пушкин и Пнин») // Пушкин и его современники : Материалы и исследования / Комис. для изд. соч. Пушкина при Отд-нии рус. яз. и словесности Имп. акад. наук. Петербург, 1916. Вып. 23/24. С. 23–44.
2. Змазнева О. А. Поэтический язык Максимилиана Волошина: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Москва, 2003. 203 с.
3. Сахарова Е. М. Поэзия и революция (Тема революции в творчестве М.А. Волошина советского периода) // Волошинские чтения: Сборник научных трудов / Сост. В.П. Купченко, ред. Т. М. Макагонова. Москва : Гос. Библиотека СССР им. В.И. Ленина, 1981. С. 20–34.
4. Тарановский К. Ф. Звукопись в «Северовостоке» Волошина // К.Ф. Тарановский О поэзии и поэтике / К. Тарановский. Москва : Язык русской культуры, 2000. 432 с.
5. Walker Barbara. Maximilian Voloshin and the Russian literary circle : culture and survival in revolutionary times / Barbara Walker. Bloomington ; Indianapolis : Indiana univ. press, cop. 2005. XIV. 235 с.
6. Болеславская Т. И. О музыке блоковского стиха / Т. И. Болеславская // Музыка и жизнь. Ленинград – Москва: Советский композитор, 1973. Вып. 2. С. 163–189.
7. Васина-Гроссман В. А. О поэзии Блока, Есенина и Маяковского в советской музыке // Поэзия и музыка : сборник статей и исследований. Москва : Музыка, 1973. С. 97–136.
8. Иванов-Разумник Р. В. Испытание в грозе и буре = Versuchung in Sturm und Gewitter / Иванов-Разумник. Скифы ; Двенадцать = Skythen ; Die Zwölf / Александр Блок. Берлин : Скифы, cop. 1920. 67 с.
9. Магомедова Д. М. О генезисе и значении символа «мирового оркестра» в творчестве А. Блока // Вестник Московского университета. 1974. № 5. С. 10–19.
10. Минц З. Г. Блок и русский символизм. Избранные труды в 3 кн. Кн. 1. Поэтика А. Блока. Санкт-Петербург : Искусство, 1999. 727 с.
11. Семенов С. Два поэта и музыка революции. Серебряный век оплавлен пожаром. URL: <https://historyrussia.org/tsekh-istorikov/dva-poeta-i-muzyka-revoljutsii-cerebryanyj-vek-oplavlen-pozharom-revoljutsij.html> (03.09.2019).
12. Хопрова Т. А. Музыка в жизни и творчестве А. Блока. Ленинград : Музыка, 1974. 152 с.
13. Шульдишова А. А. «Блок и музыка» в трудах С. Б. Бураго // МОВА І КУЛЬТУРА : Науковий журнал. К.: Видавничій Дім Дмитра Бураго, 2014. Вип. 17. Т. VII (175). С. 13–17.
14. Блок А. А. Собрание сочинений / Александр Блок. Москва-Ленинград: Гос. изд-во художественной литературы, 1960–1963. (Сочинения: в 8 т.).
15. Бураго С. Б. Мелодия стиха (Мир. Человек. Язык. Поэзия). Киев, 2007. 432 с.
16. Асафьев Б.В. Путеводитель по концертам. Москва: Советский композитор, 1978. 200 с.
17. Блок А. А. Записные книжки 1901–1920. Москва: Художественная литература, 1965. 664 с.
18. Волошин М. А. Демоны глухонемые. Харьков, 1919. 53 с.

19. Блок А. Двенадцать / Александр Блок. Санкт-Петербург : Азбука, 2011. 218, [2] с.
20. Волошин М. А. Северовосток // Волошин М. А. Стихотворения. Москва: Геликон: ТОО «Коркис», 1993. 63,[1] с.

References

1. Boehm AL On the understanding of the concept of historical and literary influence: (Regarding the article by AS Polyakov "Pushkin and Pnin") // Pushkin and his contemporaries: Materials and research / Komis. for ed. op. Pushkin at the Department of Rus. lang. and literature Imp. acad. sciences. Petersburg, 1916. Issue. 23/24. S. 23–44.
2. Zmazneva OA Poetic language of Maximilian Voloshin: dissertation ... candidate of philological sciences: 10.02.01. Moscow, 2003. 203 p.
3. Sakharova EM Poetry and revolution (The theme of revolution in the work of MA Voloshin of the Soviet period) // Voloshin readings: Collection of scientific papers / Comp. V.P. Kupchenko, ed. T.M. Makagonova. Moscow: State. Library of the USSR. IN AND. Lenin, 1981. P. 20–34.
4. Taranovsky KF Sound writing in Voloshin's "North East" // K.F. Taranovsky On poetry and poetics / K. Taranovsky. Moscow: Language of Russian culture, 2000 . 432 p.
5. Walker Barbara. Maximilian Voloshin and the Russian literary circle: culture and survival in revolutionary times / Barbara Walker. Bloomington; Indianapolis: Indiana univ. press, cop. 2005. XIV. 235 p.
6. Boleslavskaya TI About the music of Blok's verse / TI Boleslavskaya // Music and life. Leningrad - Moscow: Soviet Composer, 1973. Vol. 2. P. 163–189.
7. Vasina-Grossman V. A. On the poetry of Blok, Yesenin and Mayakovsky in Soviet music / V.A. Vasina-Grossman // Poetry and Music: Collection of Articles and Research. Moscow: Music, 1973. – S. 97–136.
8. Ivanov-Razumnik RV Test in a thunderstorm and a storm = Versuchung in Sturm und Gewitter / Ivanov-Razumnik. Scythians; Twelve = Skythen; Die Zwölf / Alek-sandr Block. Berlin: Scythians, cop. 1920. 67 p.
9. Magomedova DM On the genesis and meaning of the symbol of the "world orchestra" in the work of A. Blok / DM Magomedov // Bulletin of Moscow University. 1974. №. 5. P. 10–19.
10. Mints Z. G. Blok and Russian Symbolism. Selected works in 3 vols. Book. 1. Poet A. Blok / Z. G. Mints. St. Petersburg: Art, 1999 . 727 p.
11. Semenov S. Two poets and music of the revolution. The Silver Age was melted by fire // website of the Russian Historical Society. URL: <https://historyrussia.org/tsekh-istorikov/dva-poeta-i-muzyka-revoljutsii-cerebryanyj-vek-oplavljen-pozharom-revoljutsij.html> (03.09.2019).
12. Khoprova T. A. Music in the life and work of A. Blok / T. A. Khoprova. Leningrad: Music, 1974 . 152 p.
13. Shul'dishova A. A. "Blok i muzy'ka" v trudax S. B. Burago [Tekst] / A. A. Shul'dishova // MOVA I KUL'TURA : Naukovij zhurnal. – K. : Vidavnichij Dim Dmitra Burago, 2014. – Vip. 17. – T. VII (175). S. 13–17.
14. Blok AA, Collected works / Alexander Blok. Moscow-Leningrad: State. publishing house of fiction, 1960-1963. (Works: in 8 volumes).
15. Burago S. B. Melody of verse (World. Man. Language. Poetry): Monograph. Ki-ev, 2007 . 432 p.
16. Asafiev B. V. Guide to concerts. Moscow: Soviet composer, 1978 . 200 p.
17. Blok A. A. Notebooks 1901-1920. Moscow: Fiction, 1965 . 664 p.
18. Voloshin MA Demons are deaf and dumb. Kharkov, 1919 . 53 p.
19. Block A. Twelve / Alexander Block. St. Petersburg: Azbuka, 2011. 218, [2] p.
20. Voloshin M. A. North-East // Voloshin M. A. Poems / M. Voloshin. Moscow: Helikon: LLP "Korkis", 1993. 63, [1] p.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ INTERCULTURAL COMMUNICATION

УДК 820: 821.161: 821.51: 82-1/-9
10.36622/AQMPJ.2021.30.53.018

*Казанский федеральный университет
аспирант 2 года обучения
Тао Ли
Россия, г. Казань, тел. 89870685203
e-mail: luotaoli@mail.ru*

*Kazan Federal University
Postgraduate student 2 year of study
Tao Li
Russia, Kazan, tel. 89870685203
e-mail: luotaoli@mail.ru*

Тао Ли

ОБРАЗ МАТЕРИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЧЖАН АЙЛИН, Л. УЛИЦКОЙ И Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается воплощение образа матери в произведениях русской и китайской литературы. Цель работы – выделить сходства и различия в раскрытии образа матери в произведениях представительниц женской прозы XX века: Чжан Айлин, Л. Улицкой и Л. Петрушевской. Новизна исследования реализована в сопоставительном аспекте и в герменевтическом подходе к творчеству данных авторов. В ходе проведенного анализа выявлены как сходства в раскрытии образа матери в произведениях Чжан Айлин, Людмилы Улицкой и Людмилы Петрушевской, так и различия, обусловленные национальными и историческими обстоятельствами. Так, раскрываемый на примере повестей «Золотой замок» Чжан Айлин и «Маленькая Грозная» Петрушевской, образ матери-тирана и образ Медеи из романа Людмилы Улицкой «Медея и ее дети» противопоставляются образам матерей в произведениях китайской писательницы и героине Л. Петрушевской. В ходе исследования мы пришли к выводу, что в китайской литературе XX века меняется отношение к патриархальным ценностям. Это проявляется, в частности, в женской прозе этого времени. Романы и повести Чжан Айлин раскрывают характеры, которые близки к образам, созданным в конце XX века представительницами русской женской прозы. Героини китайской писательницы несут в себе черты патриархальности. Людмила Петрушевская и Людмила Улицкая осмысливают жизнь своих героинь в перспективе более широких исторических и культурных обобщений. Результаты исследования могут быть использованы в практике преподавания русской литературы в высшей школе.

Ключевые слова: женская проза, образ матери, Чжан Айлин, Л. Улицкая, Л. Петрушевская.

Tao Li

THE IMAGE OF THE MOTHER IN THE WORKS OF ZHANG AILIN, LYUDMILA ULITSKAYA AND LYUDMILA PETRUSHEVSKAYA: A COMPARATIVE ASPECT

The article examines the embodiment of the image of the mother in the works of Russian and Chinese literature. The aim of the work is to show the similarities and differences in the representation of the image of the mother in the works of the representatives of women's prose of the 20th century: Zhang Ailin, Lyudmila Ulitskaya and Lyudmila Petrushevskaya. The novelty of the study lies in the comparative aspect and in the application of the hermeneutic approach to the works of the compared authors. In the course of the analysis, similarities in the portrayal of the image of the mother in the works of Zhang Ailin, Lyudmila Ulitskaya and Lyudmila Petrushevskaya, as well as differences due to national and historical circumstances were exhibited. Thus, on the example of the story "The Golden Castle" by Zhang Ailin and "The Little Terrible" by Petrushevskaya, the image of a tyrannical mother is revealed, the image of Medea from the novel "Medea and Her Children" by Lyudmila Ulitskaya is contrasted with the two images of mother from the works of a Chinese writer and the heroine L. Petrushevskaya. In conclusion, in twentieth-century Chinese literature, attitudes toward patriarchal values are changing, which is especially manifested in the women's prose of this period. The novels and stories of Zhang Ailing present characters close to the images created at the end of the twentieth century by representatives of Russian women's prose. The heroines of the Chinese writer bear the features of patriarchy.

Petrushevskaya and Ulitskaya comprehend the life of their heroines in the perspective of broader historical and cultural generalizations. The research results can be used as material for teaching Russian literature at universities.

Key words: female prose, image of a mother, Zhang Ailin, Lyudmila Ulitskaya, Lyudmila Petrushevskaya.

Мать – это особый женский образ. Он является символом, содержащим многочисленные культурные сведения, и культурные традиции, которые он несет в себе, также многогранны. Именно с этим образом ассоциируются такие качества, как любовь, забота, мудрость и доброта. Также образ матери отражает ценностную ориентацию культуры, которая проявляется в произведениях художественной литературы. По мнению психологов, мать с раннего детства для ребёнка самый близкий человек, благодаря которому происходит его становление в обществе.

В современной литературе образ матери является весьма неоднозначным.

В центре нашего внимания произведения Чжан Айлин “金锁记” («Золотой замок»), “心经” («Сутры сердца»), “倾城之恋” («Любовь, разрушающая города»), Л.Улицкой «Медея и ее дети», Л.Петрушевской «Маленькая Грозная». В произведениях этих представительниц женской прозы мы можем выделить несколько типов матерей. Первый из них – образ любящей матери. В произведениях эта героиня чётко осознаёт свои обязанности и строго следует общепринятым стандартам, является достойной женщиной с добрыми нравами. Ее ореол связан с Архетипом матери по Юнгу [1; с. 209]. Этот образ соотносится с нормами этики и морали. Таких матерей уважает младшее поколение, им оказывают почтение за достойное воспитание детей. Впоследствии об их достижениях рассказывают следующим поколениям, и образ любящей матери остаётся в памяти потомков. Второй – образ злой матери. Такие матери думают только о своей выгоде, забывая о материнском предназначении, контролируют своих детей и препятствуют их счастью. Между ними есть еще одна категория: матери, которые соединяют в себе качества этих двух типов, их чрезмерная любовь к детям порой оборачивается трагедией.

Все эти типы можно встретить в произведениях известной китайской писательницы Чжан Айлин (1920-1995), написавшей за свою жизнь большое количество литературных произведений, включая романы, эссе, киносценарии и рассказы, в которых представлен образ матери.

Образ матери, созданный женщинами-писательницами, ассоциируется с понятиями «самоотверженность, жертва, любовь, страдание и т. д.» [2; с. 11], но Чжан Айлин опровергает это, она создала совершенно другой образ матери – параноидальный, эгоистичный, невежественный, больной. Это отражает пессимистическое отношение Чжан Айлин к жизни, семье и любви, поэтому созданный ей новый мир всегда холоден и бессердечен, что вызвано не только семейной атмосферой и личностью, но и той уникальной эпохой, в которой пришлось жить ей.

Образ матери под пером Чжан Айлин приобретает дополнительные характеристики.

Лицемерные матери. В древнем феодальном обществе Китая «матери» отвечали за вынашивание детей, заботу о мужьях и детях, а также за выполнение работы по дому. Именно с этим связано то, что на протяжении нескольких тысяч лет китайцы почитают своих матерей. Данное ценностное суждение о матерях, передавалось из поколения в поколение и формировало образ хороших жен и хороших матерей, которые жили по принципу «тройная покорность и четыре достоинства: «3 подчинения» (покорность женщины в юности отцу, в замужестве – мужу, в старости – сыну) и «4 добродетели» (добродетельность, скромность в речах, женственность, трудолюбие) – традиционная формула требований к женщине в старом Китае» [3; с. 24].

Такого рода матери встречаются в романах Чжан Айлин. Все они являются "хорошими семейными женщинами" и традиционными матерями. Например, миссис Сюй в «心经» («Сутры сердца»), она просто опускает голову, безропотно терпит позор и унижения, даже когда её дочь влюбляется в ее мужа, а муж живёт с одноклассницей дочери. Мать всё равно пытается помочь мужу и дочери спрятаться от чужого осуждения, несмотря на свои переживания. Однако следует уточнить, что у этой «матери» был низкий статус в семье. Она не думала о том, как исправить данную ситуацию. Вместо этого она пожертвовала своим достоинством, чтобы защитить достоинство семьи.

Холодная, эгоистичная мать. По сравнению с патриархальными матерями такие матери при выборе между воспитанием ребёнка и работой, выбирают последнее. В романе «Любовь, разрушающая города» после того, как старший брат и свояченица потратили все деньги Бай Люсю, выгоняют её из дома. Она пытается найти утешение у матери. Старушке Бай нужно просто избавиться от своей дочери, и она просит ее вернуться в дом мужа. Ее бывший муж погиб. Если Бай Люсю усыновит двух племянников, то получит наследство умершего мужа. Только об этом думает мать героини. Когда Бай Люсю лежала на

кровати и плакала, думая о том, чтобы в последний раз попросить остаться у матери, она не осознала, что мать уже безразлично вышла из комнаты. По этому поступку Бай Люсю поняла: “人人都关在他们自己的小世界里, 她撞破头也撞不进去。她所祈求的母亲与她真正的母亲根本是两个人“ [3; с. 5]. («Каждый укрылся в своем собственном маленьком мирке, и даже если бы она разбила голову, то все равно ей не удалось бы до них достучаться. Мать, о которой она мечтала, и ее настоящая мать отличались как небо и земля») (Перевод О.П. Родионовой) [5; с. 92].

Матери-тираны. Цао Цицяо («Золотой замок»), которую долгое время подвергали гонениям и издевательствам в семье мужа, держится за деньги после смерти мужа и тещи. Это ведёт к серьёзным психологическим проблемам. Все свои травмы и обиды она переносила на своих детей. Цицяо, увидев, что её дочь влюбилась и счастлива, стала чувствовать сильную обиду. Ее ранило счастье дочери. Она начала оскорблять свою дочь, тем самым взрастив в ней неуверенность. Чжан Айлин, как никому другому, удалось идеально описать с психологической точки зрения деструктивные отношения матери и ребёнка.

Описывая данный образ, имела ли в виду Чжан Айлин свою мачеху? Скорее всего, да. Из-за подстрекательств мачехи Чжан Айлин избивал отец, и она была помещена под домашний арест. В этот период Чжан Айлин страдала от болезни, но на неё никто не обращал внимания. Мы можем с уверенностью сказать, что именно отсутствие материнской любви в детстве Чжан Айлин привело ее к созданию образа жестокой матери.

Мы понимаем, что Чжан Айлин относилась с большой неприязнью к своей мачехе. В словаре Чжан Айлин мачеха стала синонимом безумия и извращения. Эта болезненная память сопровождала писательницу всю жизнь, а также оказала большое влияние на её литературное творчество.

Образы матерей мы находим и в произведениях современных русских писателей.

Обратимся к прозе Людмилы Улицкой и Людмилы Петрушевской.

Л. Улицкая – одна из самых влиятельных писательниц в современной русской литературе. Она создала совершенно новый образ Медеи в произведении «Медея и её дети».

Исследовательница Т.А. Ровенская справедливо замечает: «Образ новой Медеи обращен к свету, он отрицает варварство, олицетворяемое с силами природы, каковой считается и эмоция. Ее фигура призвана гармонизировать хаос, восстановить равновесие, нарушаемое внешними силами политических, национальных, социальных и других факторов» [6; с. 162].

Улицкая обращается к образу Медеи, чтобы передать свои мысли о российском обществе и жизни. В произведении мы можем проследить богатство культуры, в характере Медеи мы видим глубокий российский национальный дух. Она думала о любви как о чём-то «универсальном», но ее образ не схож с Девой Марией. Можно сказать, что образ новой Медеи воплотил в себе ценности женщин России новой эпохи.

Образ Медеи – прототип идеального образа Матери. Она связана с высокими моральными стандартами, терпит несправедливое обращение в жизни. Медея глубоко любит своего мужа и предана любви. В последние годы ее муж неизлечимо болен, и Медея по-прежнему о нем заботится. После смерти мужа она обнаружила, что у мужа был роман с ее сестрой Александрой. Она похоронила боль в своем сердце.

«Семья Медеи – традиционная семья в том смысле, что в ней сохраняются семейные традиции и правила, модели поведения. Эта семья в каком-то смысле асоциальна, она не меняется от того, в каком социуме она живет, поведенческие модели в ней определяются ее внутренними законами. Она не отдает государству роль по обеспечению своей безопасности, эти функции остаются в семье, поэтому в ней должны встречаться такие монументальные фигуры, как Медея. Женщины этой семьи ощущают в себе родство с древнегреческими царицами. Медея – царственная, жреческая материнская фигура, она не отдала свое достоинство социуму, «иная над ней власть», – говорит про нее Георгий» [7].

Она же перебрасывает мост к следующему образу – Маленькой Грозной из одноименной повести Л.Петрушевской. «Образ Грозной является, на наш взгляд, постмодернистским ключом, отпирающим новую мифологию Медеи, предложенную Улицкой, в той же мере, в какой миф о Мееде из Колхиды помогает понять суть образа Маленькой Грозной» [6; с. 137].

По словам С.П.Черкашиной, «Л. Петрушевская показала тип матери-тирана, а также причину появления такого типа: не каждая женщина готова отказаться от абсолютной власти, которую даёт материнство; чувствуя свою ненужность, такая женщина доступными ей средствами будет настаивать на выполнении ребёнком её требований. <...> показано отрицательное воздействие архетипа Великой Матери» [8; с. 91].

Она не знает, что такое самопожертвование и настоящая материнская любовь. Маленькая Грозная выгнала своих детей из дома и заставила их жить самостоятельно. У неё была только рациональная обязанность перед ними. Ее любовь к детям условна. Пока ее основным интересом является собственный дом, она может проявлять к своим детям настоящую заботу и материнскую любовь. В то же время, когда она чувствует, что ее сыновья могут претендовать на ее квартиру, она постепенно отстраняет их.

Один из них попал в автокатастрофу, стал калекой, тогда Грозная «проявила материнский героизм» [9; с. 5], взяв его к себе, но потом все равно выгнала. Этот сын умирает совсем молодым. Автор сочувственно рассказывает о его судьбе, говоря, что любили его только в больнице, где «и есть его настоящее место», как говорила его мать. Уезжая из дома, этот сын не смог забрать даже одеяло, которым были укрыты его больные ноги, так как папаша Грозный с «грозным видом снял одеяло с сына» [9; с. 10].

А другого сына и его беременную жену Грозная выгнала из квартиры. Ему «не было места на земле, т. е. ни в одной квартире» [9; с. 21]. Это сделало его зависимым от алкоголя, и его жизнь пошла под откос. Грозная похожа на Медею в греческой мифологии как главный виновник убийства собственных детей.

Этот образ тесно связан с традициями матриархальной системы. Она всю жизнь ненавидела мужчин, даже своего мужа и сыновей. В конце концов, она оставила квартиру своей дочери, Сталинке, у двух сыновей даже нет имен в произведении.

Людмила Петрушевская показывает Грозную как мать, которая больше заботится о своем доме, чем о своих детях, она совсем не заботится об их жилищных условиях. Кроме того, она безразлична и равнодушна к своим сыновьям, но любит свою дочь. Она оставила ей самое ценное, что у нее было – квартиру. Подобным типом является бабка Бай – мать Бай Люсю в романе Чжан Айлин.

Любовь Грозной и матери Бай Люси к своим детям условна. У них есть основной материальный интерес, а именно собственность. Вот почему, когда Бай Люсю сбежала от своего мужа, ее семья приняла ее, в это время у нее была собственность. И когда Бай Люсю была изгнана двумя своими братьями, близкие Бай Люсю уже потратили богатство, доставшееся ей при разводе, и мать не хотела тратить деньги на такую дочь, которая больше не смогла выйти замуж.

Разница в том, что Грозная, описанная Людмилой Петрушевской, – человек с феминистским духом. Грозная обращает внимание на свой жизненный уклад как женщина. Она не выносит вторжения в свой дом, она никогда не колеблется. Образ матери Бай Люсю – символ патриархальной мира, и она более благосклонна к своему сыну. На самом деле такой образ патриархальной матери очень распространен в китайских литературных произведениях, а также в фольклоре. Например, «растить сына, дабы обеспечить себе спокойную старость», «засватанная девка как разлитая вода – не наша» [10; с. 8]. Поговорка выражает одно и то же отношение, то есть вырастить сына достойнее, чем вырастить дочь. На это повлияла феодальная культура того времени.

Весьма близок к образу Грозной образ Цао Цицяо. Цао Цицяо, вышедшая из-под пера Чжан Айлин, или Грозная у Петрушевской, оба автора описывают персонажей одинаково, и оба они описывают искаженный образ матери – образ, противоположный типичному материнскому образу. Их любовь к детям искажена. И такая ненормальная любовь принесла несчастье всем. Внутренние искажения этих двух образов вызваны внешними причинами: в случае с Цао Цицяо материальными проблемами, в случае с Грозной – с эмоциональной опустошенностью.

Обе они хотят богатства, чтобы обеспечивать свою жизнь, показывая «надежность» денег в их самооценке, и в то же время они опасаются, что их богатство будет разграблено другими. Эта концепция «ненадежности» заставляет их защищаться и недоверчиво относиться к другим, поэтому они одиноки в романе и не нравятся другим. Они отличаются жадностью и безразличием к окружающим. Поэтому Грозная спешит выгнать своего сына и невестку из квартиры. Эта же черта вызывает паранойю и предпочтение Цао Цицяо своему сыну.

В традиционном Китае существует понятие: «когда дочь выходит замуж, как воду выливают» (потому что в древние времена после того, как дочь вышла замуж, она должна была носить фамилию своего мужа и жить с его семьей). Она могла вернуться в дом своих родителей только тогда, когда что-то случилось с ней. После того, как дочь вышла замуж, она стала членом другой семьи. Различное отношение Цао Цицяо к своим детям также основано на этой концепции. Она считает, что трата денег на дочь – бесполезная трата, и оставить все сыну – ее собственное дело. Но доброе обращение с сыном принесло им обоим горе.

Отсутствие эмоций также является основной причиной их искаженного материнского чувства. Материнская любовь, описанная двумя писателями, противоречит традиционной материнской любви. В

мрачных условиях жизни матери дарят окружающим не заботу и нежность, а боль и мучения. Глубокое материнское чувство извращено и скрыто глубоко в сердце.

Хотя в произведениях Чжан Айлин также встречается образ любящей матери, но он иной, чем у Л. Улицкой. Такая любящая мать в романах Чжан Айлин на самом деле представляет собой замаскированный образ. Чтобы обеспечить целостность семьи, она жертвует своим достоинством, она защищает семью и заботится о членах своей семьи якобы во имя любви, но это происходит из-за слабости.

Образ матери в произведениях Чжан Айлин лишен ореола святости, тепла и любви, а образ бездетной Медеи Улицкой достоин похвалы. Любящие Матери Улицкой сильны и терпеливы, а терпение – от любви в сердце, эта любовь – своего рода братство, она жертвует своим счастьем ради других, и однажды на такую любовь будет дан ответ.

В этой статье мы рассмотрели пять разных репрезентаций образа матери в произведениях Чжан Айлин, Петрушевской и Улицкой. Эти образы сопоставимы. Образ Медеи Улицкой, несомненно, является символом любящей матери, но этот образ необычный, потому что дети, вдохновившие Медею на материнство, не являются её собственными детьми. Улицкая показывает читателям женщину с огромной силой воли и мягкостью сердца, мощной духовной энергией, которой она обладает, и то, как эта мощная жизненная сила заражает окружающих.

В произведениях Чжан Айлин очень мало образов любящих матерей. Почему Чжан Айлин разрушает традиционный образ матери? Ответ на этот вопрос сводится к её детскому опыту. Образ матери в произведениях Чжан Айлин напрямую связан с травмой детства и серьёзным отсутствием материнской любви. Она никогда не чувствовала достаточной заботы со стороны матери.

Появление образа миссис Сюй вызвано внешними причинами – ценности феодального общества. Любовь матери Бай Люсю к своим детям условна, она, не колеблясь, принесла в жертву свою собственную дочь, но готова всячески поддерживать сына. Это связано с традиционным мышлением представителей патриархального общества. Цао Цицяо также щедра к своему сыну, но все это проистекает из её эгоизма. Она заставила сына принимать опиум, чтобы он остался с ней, а страх потерять сына разрушил его брак. Извращенные попытки Цао Цицяо сохранить власть над детьми были вызваны жизнью в большой феодальной семье, лишившей её всяческой свободы. Она не хотела видеть счастья других, потому что сама была лишена его, так она лишила счастья всех, кто ее окружал, включая детей.

Образ матери у русской писательницы Л. Петрушевской наиболее близок творчеству Чжан Айлин: обе они описывают образ жестокой матери, подрывающей представления людей о типичном образе Матери. Материнская любовь Грозной искажена, но, в отличие от образа матери Бай Люсю, причину искажения материнского чувства мы видим в её внутреннем феминизме.

Таким образом, мы можем сказать, что матери, описанные китайской и русскими писателями, имеют сходные черты, но есть и различия. Характер и поступки матери у Чжан Айлин объясняются влиянием внешней среды. Медея Улицкой является хранительницей домашнего очага, выражает положительное материнское начало. Чжан Айлин и Л. Петрушевская размышляют о том, насколько ужасно отсутствие материнской любви, но при этом подходят к этой проблеме с разных позиций. Чжан Айлин объясняет это пагубным влиянием патриархального уклада жизни. Судьба главной героини Л. Петрушевской тесно связана с историческими обстоятельствами. Перед нами разворачивается история представительницы тоталитарного государства.

Библиографический список

1. Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов [Текст]; пер. А. А. Спектор. М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2005. 400 с.
2. Ян Юнэн. Исследование образа матери в китайских литературных произведениях 1920-х и 1930-х годов. Литература Таншань. 2016. 204 с. (на кит.)
3. Денисенко В. А. О целесообразности сопоставления женских образов в русской и китайской литературе начала XX века / В. А. Денисенко, Ли Цян // Русский язык и лингвокультура в сопоставительном аспекте: Материалы ежегодной международной конференции кафедры русского языка для иностранных учащихся Уральского федерального университета (Екатеринбург, 1-2 июня 2017 г.). Вып. 3. Часть 2. Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2017. С. 23-26.
4. Чжан Айлин. Золотой замок. Хэфэй: Издательство Аньхойской литературы и искусства, 1991. 94 с. (на кит.)

5. Шедевры китайской женской прозы середины XX века / Перевод с китайского. М.: ИВЛ, 2018. 305 с.

6. Ровенская Т. А. Роман Л. Улицкой «Медея и ее дети» и повесть Л. Петрушевской «Маленькая Грозная»: опыт нового женского мифотворчества [Текст] / Т. А. Ровенская // Адам и Ева. Альманах гендерной истории; под ред. Л. П. Репиной. № 2. М.: ИВИ РАН, 2001. С. 137-163.

7. Березкина О.В. Исследование истории расширенной семьи на материале романа Л. Улицкой "Медея и ее дети" Журнал практической психологии и психоанализа, 2005. № 4 // <https://psyjournal.ru/articles/issledovanie-istorii-rasshirennoy-semi-na-materiale-romana-l-ulickoy-medeya>HYPERLINK "<https://psyjournal.ru/articles/issledovanie-istorii-rasshirennoy-semi-na-materiale-romana-l-ulickoy-medeya-i-ee-deti>"-i-HYPERLINK "<https://psyjournal.ru/articles/issledovanie-istorii-rasshirennoy-semi-na-materiale-romana-l-ulickoy-medeya-i-ee-deti>"eeHYPERLINK "<https://psyjournal.ru/articles/issledovanie-istorii-rasshirennoy-semi-na-materiale-romana-l-ulickoy-medeya-i-ee-deti>"-HYPERLINK "<https://psyjournal.ru/articles/issledovanie-istorii-rasshirennoy-semi-na-materiale-romana-l-ulickoy-medeya-i-ee-deti>"deti (дата обращения: 24.07.2021).

8. Черкашина С. П. Художественная репрезентация архетипов женского начала в творчестве Л.С. Петрушевской. Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград. 2015. 204 с.

9. Петрушевская Л. Маленькая Грозная // Современная проза: Богиня парка сборник, 2006. С. 229-288.

10. Се Бин. Феномен вдов и сирот в китайской культуре // Журнал "Вьентян". 1994. 8 с. (на кит.)

References

1. Jung K. G. Soul and myth. Six archetypes [Text]; per. A. A. Spector. M.: AST, Mn.: Harvest, 2005. 400 p.

2. Yang Youn eng. 1920-1930 Nian dai Zhong guo wen xue zuo pin zhong de mu qin yi xiang yan jiu [Research on Mother Image in Chinese Literary Works from 1920 to 1930. Tangshan Literature.], 2016. 204 p. (In Chinese)

3. Denisenko V. A. On the expediency of comparing female images in Russian and Chinese literature of the early XX century / V. A. Denisenko, Li Qiang // Russian language and linguoculture in a comparative aspect: Materials of the annual international conference of the Department of the Russian language for foreign students of the Ural Federal University (Yekaterinburg, June 1-2, 2017). Issue 3. Part 2. Yekaterinburg: Publishing house "Azhur", 2017. 23-26 p.

4. Zhang Ailing. Jin suo ji [Golden Lock] [M]. Hefei: Anhui Literature and Art Publishing House, 1991. 94 p. (In Chinese)

5. Masterpieces of Chinese women's prose of the mid-twentieth century / Per. s kitayskogo. – M.: IVL, 2018. 305 p.

6. Rovenskaya T. A. Medea and her children" and L. Petrushevskaya's story "Little Terrible": [the experience of new female myth-making] / T. A. Rovenskaya // Adam i Yeva. Al'manakh gendernoy istorii; pod red. L. P. Repinoy. 2001. № 2. М.: IVIRAN, pp. 137-163.

7. Berezkina O.V. Investigation of the history of the extended family based on the novel "Medea and her children" by L. Ulitskaya. Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis. 2005. No.4 // <https://psyjournal.ru/articles/issledovanie-istorii-rasshirennoy-semi-na-materiale-romana-l-ulickoy-medeya> (date of application: 24.07.2021).

8. Cherkashina S. P. Artistic representation of the archetypes of the feminine principle in the works of L. S. Petrushevskaya. Dissertation for the degree of candidate of philological sciences. Volgograd. 2015. 204 p.

9. Petrushevskaya L. Little Terrible / Sovremennaya proza: Boginya parka sbornik. 2006, pp. 229-288.

10. Xie Bing. Zhong guo wen hua zhong de gua fu he gr xian xiang [The Phenomenon of Widows and Orphans in Chinese Culture], Wan Xiang za zhi. 1994. 8 p. (In Chinese)

КОНЦЕПТОЛОГИЯ CONCEPT STUDIES

УДК 81'42

10.36622/AQMPJ.2021.59.11.019

*Воронежский государственный технический университет
доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Ковалева Л.В.
Россия, г. Воронеж, тел. 89107498716*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian Language
and cross-cultural communication
doctor of philology, professor
Kovalyova L.V.
Russia, Voronezh, tel. 89107498716*

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации
доктор социологических наук, профессор
кафедры управления персоналом
Коростылева Н.Н.
Россия, г. Москва, тел. 79104697661*

*The Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President
of the Russian Federation
Doctor of Sociology, Professor of the
Department of Personnel Management,
Korostyleva N.N.
Russia, Moscow, tel. 89104697661*

Л.В. Ковалева, Н.Н. Коростылева

ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИЯ КАК УНИВЕРСАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ В КУЛЬТУРНОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Статья посвящена рассмотрению двух основных направлений в современной филологической науке – универсологии и лингвокультурологии. Наш интерес как исследователей привлекла эта проблема, поскольку комплексное исследование способно привести ученых к принципиально новым результатам. Появившиеся в лингвистике новые научные направления посвящены рассмотрению следующих аспектов. Универсология рассматривает закономерности функционирования человеческого языка, единство их происхождения и многообразия. Данное направление способствует прояснению механизмов и закономерностей языка и мышления. Лингвокультурология занимается изучением взаимосвязи человека с окружающей действительностью. Изучение взаимоотношения человека с окружающей действительностью, способность получать, преобразовывать полученную информацию приводит ученых к понятию картины мира. Термин «картина мира» и связанная с этим отрасль языкознания – лингвокультурология - возникают в конце 20 века. Лингвокультурология - очень молодая гуманитарная наука, поэтому существуют расхождения во взглядах ученых на данную отрасль языкознания. Некоторые лингвисты подвергают сомнению термин «картина мира» и «языковая картина мира», «концепт». Термин «картина мира» используется учеными весьма активно не только в лингвистике, но и во многих других науках. В результате появляются такие понятия, как «картина мира», «образ мира», «концепт». Имеется большое количество определений картины мира. Мыслительная деятельность человека универсальна, однако она проецируется на семантику национальных языков в силу специфических особенностей языков, культур, традиций и истории народов. Авторы, приводя примеры, доказывают данный факт. Фразеологизмы с лексемой “рыба” в русском, немецком и английском языках основаны на одинаковых образах, но, вербализуясь, получают иногда одинаковые, иногда совершенно разные ассоциации, что объясняется традициями, исторически сложившимися в анализируемых языках.

Ключевые слова: картина мира, концепт, образ мира, мыслительная действительность, национальное своеобразие.

L.V. Kovaleva, N.N. Korostyleva

**PHRASEOLOGIZATION AS A UNIVERSAL PHENOMENON
IN THE CULTURAL LINGUISTIC SPACE**

The article is devoted to the consideration of two main directions in modern philological science - universology and linguoculturology. Our interest as researchers was attracted by this problem, since a comprehensive study can lead scientists to fundamentally new results. The new scientific directions that have appeared in linguistics are devoted to the consideration of the following aspects. Universology considers the laws of the functioning of human language, the unity of their origin and diversity. This direction helps to clarify the mechanisms and patterns of language and thinking. Linguoculturology studies the relationship of a person with the surrounding reality. The study of the relationship of a person with the surrounding reality, the ability to receive and transform the information received leads scientists to the concept of a picture of the world. The term "picture of the world" and the related branch of linguistics - linguoculturology - arose at the end of the 20th century. Linguoculturology is a very young humanitarian science, so there are differences in the views of scientists on this branch of linguistics. Some linguists question the term "picture of the world" and "linguistic picture of the world", "concept". The term "picture of the world" is used by scientists very actively not only in linguistics, but also in many other sciences. As a result, concepts such as "picture of the world", "image of the world", "concept" appear. There are a large number of definitions of the world picture. Human mental activity is universal, but it is projected onto the semantics of national languages due to the specific features of languages, cultures, traditions and the history of peoples. The authors, giving examples, prove this fact. Phraseological units with the lexeme "fish" in Russian, German and English are based on the same images, but when verbalized, they sometimes get the same, sometimes completely different associations, which is explained by the traditions historically formed in the analyzed languages.

Keywords: worldview, concept, image of the world, mental reality, national identity.

Для современной науки характерно объединение различных дисциплин, интересующихся получением, трансформацией и передачей знаний человека об окружающей действительности. Ученые в XX веке занимались в основном исследованием традиционных языковых явлений, и лингвистика была узкоспециальной дисциплиной, но современная лингвистика становится общедисциплинарной. Она объединяет такие дисциплины, как психология, философия, нейрофизиология, этнология, психолингвокультурология и др. Такое комплексное рассмотрение языка стало характерной чертой современных исследований, что привело к принципиально новым результатам, а именно, к появлению новых направлений исследования. С одной стороны – это универсология, а с другой – лингвокультурология. В задачи универсологии входит изучение и описание языковых универсалий, то есть основных признаков, наблюдаемых во всех языках мира или в большинстве их. Универсология – новое важное направление в исследовании языка, которое должно занять важное место в мировой лингвистике как направление, изучающее общие закономерности строения и функционирования человеческого языка, единство их происхождения и многообразия. Данное направление способствует прояснению механизмов и закономерности языка и мышления. Еще В. Гумбольдт предлагал исследовать человеческий язык в его широчайшем объеме, то есть не просто по отношению к речи, «набору лексических элементов, но и в его отношении к деятельности мышления и чувственного восприятия» [1].

Термин «картина мира» и связанная с этим отрасль языкознания – лингвокультурология - зародились в конце 20 века. Это очень молодая гуманитарная наука, поэтому существуют расхождения во взглядах ученых на данную отрасль языкознания. Некоторые лингвисты подвергают сомнению термин «картина мира» и «языковая картина мира», «концепт». Например, А.Б. Бушев считает, что лингвострановедение – отрасль лингводидактики, которая имеет задачи ознакомления с реалиями, с фоновыми знаниями носителя языка, представленными в языке [2]. Однако у лингвокультурологии другие задачи. Она взаимодействует с этнолингвистикой, психолингвистикой, лингвострановедением и другими науками. Дискуссионной для критиков является связь языка и мышления. Лингвокультурология изучает универсальные понятия, структуру концептов. Воробьев так характеризует лингвокультурологию: «комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц их языкового и внеязыкового (культурного) содержания» [3]. Сопоставление картин мира разных языков - это задача, которую решают лингвисты с целью установления причин расхождений в языковых картинах мира. Это связано, прежде всего, с познаниями окружающей действительности и вербализации ее в языках мира. Сравнение языковых картин мира позволяет выявить

общечеловеческие и национально своеобразные свойства в лексической системе разных языков. Проблеме универсального и национального посвящены работы А. Вежбицкой, Д.О. Добровольского, В.Г. Гака, зарубежных ученых Б. Портге, К. Джеймса и др.

Изучение взаимоотношений человека с окружающей действительностью, способность получать, преобразовывать полученную информацию приводит ученых к понятию картины мира. Термин «картина мира» используется учеными весьма активно не только в лингвистике, но и во многих других науках. Имеется большое количество определений картины мира. А. Зализняк дает такое определение: «картина мира – упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (а также в групповом, индивидуальном) сознании и обязательная для всех носителей языка» [4].

Однако многие исследователи представляют картину мира в качестве образа мира или модели мира, как комплексную систему представлений о реальности, то есть тот образ мира, который отражается в мозгу человека при взаимодействии с окружающей действительностью. Человек познает мир прежде всего через органы чувств, то есть с помощью перцепции. Если человек видит какую-нибудь вещь, то создается представление об этой вещи как внутренний образ, возникший на основе впечатлений от данной вещи. Происходит когнитивная мыслительная деятельность, связанная с данной вещью. Существует уровневая модель познания, начиная от чувственного уровня (перцепции) до абстрактного мышления. Образ вещи на уровне абстрактного мышления формируется как результат осмысления воспринятого образа мира. Образы (концепты), как считает С.А. Аскольдов, есть «мыслительные образования, которые замещают нам в процессе мысли неопределенное множество предметов» [5]. Такая мыслительная деятельность личности универсальна и позволяет утверждать, что является одинаковой содержательной стороной всех языков мира и служит единой системой человеческого знания о мире. Мыслительные образы «имеют минимум национальных различий, поскольку едина и всеобща вся когнитивно-семантическая сфера человечества, основанная на единстве окружающего мира и разума. Эта деятельность не может иметь национальных границ, она в принципе транснациональна» [6]. Впервые категория «образ мира» в отечественных исследованиях использовал С.Д. Смирнов, развив учение А.Н. Леонтьева о «психологии мира», который считал, что объект, воспринимаемый человеком, не имеет отдельных признаков, а воспринимается сразу в качестве категоризированного предмета. «Образ мира строится субъектом на основании извлекаемой из среды сенсорной информации и ее последующей когнитивной обработки» [7]. Образы формируются в мозгу человека благодаря универсально-предметному коду (УПК), который определил Н.И. Жинкин [8], считающий, что УПК – это целый комплекс сенсорно-рецептивных и логико-понятийных образов. Это явление является универсальным.

Однако единая ментальная картина мира (образ мира), созданная в мозгу человека в результате взаимодействия с окружающей действительностью, проецируется на семантику национальных языков, отражая специфические особенности языков, культур, традиций и истории народов. О.А. Корнилов считает, что картина мира должна представлять собой систематизацию плана содержания языка и что каждый язык – это «уникальное коллективное произведение искусства, неотъемлемая часть культуры народа, орган саморефлексии, самопознания и самовыражения национальной культуры» [9].

А. Вежбицкая отмечает, что существуют некоторые фундаментальные понятия, подлежащие лексикализации во всех языках мира. Языковые и культурные системы отличаются друг от друга, но существуют семантические и лексические универсалии, указывающие на общий понятийный базис, на котором основываются человеческий язык, мышление и культура. По мнению исследователя, задача ученых - выявить общий набор понятий, лежащих в основе психологического единства человечества [10].

Известно, что европейские страны, например, Германия, Англия и Россия, в силу близких климатических условий и географического положения и образа жизни имеют очень схожие растения, сельскохозяйственные культуры и одинаковых домашних и диких животных. По этой причине они могут содержать общую образную основу. Рассмотрим, например, образ рыбы. Словари фиксируют следующее значение лексемы рыба: «Рыба – позвоночное водное животное с конечностями в виде плавников, дышащее жабрами» [11].

Рассматривая лексико-семантические признаки данной лексемы, можно выявить, как происходит объективирование образа рыбы в картине мира человека, какие фразеологические единицы эксп-

лициируют образ рыбы, акцентируют внимание на выяснении национальных различий между ними. Рассмотрим фразеосочетания русского языка с лексемой «рыба».

Нем как рыба. Известно, что рыбы не издают звука. Фразеологизм означает: молчит и ничего не говорит;

как рыба в воде – (вода – обитание рыб, где им хорошо, где они живут), поэтому фразеосочетание значит - чувствовать себя уверенно, хорошо, непринужденно где-либо;

ни рыба ни мясо – безразличный человек, невыразительный;

биться как рыба об лед – образ рыбы, лишенной дыхания, запечатленный в мозгу человека, позволяет создать фразеологизм со значением «мучительно искать выход из создавшегося трудного положения»;

ловить рыбу в мутной воде. Известно, что в мутной воде ничего не видно, поэтому и возник фразеологизм - извлекать для себя выгоду, пользуясь неясностью обстановки, пользоваться чьими-то затруднениями;

холодная рыба – бесчувственный человек;

мелкая рыба – о невлиятельном человеке;

рыбья натура – холодный человек, не имеющий чувств.

Рассмотрим теперь фразеосочетания немецкого языка с лексемой «Fisch» - рыба.

Stumm wie ein Fisch – немой как рыба, то есть ничего не говорит;

gesund wie ein Fisch im Wasser – здоров как рыба в воде;

Die grossen Fische fressen die kleinen – (букв. большие рыбы пожирают маленьких (мелких) - властные и богатые живут за счет подчиненных и бедных;

Das ist weder Fisch noch Fleisch - ни рыба ни мясо;

Ein kalter Fisch – (букв.холодная рыба) – холодный бесчувственный человек;

Das sind faule Fische – (букв.тухлые рыбы) – подозрительные вещи;

Der Fisch will schwimmen – (букв.рыба хочет плавать) – человек хочет пить (обычно, когда человек поест рыбу, ему хочется пить);

Sich fühlen wie ein Fisch im Wasser – чувствовать себя как рыба в воде. Быть уверенным в чем-либо;

Sich fühlen wie ein Fisch auf dem Trockenen – (букв.чувствовать себя как рыба на суше) – попасть в тяжелое положение;

Ein großer Fisch – крупная рыба – важная птица, важная персона;

Das sind ungefangene Fische – (букв. непойманная рыба) – делить шкуру неубитого медведя;

Der Fisch hat angebissen – (букв.рыба клюет) – хитрость удалась;

Du kriegst Fische (букв.ты получишь рыбу)- ты у меня получишь! (угроза);

Einen dicken Fisch an Land ziehen – (букв. вытянуть жирную рыбу на берег).

Фразеологизмы английского языка с лексемой «fish»:

April fish – (апрельская рыба) – первоапрельская шутка;

be like a fish out of water – чувствовать себя как рыба в воде, чувствовать себя хорошо, уверенно;

the best fish swim near the bottom (букв. лучшая рыба плавает по дну, т.е. глубоко) – все хорошее дается не легко;

cry stinking fish – (букв. кричать, что рыба тухлая) – прибедняться;

dumb as a fish – нем как рыба;

A fine kettle of fish – (букв. замечательный котелок с рыбой) – хорошенькое дело, прекрасная история;

fish begins to stink at the head – рыба гниет с головы;

the great fish eat up the small – (буквю крупные рыбы пожирают мелких) – сильные пожирают слабых;

gut no fish till you get them – (не потрошите рыбу, пока не поймаете) – не радуйся раньше времени, цыплят по осени считают;

have other fish to fry – (букв. есть другая рыба, которую нужно поджарить) – есть другие, более важные дела;

neither fish nor flesh – ни рыба ни мясо;

never offer to teach fish to swim (букв. не учи рыбу плавать) – не учи ученого;

Очевидно, что в основу данных устойчивых словосочетаний легли наблюдения людей за свойствами, особенностями поведения рыб. Как показывают примеры, фразеологизмы с лексемой “рыба” в русском, немецком и английском языках основаны на одинаковых образах, но, вербализуясь, получают иногда одинаковые, иногда совершенно разные ассоциации, что объясняется традициями, исторически сложившимися в анализируемых языках. Поэтому образ рыбы получает и разные интерпретации во фразеосочетаниях с одинаковыми лексемами.

Библиографический список

1. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985. М.: Прогресс, 1985. 451 с.
2. Бушев А.Б. Лингвокультурные универсалии, концепты, понятия // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. №2. С. 117-123
3. Воробьев В.В. Лингвокультурология. М.: РУДН, 2008. С. 37.
4. Зализняк А.А. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки русской культуры, 2005. 544 с.
5. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Аскольдов С.А. Русская словесность. Антология. М.: Academia, 1997. С.267-279.
6. Манакин В.Н. Сопоставительная лексикология // Манакин В.Н. Сопоставительная лексикология. Киев: Знання. 2004. С.42.
7. Смирнов С.Д. Мир образов и образ мира // Вестник Московского университета, серия 14: Психология. 1981. №2. С.15-29.
8. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. Речь как проводник информации. М., 1989. 159 с.
9. Корнилов О.А. Языковые картины мира // Корнилов О.А.. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: МГУ, 2014. С.133.
10. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. С. 321-322.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1990. С. 688.

References

1. Humboldt V. Language and philosophy of culture. M., 1985. M.: Progress, 1985. 451 p.
2. Bushev A.B. Linguocultural universals, concepts, concepts // Actual Issues of Modern Philology and Journalism. 2021. №2. Pp. 117-123.
3. Vorobyov V.V. Linguoculturology. M.: RUDN. 2008. P. 37.
4. Zaliznyak A.A. Russian Russian language picture of the world: A collection of articles. M.: Languages of Russian culture, 2005. 544 p.
5. Askold S.A. Concept and word // Askold S.A. Russian literature. Anthology. M.: Academia, 1997. Pp. 267-279.
6. Manakin V.N. Comparative lexicology // Manakin V.N. Comparative lexicology. Kiev. Knowledge. 2004. P. 42.
7. Smirnov S.D. The world of images and the image of the world // Bulletin of the Moscow University. Series 14: Psychology. 1981. №. 2. Pp.15-29.
8. Zhinkin N.I. Speech as a conductor of information. M., 1989.159p.
9. Kornilov O.A. Linguistic pictures of the world / Kornilov O.A. Linguistic pictures of the world as derivatives of national mentalities. M.: MSU, 2014. P.133.
10. Vezhbitskaya A. Language. Culture. Russian Russian Dictionaries, 1996. Pp. 321-322.
11. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language. M., 1990. P. 688.

ЖУРНАЛИСТИКА В ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ JOURNALISM IN HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

УДК 81'23

10.36622/AQMPJ.2021.93.18.020

*Московский государственный педагогический университет
доктор филологических наук,
доцент, профессор кафедры грамматики
английского языка института иностранных языков*

Сергеева Ю.М.

Россия, г. Москва, тел. + 7 (906) 773-79-23

e-mail: zork_lipa@mail.ru

*кандидат филологических наук,
старший преподаватель
кафедры грамматики английского языка
института иностранных языков*

Уварова Е.А.

Россия, г. Москва, тел. +7 (906)773-79-23

e-mail: ekaterina_uvarova_91@inbox.ru

*Moscow State Pedagogical University
The chair of grammar of the English
language at the institute of foreign languages
Doctor of Philology,
full professor,*

Sergeeva Yu.M.

Russia, Moscow, tel. +7 (906) 773-79-23

e-mail: zork_lipa@mail.ru

*PhD in Philology
The chair of grammar of the English language at the
institute of foreign languages*

Senior lecturer

Uvarova E.A.

Russia, Moscow, tel. +7 (906) 773-79-23

e-mail: ekaterina_uvarova_91@inbox.ru

Ю.М. Сергеева, Е.А. Уварова

ЮМОР КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ КАТАСТРОФ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ НА ТЕМУ COVID-19)

В статье рассматривается функциональный потенциал категории комического в современном медиaprостранстве. Планетарная фобия, вызванная пандемией COVID-19, породила целую волну шуток на грани фолла, активно распространяющихся в глобальной сети и представляющих новый подвид черного юмора – «юмор катастроф» (disaster humor), который, в свою очередь, сконцентрирован вокруг катаклизмов, масштабных аварий, бедствий, смертей известных личностей, которые активно освещаются и даже муссируются в СМИ. Юмористический дискурс, являющийся объектом данного исследования, представляет собой многогранный лингвистический феномен, который авторы анализируют на материале интернет-мемов, отражающих мнение обширной аудитории интернет-пользователей. Предметом анализа являются выделенные авторами исследования основные функции категории комического как структурно-композиционной основы интернет-мемов: манипулятивная (воздействующая), терапевтическая (функция психологической защиты), аксиологическая (оценочная) и культурно-регенерирующая. Авторы также выявили основные стилистические средства, используемые для достижения прагматического эффекта в данном типе поликодового дискурса. Вышеназванный функционал категории комического подтверждает гипотезу о стремлении интернет-пользователей к выражению собственного мнения, сплочению, социализации, эмпатии, социальной солидарности, бунта против слишком активного освещения некоторых событий в СМИ. Результаты, полученные на основе анализа более чем 100 интернет-мемов, могут быть использованы в рамках медиалингвистики, дискурс-анализа, функциональной стилистики, теории журналистики и смежных дисциплин.

Ключевые слова: категория комического, черный юмор катастроф, поликодовый текст, интернет-мем, пандемия коронавируса.

Y.M. Sergeeva, E.A. Uvarova

HUMOR AS AN INSTRUMENT OF SOCIAL INTERACTION IN PERIODS OF GLOBAL DISASTERS (ON THE MATERIAL OF INTERNET-MEMES DEVOTED TO THE COVID-19 PANDEMIC)

The article touches upon the functional capacity of the comic in contemporary media space. The global phobia that was raised by the COVID-19 pandemic inspired a number of provocative jokes which are now widely spread in the global network and represent the so-called “disaster humor”, a variety of black humor dealing with cataclysms, mass accidents, break-downs, global catastrophes extensively covered by the media. The humorous discourse, which is the object of this research, is a multilateral linguistic phenomenon analyzed on the material of Internet-memes whose purpose is to reflect the opinion of the vast audience of Internet users. The goal of our research is to point out the main functions of the comic as the structural and compositional basis of Internet-memes. As the result of the analysis four main functions of humorous media discourse were singled out: manipulative, therapeutic (or the function of psychological defense), axiological (evaluating) and culture regenerating. The authors also described the main stylistic devices that are used to achieve the pragmatic effect in this type of polycode discourse. The variety of functions of the category of the comic and their close correlation prove that Internet users aim at unity, socialization, mutual empathy, social solidarity and some kind of revolt against the official coverage of certain events in the media. The results of the research reflecting the analysis of more than 100 Internet-memes can be used in the field of media linguistics, discourse analysis, functional stylistics, the studies of journalism and related areas.

Key words: the comic, disaster humor, polycode text, Internet-mem, coronavirus pandemic.

Категория комического, которая представляет собой сложную философско-эстетическую категорию, объединяющую такие подвиды, как юмор, ирония, сатира, сарказм и черный юмор, является актуальным объектом исследования не только в текстах художественной литературы [1, 2, 3], но и в медиадискурсе [4, 5, 6, 7].

Отметим, что для медиадискурса характерен весь спектр оттенков комического: от мягкого юмора, который вызывает лишь положительные эмоции у реципиентов, до язвительного и разрушительного сарказма, который может быть доведен до уровня гротеска, и порой служит инструментом троллинга. Неоспоримым является и тот факт, что содержательный аспект прагматически успешного медиатекста должен коррелировать как с его языковым оформлением, так и с его эмотивно-аксиологической тональностью.

В настоящее время живой интерес отечественных и зарубежных лингвистов вызывает и феномен *черного юмора*, особый тип комического, отличающийся стремлением к высмеиванию тех аспектов жизни индивида и/или коллектива, над которыми в цивилизованном обществе смеяться не принято: например, тема смерти и все, что с ней связано.

Особенно активно развивается достаточно новый подвид черного юмора – «черный юмор катастроф», получающий мощный толчок именно в периоды природных катаклизмов, крупных аварий, бедствий планетарного масштаба, смертей публичных личностей, которые активно освещаются (или даже излишне муссируются) в СМИ, что, в свою очередь, и вызывает острую реакцию у аудитории в форме циничных шуток.

Цель нашего исследования – проанализировать лингво-прагматические особенности современного черного юмора катастроф и его функционирование в особом типе медиадискурса - интернет-мемах, посвященных новой коронавирусной инфекции (COVID-19), впервые зарегистрированной в декабре 2019 года в Китае и ставшей по-настоящему массовым бедствием, охватившим весь мир.

В длинной и драматичной истории человечества это не первая ситуация, когда некая глобальная катастрофа угрожала не одной отдельно взятой области обитания или государственной формации, а всему континенту или даже всей планете в целом. Реакция всего мирового сообщества и СМИ на данное событие была бурной: буквально каждую минуту в Сети появлялись новые известия, результаты исследований еще не изученной до конца инфекции; свежие события активно обсуждались (и обсуждаются до сих пор) в каждой стране мира. Наиболее активно дискуссии ведутся, конечно же, в социальных сетях. Проанализировав именно эти площадки, можно сформировать хотя бы примерное представление о том, как же мировое сообщество реагирует на текущие события, которые освещаются в СМИ. Ведь, как справедливо замечает В.И Карасик, «широкое внедрение социальных сетей в современную коммуникативную практику привело к тому, что значительные массы населения под-

ключились к комментированию циркулирующей информации, размывая границу между публичным и частным общением» [8; с. 25].

Именно поэтому центром нашего исследования стали социальные сети и коммуникация пользователей на этих площадках. Материалом исследования послужили интернет-мемы, которые создаются непосредственно интернет-пользователями как отражение их личного мнения или реакции на то или иное событие.

Под интернет-мемом можно понимать поликодовое образование («полимодальную единицу» [9]), которое, как и любой поликодовый текст, состоит из разных семиотических систем, включая в себя как вербальные (текст), так и невербальные компоненты (изображение). Если затрагивать идейную составляющую данных поликодовых образований, нельзя не согласиться с тем, что любой мем – это «единица, передающая культурную информацию и имеющая стандартизированную форму (картинка и текст в квадратной рамке)» [10]. Следует также подчеркнуть тот факт, что любой мем можно, несомненно, назвать настоящим транслятором личного опыта и мнения автора, которые впоследствии могут повлиять на формирование картины мира других индивидов, если данный мем становится достоянием общественности и предметом дискуссии в социальной сети.

Таким образом, проанализировав данный тип дискурса, можно понять, как обобщенный обитатель интернет-пространства реагирует на все, что происходит вокруг (прежде всего, на те новости, которые активно обсуждаются в СМИ).

Безусловно, большая часть современных интернет-мемов неотделима от категории комического, которую можно назвать *композиционной основой* данного типа поликодового текста. Если говорить об интернет-мемах, возникших в период пандемии коронавирусной инфекции, то в их основе лежит именно черный юмор катастроф: смешные (хоть иногда и жестокие, на грани фола) картинки помогали не только ослабить растущее напряжение в мире, но и сплотить отдельных индивидов, способствовать их социализации, а также отразить реакцию мирового сообщества на все те новости, которые освещались в СМИ, и события, которые происходили вокруг.

Проанализировав более ста англоязычных и русскоязычных интернет-мемов, распространяемых на таких известных площадках, как «ВКонтакте», «Facebook» «Twitter» и др., мы выделили четыре основные функции данных поликодовых текстов (и комического как их композиционной основы) в эпоху распространения коронавирусной инфекции в мире: манипулятивную (воздействующую), терапевтическую (или функцию психологической защиты), аксиологическую (оценочную) и культурно-регенерирующую. Важным этапом нашего исследования стал также анализ основных способов реализации категории комического в подобных поликодовых медиаобразованиях.

Рассмотрим каждую из вышеназванных функций более подробно.

Безусловно, черный юмор катастроф в композиционно-семантической структуре интернет-мема способен выполнять *манипулятивную (воздействующую) функцию*, так как он позволяет пользователям Сети доносить свою точку зрения, выражать недовольство или даже желание взаимодействовать с обществом, в том числе, и со СМИ как своеобразным рупором этого общества: «обмен мемами воздействует на формирование и дополнение социальной и индивидуальной картины мира» [11; с. 196]. Иными словами, мем, созданный одним человеком, распространяясь по Сети, воздействует на точку зрения аудитории (иногда даже против воли пользователей), формируя, тем самым, общественное мнение и реализуя ту самую манипулятивную функцию.

Реализация данной функции хорошо прослеживается в следующих примерах:

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

На рис. 1 юмор сочетается с сатирой, реализуясь посредством приемов фотомонтажа и контраста. Распространенное мнение рядового обывателя о том, что с наступлением Нового года жизнь изменится к лучшему, авторы мема интерпретируют следующим образом: после полуночи к нам вернется прежний жизненный уклад - с масками, дистанцией и прочими противоковидными мерами. Не стоит слепо верить в лучшее будущее, нужно трезво оценивать ситуацию. Интересно заметить, что контраст передается здесь не только на иконическом уровне (противопоставлены центральное и латеральные изображения), но и на метаязыковом уровне: объект высокой культуры (всемирно известное произведение искусства – картина Леонардо да Винчи «Джоконда») посредством приема фотомонтажа соотносится с обыденными предметами (праздничным колпачком, бокалом с шампанским), а сам образ Моны Лизы наделяется способностью использовать сниженную лексику (*Damn*). Это еще больше размывает границы между двумя типами культур - элитарной и массовой, что характерно для современного глобализованного мира.

Посредством мемов на рис. 2 и 3 массовая аудитория пытается донести свои мысли по поводу самоизоляции и дистанционной работы.

На рис. 2 юмор реализуется с помощью двух основных стилистических приемов. Во-первых, посредством приема персонификации: индивид сравнивается с пастушьей собакой, которая выполняет свои функции дистанционно, виртуально присутствуя на поле с овцами, которых она призвана охранять. Комическая ситуация доведена до абсурда умелым использованием иконического компонента, который сразу привлекает внимание, поскольку изображение воспринимается в разы быстрее, чем вербальный текст. Контраст создается посредством противопоставления типичной для карантина ситуации (*working from home*) и гротескного образа работника.

Мем на рис. 3 также построен на контрасте: изображение противопоставляет мнение «экспертов», тиражируемое СМИ, о том, что с приходом самоизоляции жизнь не изменится, реальности происходящего с типичным членом общества. Автор мема высмеивает данную точку зрения, гиперболизируя и доводя ситуацию до абсурда. Мем представляет собой поликодовый текст с приблизительно равным прагматическим потенциалом вербального и иконического компонентов.

Отметим, что мемы на рис. 2, 3 выражают открытую насмешку массовой аудитории над активно пропагандируемой СМИ и навязываемой властями точкой зрения о том, что самоизоляция практически идентична прежней активной жизнедеятельности. Сатира здесь эксплицитная, открыто разоблачающая двуличие властей и их завуалированное манипулирование массовым сознанием, что, кстати, и объясняет особую популярность именно сатиры (а не юмора или иронии) во время переломных моментов или кризисов в обществе [4; с. 85].

Аксиологическая (оценочная) функция юмора в интернет-мемах тесно связана с манипулятивной: речь идет о способности юмора в структуре интернет-мемов помогать массовой аудитории отделять нужное и важное от бесполезного, формировать свою систему ценностей и понятий, адекватно оценивать ту или иную ситуацию.

В рамках философии под аксиологией принято понимать дисциплину, которая исследует «категорию «ценность», характеристики, структуры и иерархии ценностного мира», а также «природу и специфику ценностных суждений» [12; с. 62]. Ценности, транслируемые посредством СМИ, подаются в терминах исключительности и необходимости для каждого отдельного индивида, что и подчеркивает взаимосвязь между манипулятивной и аксиологической функциями.

Как показывают результаты исследования, интернет-мемы действительно способны не только указать индивиду на важность того или иного события, но сформировать *оценочное суждение*, определить для себя значимость или бесполезность транслируемой идеи.

Рассмотрим следующие примеры.

Рис. 4

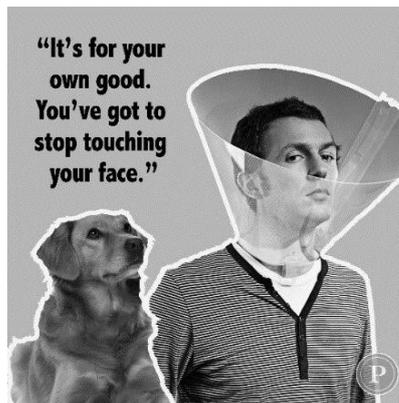

Рис. 5

Рис. 6

Интернет-мем на рис. 4 указывает нам на важность соблюдения дистанции и ношения масок – ведь даже материальные объекты (детали скульптуры «Рабочий и колхозница», авт. В Мухина) делают это. Комический эффект достигается посредством фотомонтажа, который считается иконическим стилистическим приемом. Реципиенту не нужно задерживаться на вербальном тексте, который здесь минимизирован до цифрового обозначения рекомендуемой социальной дистанции, поскольку смысл мема как поликодового текста с полной креолизацией улавливается им моментально. Оценочное суждение, которое формируется у публики в данной ситуации, имеет явно выраженный мелиоративный характер: соблюдение масочного режима и социальной дистанции способствует сохранению здоровья индивида.

На рис. 5 комический эффект достигается не только за счет комбинации нескольких стилистических приемов, реализуемых на вербально-иконическом уровне. Абсурдность ситуации передается приемами гиперболы (чтобы не трогать лицо руками, человеку пришлось даже примерить защитный воротник, предназначенный для животных), олицетворения (собака дает советы человеку) и ролевой транспозиции (теперь человек должен носить защитный воротник, а не собака). В данном случае демонстрируется мелиоративная оценка действий индивида: ношение средств защиты способствует предотвращению заражения вирусом (*It's for your own good*).

На рис. 6 мы видим интернет-мем, представляющий вроде бы типичную коммуникативную ситуацию знакомства двух людей, в которой вербальный контактоустанавливающий компонент сопровождается этикетным жестом – рукопожатием. Однако продолжение данной ситуации выходит далеко за рамки фатического общения: узнав, что его собеседник из Италии, герой сразу же пытается отрезать себе руку. Комический эффект реализуется через смешанную, вербально-иконическую гиперболу: реакция индивида не соответствует стимулу, и вся ситуация граничит с нонсенсом, с абсурдом. В данном дискурсе присутствует пейоративный оценочный вектор: авторы мема негативно оценивают действия некоторых индивидов, впадающих в панику по пустякам и неадекватно реагирующих на обычные бытовые ситуации. Одновременно посредством данного мема они пытаются воздействовать на индивида, косвенно советуя сохранять спокойствие даже в критических ситуациях.

Следующий мем (рис. 7) также демонстрирует негативную оценку авторами происходящего: «смех сквозь слезы» – так можно прокомментировать данный образец черного юмора. Здесь обыгрываются общеизвестные факты: ужасные условия проживания части населения Индии на грани нищеты; тяжелая эпидемиологическая обстановка в этой стране; постоянно вспыхивающие эпидемии различных заболеваний, вызванные нарушением элементарных санитарно-гигиенических норм. Мировое сообщество в лице СМИ неоднократно привлекало внимание общественности к этим проблемам, в оценке которых у каждого цивилизованного гражданина, безусловно, преобладает пейоративный компонент. Юмористический эффект достигается в данном меме посредством своеобразного визуального оксюморона: не люди надевают средства индивидуальной защиты, спасаясь от вируса, а вирус облачается в защитный костюм, стремясь избежать пагубного влияния окружающей среды, наполненной миазмами и болезнетворными бактериями. Данный мем обладает весьма сильным воздействующим эффектом, заставляя задуматься над ситуацией в стране в целом и ее негативными последствиями для людей вне временных рамок пандемии COVID-19.

Рис. 7

Именно на ликвидацию стресса направлена еще одна функция комических интернет-мемов – **терапевтическая функция (функция психологической защиты)**.

А. Бретон писал, что черный юмор – это «парадоксальное тождество принципа удовольствия над обстоятельствами реальности в момент, когда они, казалось бы, с наибольшей силой ополчаются против человека» [13; с. 160]. С помощью разных типов комического индивид отстраняется от происходящего, пытается противостоять потоку негативной информации, который буквально поглощает современное общество. Юмор – типичная защитная реакция не только на то, что реально происходит вокруг, но и на своеобразную подачу материала в СМИ, которые нередко нагнетают атмосферу, представляя ситуацию в более негативном свете, чем она есть на самом деле.

Экспериментально доказано, что при ознакомлении с тремя трагическими сценами, идущими одна за другой, человек сначала расплачется, бурно отреагирует на происходящее в негативном ключе, но на третьей сцене рассмеется, будучи полностью эмоционально опустошенным после предыдущих двух [14; с. 82]. Черный юмор помогает сэкономить душевные силы, позволяет расслабиться, а также абстрагироваться от происходящего: он будто трансформирует реальные трагические события в некие абстрактные понятия и явления, что и оказывает терапевтический эффект [15; с. 40]. Терапевтическая функция юмористического дискурса чрезвычайно важна в момент кризисов или переломных моментов в жизни общества, когда каждое, даже незначительное событие муссируется СМИ и раздувается ими, порой, до невероятных размеров. В подтверждение этому многие исследования указывают, что черный юмор может и должен использоваться как психотерапевтическая практика: он помогает посмотреть на событие в другом свете или даже представить то или иное событие «в его реальных размерах» (то есть, по сути, отбросить панику, расслабиться и посмотреть на событие под нужным углом) [16].

Таким образом, черный юмор (или же категория комического в целом) помогают отгородить себя от бесконечных информационных потоков, убеждая массовую аудиторию в том, что не все так плохо и еще есть шанс на изменение ситуации к лучшему.

Очевидно, что терапевтическая функция комического проявляется в тесном взаимодействии с двумя вышеназванными функциями юмористического дискурса – манипулятивной и оценочной. Нельзя сказать, что *все* интернет-мемы способствуют созданию и активации психологической защиты индивида, ведь люди по-разному реагируют на один и тот же фрагмент поликодового текста: кого-то картинка веселит, кого-то раздражает, кого-то пугает. Едкие сатирические мемы не сопоставимы по степени терапевтического эффекта с дискурсами, содержащими мягкий юмор, беззлобный смех над общей проблемой, и привлекающими публику использованием стандартных ситуаций, бытовых, домашних предметов, безобидных героев.

Рассмотрим ряд примеров:

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

Мем на рис. 8 основывается на стилистическом приеме аллюзии, причем аллюзия здесь двойная, направленная на разные компоненты этнокультурного багажа реципиента. Женская фигура на изображении – это Лиза Мария Симпсон (Lisa Marie Simpson), героиня популярного американского мультсериала “The Simpsons”, восьмилетняя девочка, выделяющаяся среди других членов семьи прежде всего своим умом и рассудительностью. Неудивительно, что именно в уста любимого персонажа многих американцев авторы мема вкладывают «глубокомысленное» изречение о том, что коронавирус долго не продлится в силу своего происхождения. Здесь появляется еще одна межкультурная аллюзия: широко распространенное представление о низком качестве товаров, произведенных в Китае. Используя одиозную фигуру мультперсонажа и форму прямой речи, которая звучит более доверительно, чем безличный комментарий, авторы мема настраивают аудиторию на позитивное восприятие ситуации, активизируют веру в светлое будущее.

На рис. 9 представлен мем, не имеющий комментария как вербального компонента. Единственная вербальная часть инкорпорирована в иконическую (название туалетной бумаги) – автор уверен, что суть мема будет ясна и без вербального комментария. Комический эффект основан на теме ажиотажа вокруг туалетной бумаги и якобы ее дефицита. Данный эффект реализован при помощи приема фотомонтажа, который помогает актуализировать массовизацию высокой культуры: в произведение живописи (картину художника В. Серова «Девочка с персиками») внедряются необходимые атрибуты современности – маска и туалетная бумага. Терапевтический эффект аллюзии, неизбежно вызывающей улыбку, налицо: если уж одна из самых известных героинь русской живописи не игнорирует современные реалии, то и обычный человек способен соблюдать все эпидемиологические требования.

Терапевтическим эффектом обладает и мем на рис. 10, в котором посредством фотомонтажа из обычных масок создаются стильные атрибуты современности. Безусловно, ситуация гиперболизирована, доведена до абсурда, но благодаря этому, возможно, индивид найдет «плюсы» в ношении масок и соблюдении санитарных норм.

Здесь важно отметить, что смех над общей проблемой является триггером эмпатии, социальной солидарности, «планетарной идентичности», единства людей разных национальностей, верований, убеждений.

В ходе исследования мы уже не раз упоминали факт корреляции массовой и высокой культуры в целях реализации комического в интернет-мемах. Речь идет о *культурно-регенерирующей* функции юмористического дискурса, которая предполагает интеграцию культурно значимых объектов в массовое сознание.

Именно такая интеграция наблюдается, например, на рис. 1 и 9. Высокая культура, отличающаяся элитарностью, оригинальностью и высокой интеллектуальностью, сочетается с массовой культурой, которая рассчитана на массового потребителя с усредненными потребностями. Это не только создает комический эффект, но и является своеобразным толчком к культурному, всестороннему развитию общества.

Высокая культура, как правило, представлена демонстрацией в интернет-мемах предметов искусства (чаще всего образцами живописи, скульптуры, кинематографа). При этом предметы и элементы массовой культуры могут накладываться на объекты элитарной культуры (рис. 1 и 9), как, например, колпак на голове Джоконды или туалетная бумага на столе у Веры Морозовой («девочки с

персиками»). Массовая культура может транслироваться в интернет-мемах и самостоятельно через популярные фильмы, мультфильмы, комиксы – все то, что известно среднестатистическому массовому консьюмеру.

Уже упоминаемый нами мультсериал «Симпсоны», получивший множество наград и премий, известный по всему миру, пользуется такой популярностью в американском обществе, что его герои демонстрируют проявление общественного мнения едва ли не с большей точностью, чем официальные СМИ.

**CEO's Of Hand Sanitizer
Companies Currently...**

Рис. 11

Мем на рис. 11 обыгрывает ситуацию с ажиотажем вокруг санитайзеров, которые скупались в очень больших масштабах во время пандемии. Посредством добавления вербального компонента – подписи к изображению (кадру из мультсериала) – реализуется метафоризация образа: руководители компаний по производству санитайзеров в буквальном смысле озолотились, превратились в королей современного бизнеса. Ситуация гиперболизирована, но в каждой шутке, как известно, есть доля правды. Более того, мировая популярность героя делает ситуацию еще более узнаваемой, а значит, прагматически эффективной.

Таким образом, культурно-регенерирующая функция создает и устанавливает тесные связи между представителями разных культур, что создает не только комический эффект, но и приносит культурно-образовательный компонент в интернет-контент.

В заключение следует подчеркнуть тот факт, что разнообразные функции комического, которые реализуются в интернет-мемах, тесно взаимосвязаны между собой. Нередко один и тот же мем отличается контаминацией нескольких функций, что лишь доказывает тот факт, что социальные сети являются мощным инструментом воздействия, помогающим массовой аудитории налаживать эффективную коммуникацию, объединяться в борьбе с общей проблемой, помогая и сопереживая друг другу, выражать общественное мнение и формировать свою систему ценностей.

Черный юмор катастроф, как мы видим, представляет собой своеобразный общественный бунт против нагнетания обстановки посредством официальных СМИ. В большинстве рассмотренных нами случаев юмористический контент не несет цинизма или жестокой насмешки, присущих некоторым образцам черного юмора. Он выглядит более тонким и интеллектуальным, чем примеры черного юмора, связанные с индивидуальными аспектами жизни индивида – физиологией, сексуальными отношениями, личными проблемами и пр. В реализации черного юмора катастроф участвуют целый ряд стилистических приемов (как на вербальном, так и на иконическом уровне, что присуще поликодовому тексту), которые, преимущественно, основаны на противопоставлении двух смысловых планов: гипербола, сравнение, фотомонтаж, контраст, олицетворение. Они «оживляют» иллюстрируемые ситуации, усиливая комический, а также прагматический эффект дискурса.

Библиографический список

1. Флеонова О.Л. Лингвистические и семиотические особенности американской литературы черного юмора: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04. М., 2003. 154 с.
2. Мухина Ю.Н. Средства репрезентации иронии в художественном тексте: на материале русского и английского языков: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19. Саратов, 2006. 175 с.

3. Гаранина Е.А. Лингвистика комического (на материале детской литературы). Самара: Изд-во ПГСГА, 2011. 179 с.
4. Тепляшина А.Н. Творческая природа комического: жанровая парадигма современной журналистики: дис. ... доктора филологических наук: 10.01.10. СПб, 2007. 373 с.
5. Панченко Н.Н. Лингвистическая реализация комического в английском новостном дискурсе: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04. Иркутск, 2005. 206 с.
6. Выровцева Е.Е., Щеглова Е.А. Языковая игра как средство комического в современном медиадискурсе // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43. №1. С. 31-40.
7. Сергеева Ю.М., Уварова Е.А. Реализация манипулятивного воздействия черного юмора в поликодовом медиатексте // Язык. Культура. Перевод: научные парадигмы и практические аспекты: сборник научных трудов. В двух частях. Часть 2. Под редакцией В.А. Иконниковой, Н.Д. Паршиной; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Одинцовский филиал МГИМО МИД России. Москва: Одинцовский филиал МГИМО МИД России, 2020. – С. 216-220
8. Карасик В.И. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции // Политическая лингвистика. 2020. № 2 (80). С. 25-34.
9. Канашина С.В. Эффект обманутого ожидания в Интернет-мемах как особая коммуникативная стратегия // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 10 (187). С. 9-14.
10. Канашина С.В. Интернет-мем как медиатекст // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2019. Вып. 1 (Т. 19). С. 107-112.
11. Зиновьева Н.А. Воздействие мемов на Интернет-пользователей: типология интернет-мемов // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 1. С. 178-184.
12. Новая философская энциклопедия: в 4 томах // Под. ред. В.С. Степина, А.А. Гусейнова, Г.Ю. Семигина и др. М.: Мысль, 2010. Т. 1. 744 с.
13. Рокотянская Л. Ю. Юмор: сущность, виды, функции в обществе: дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11. М., 2019. 242 с.
14. Макки Р. История на миллион долларов. Мастер-класс для сценаристов, писателей и не только. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 456 с.
15. Gubanov N.N., Gubanov N.I., Rokotyanskaya L. Factors of Black Humor Popularity // International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Ecological Studies. Advances In Social Science, Education and Humanities Research. 2018. Vol. 283. Pp. 379-383.
16. Chapman A.H., Chapman-Santana M. The use of humor in psychotherapy // Arq Neuropsiquiatr. 1995. Vol. 53 (1). P. 153-156.

References

1. Fleonova O. L. Linguistic and semiotic peculiarities of American Dark Humor Literature: dis. ... cand. filol. sciences: 10.02.02. Moscow, 2003. 153 p.
2. Mukhina Yu.N. Means of representing the irony in the fiction text: on the material of the Russian language and the English language: dis. ... cand. filol. sciences: 10.02.19. Saratov, 2006. 175 с.
3. Garanina E.A. Linguistics of the comic (on the material of children's literature). Samara, 2011. 179 p.
4. Teplyasina A.N. The creative nature of the comic: the genre paradigm of modern journalism: thesis ... PhD in Philology: 10.01.10. St.-Petersburg, 2007. 373 p.
5. Panchenko N.N. Linguistic actualization of the comic in English news discourse: thesis... PhD in Philology: 10.02.04. Irkutsk, 2005. 206 с.
6. Vyrovitseva E.V., Shcheglova E.A. Language game as a comic means in modern media discourse // Proceedings of Petrozavodsk State University. 2021. Vol. 43 (1). P. 31-40.
7. Sergeeva Y.M., Uvarova E. A. Implementation of manipulative influence of black humor in a polycode media text // Language. Culture. Translation: research paradigms and practical aspects. Collection of research papers. Part 2. Edited by by Dr. Valentina A. Ikonnikova, Dr. Natalia D. Parshina. Moscow, 2020. P. 216-220.

8. Karasik V.I. Epidemic in the mirror of media discourse: facts, estimates, positions // Political linguistics. 2020. Vol. 2 (80). P. 25-34.
9. Kanashina S.V. Stylistic device of defeated expectancy as a specific communicative strategy in Internet memes // Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. 2017. Vol. 10 (187). P. 9-14.
10. Kanashina S.V. Internet meme as a media text // News of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism. 2019. Vol. 19. Iss.1. P.107-112.
11. Zinovieva N.A. Impact of memes on Internet users // The Review of Economy, the Law and Sociology. 2015. Vol.1. P.178-184.
12. New philosophy encyclopedia: in 4 volumes // Under the editorship of V.S. Stepnin, A.A. Guseynov, G.Yu.Semigin and others. Moscow, 2010. Vol. 1. 744 p.
13. Rokotyanskaya L.Y. Humor: its nature, types and functions in the society: dis. ... PhD in Philology: 09.00.11. Moscow, 2019. 242 p.
14. Makki R. The story for a million dollars. The masterclass for scriptwriters, just writers and not only them. Moscow, 2017. 456 p.
15. Gubanov N.N., Gubanov N.I., Rokotyanskaya L. Factors of Black Humor Popularity // International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Ecological Studies. Advances In Social Science, Education and Humanities Research. 2018. Vol. 283. P. 379-383.
16. Chapman A.H., Chapman-Santana M. The use of humor in psychotherapy // Arq Neuropsiquitar. 1995. Vol. 53 (1). P. 153-156.

ЯЗЫК СМИ LANGUAGE OF MASS MEDIA

УДК 811.111
10.36622/AQMPJ.2021.60.37.021

*Башкирский государственный университет
аспирант кафедры романо-германской
филологии
Кудрявцева З.Г.
Россия, г. Уфа, тел. 8-987-100-73-23
e-mail: zemfira.kd@gmail.com*

*Bashkir State University
The chair of Romance and Germanic philology
Postgraduate student
Kudryavtseva Z.G.
Russia, Ufa, tel. 8-987-100-73-23
e-mail: zemfira.kd@gmail.com*

З.Г. Кудрявцева

ВИДЫ НАРРАТИВОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

После «нарративного поворота» в гуманитарных науках нарратив стал широко исследоваться в различных областях науки. Выявленные исследователями свойства и характеристики нарратива предоставили огромные возможности для его применения в различных сферах человеческой деятельности, в особенности в политическом дискурсе при освещении политических событий. В статье рассматриваются различные классификации видов нарративов, основанные на степени вовлеченности автора в процесс повествования, социальных функциях нарративов, их политического значения, характере референта и степени субъективизации новостных сообщений. Исследуется функционирование определенных видов нарративов в политическом дискурсе и их использование при создании модифицированного субъективного политического текста. На материале англоязычных электронных изданий *The New York Times* и *The New York Post* проведен анализ структуры новостных сообщений, выявлена склонность к трансформации нарратива для передачи авторской интенции через искажение фактов, апеллирование к дихотомии «свои» / «чужие», навязывание оценки, субъективные комментарии и другие приемы. Выявляется потенциал нарратива в создании политически направленных текстов и воздействии на массовое сознание посредством искажения реальных политических событий при помощи насыщения текста субъективными эмоционально-оценочными компонентами.

Ключевые слова: нарратив, политический дискурс, субъективизм, аксиологичность, эмоциональность.

Z.G. Kudryavtseva

THE TYPES OF NARRATIVE IN POLITICAL DISCOURSE

After the “narrative turn” in the humanities, narrative has been widely studied in various fields of science. The properties and characteristics of the narrative revealed by researchers have provided tremendous opportunities for its application in various spheres of human activity, especially in political discourse when covering political events. The article examines various classifications of types of narratives based on the degree of the author's involvement in the narrative process, the social functions of narratives, their political significance, the nature of the referent and the degree of subjectivization of news reports. The author investigates functioning of certain types of narratives in political discourse and their use in creating a modified subjective political text. Based on the material of the English-language electronic publications from *The New York Times* and *The New York Post*, the analysis of the structure of news messages is carried out, which reveals a tendency to transform the narrative to convey the author's intention through distortion of facts, an appeal to the dichotomy of “us” / “others”, the imposition of evaluation, subjective comments and other techniques. The author reveals the potential of the narrative in creating politically directed texts and influencing the mass consciousness by distorting real political events by saturating the text with subjective emotional and evaluative components.

Key words: narrative, political discourse, subjectivity, evaluative components, emotionality.

В последнее время нарратив активно изучается в различных дисциплинах гуманитарных и со-

циальных наук (Й. Брокмейер, Р. Харре, М. Бейкер, И.В. Троцук, Д. Шмид, Е.И. Шейгал, З.З. Чанышева). Понятие «нарратив» приобретает популярность в связи с признанием нарративного характера человеческого мышления, тенденции отражать человеческий опыт в повествовательной форме. С этой точки зрения Уильям Лабов определяет нарратив как один из методов повторения прошлого опыта путем сопоставления словесной последовательности предложений с последовательностью событий, которые действительно произошли [1, с. 359]. Свойства и характеристики нарратива предоставляют огромные возможности для его применения в различных сферах, в особенности при освещении политических событий в СМИ. Лёгкость, которую «нарративное воображение может вдохнуть в тяжеловесную действительность», помогает описывать сложные переплетения событий в виде простых историй [2, с. 39].

Существует несколько классификаций нарративов по различным критериям. Классификация Моны Бейкер, созданная на основе типологии нарративов М.Р. Сомерс и Г.Д. Гибсон, выделяет четыре вида нарративов в зависимости от их социальных функций и политического значения повествования. *Онтологические (ontological)* нарративы – наши личные истории, которые мы рассказываем сами себе о нашем существовании в мире. Они наполняют жизнь смыслом и, несмотря на сфокусированность на себе и непосредственно окружающем мире, имеют межличностный и социальный характер. Человек существует в социуме, и даже его личный нарратив неизбежно будет опираться на коллективные нарративы. Символы, структуры, лингвистические формулировки – вот то, без чего невозможно было бы понять или интерпретировать личные нарративы, будь они слишком оторваны от социального контекста. Онтологические нарративы зависят от коллективных нарративов, но в то же время формируют их. *Общественные (public)* нарративы – истории, созданные и распространяющиеся в социальных и институциональных образованиях больших чем индивидуальные (например, семья, работа, город или страна). Такие нарративы могут быстро изменяться в течение нескольких лет или даже месяцев, так как они хорошо адаптированы к изменениям политического и социального пространства. Мона Бейкер подчеркивает, что общественный вид нарративов не является схожим с коллективным, так как формируется не под влиянием коллективного разума, а в рамках отдельного общественного объединения. Коллективный нарратив – это свободный термин, не используемый в рамках определенной модели, который размыто обозначает любой тип нарратива, относящийся к коллективу. *Дисциплинарные (conceptual, disciplinary)* нарративы – концепты и их объяснения, развитые учёными любой области для себя и других о своем объекте исследования. Они являются образами, разработанными учёными, продуктом исследования. *Мета-нарратив (meta narratives, master narratives)* – нарратив, в который мы встроены как современные участники истории. Такие нарративы могут существовать десятилетиями и влиять на жизни людей (капитализм, коммунизм, холодная война и т.д.) [3, с. 28-44].

Другая классификация нарративов основывается на степени вовлеченности нарратора в повествование, где традиционно выделяют *третьеличный* и *перволичный* нарративы. В нарративе от 3-го лица нарратор «не принадлежит миру текста». Изображаемые события разворачиваются словно сами по себе, а авторская интенция скрыта под видимостью объективности. В нарративе от 1-го лица автор «принадлежит миру текста», участвует в описываемых событиях и изображает их с точки зрения своего восприятия [4, с. 918]. В терминологии С.Н. Плотниковой эти виды нарратива представлены как «мир со мной» и «мир без меня» [5, с. 41].

Большинство новостных сообщений составлены в форме третьеличного нарратива, однако в последнее время в СМИ стал использоваться перволичный нарратив. В связи с нарастающей популярностью социальных сетей появилась возможность освещать события с места от первого лица в режиме онлайн. Сотни и тысячи людей могут делиться последними новостями в сети, высказывая при этом свою точку зрения. Эта тенденция активно распространяется и среди политических лидеров, которые могут выражать свою позицию без СМИ, журналистов и прочих посредников. Президент США Дональд Трамп является одним из активных пользователей Твиттера, где часто оставляет комментарии относительно тех или иных политических событий в своём аккаунте. Одним из его последних комментариев на тему выборов президента США в 2020 году было заявление о рекордном росте экономики в последние годы: “*Under my leadership, our ECONOMY is now growing at the fastest rate EVER recorded—33.1%! #MAGA*” [6, URL]. В данном высказывании форма личного местоимения “*my*” подчеркивает заслуги президента в отношении роста экономики страны, а местоимение “*our*” объединяет президента с народом в категорию «свои», с точки зрения дихотомии «свои» / «чужие».

Далее более выраженное разделение происходит в одном из его твиттов против Джозефа Байдена о «предательстве» латиноамериканцев со стороны оппонента: “*For 47 years, Sleepy Joe Biden betrayed Hispanic-Americans. Now he wants to close your small businesses, eliminate school choice, and attack our Hispanic Law Enforcement Heroes. The incredible Hispanic-American community!*” [6]. На категориальном уровне происходит противопоставление оппозиции с оценкой «враждебный», «противостоящий», и себя «дружелюбный», «оказывающий поддержку». Активное использование личных местоимений противопоставляет сначала оппонента латиноамериканскому сообществу “*he*” / “*your*”, затем объединяет народ и президента в отдельную категорию «свои» “*I*” / “*our*”.

Авторская установка также может проявляться в насыщении текста эмоционально-оценочными коннотативами [7, с. 99]. В отношении Д. Байдена используются слова с резко негативной коннотацией – “*betray*” (to not be loyal to your country or a person, often by doing something harmful such as helping their enemies), “*eliminate*” (to remove or take away someone or something), “*attack*” (to try to hurt or defeat using violence) [8], в то время как высказывания Д. Трампа сопровождается положительное “*incredible*” (extremely good). Таким образом подчеркивается единение интересов президента и народа путём дискредитирования соперника и негативной оценки его действий. В данной форме сообщения в ситуацию включен референт автора «Я», который выражает личные «Я»-пропозиции [9, с. 178]. «Я»-пропозиции выражают субъективное мнение автора и незаметно навязываются читателю. В тексте выражены пропозиции: Джозеф Байден – чужой, предатель, нарушающий права и свободы человека; Дональд Трамп – свой, друг, поддерживающий латиноамериканское сообщество.

В политическом дискурсе Е.И. Шейгал выделяет три типа нарративов по характеру референта: личностный, идеологический и событийный. *Личностный* нарратив политика создаёт его имидж, описывает его жизненный опыт, выполняя презентационную функцию. Относительно времени личностный нарратив может быть направлен ретроспективно или проспективно. *Идеологический* – нарратив-доктрина является комплексом идей, составляющих основу идеологии партий. *Событийный* – нарратив политических событий и ситуаций, служащий «обоснованием определенного политического курса, политических акций» [10, с. 4-7]. Данный вид нарратива используется для подготовки аудитории к свершению политиком определённых действий, чтобы позже служить оправданием или обоснованием своего выбора. Он предлагает одну из «версий» политической ситуации, вариант её изложения с точки зрения интенции автора.

Автор интерпретирует информацию на этапе изложения событий, выражая свою субъективную позицию, но также и читатель при восприятии накладывает на них своё видение причин и последствий событий [11, с. 42]. Таким образом при освещении событий в СМИ создаётся текст, содержащий не прямое изложение фактов, а одну из их трактовок. Хелен Фултон называет модифицированный субъективный новостной текст «мягкой» (*soft*) формой нарратива, подверженной искажению и интерпретации. «*Жесткие*» (*hard*) же виды новостных текстов должны отражать политические события беспристрастно и объективно. Новостные нарративы отличает типичная неупорядоченная или несвязанная хронологическая структура и сравнительное отсутствие причинно-следственной связи, но они отчетливо представляют собой повествования в том смысле, что они превращены в рассказы или мифы о том, «как обстоят дела» (stories or myths about the ‘way things are’) [12, с. 256]. Тенденция представлять информацию о текущих событиях в форме «мягких» новостей, представляющих интерес для людей, оказывает влияние на структуру новостных сообщений. Изложенная новостная информация в форме нарратива изображает сложное сплетение событий в разбивке на отдельные части и передаёт их как последовательность простых мелких историй, упрощённых для восприятия читателем. Кроме того, нарратив с идеологической основой обладает индивидуальным субъективным характером, так как восприятие читателем осуществляется в основном через индивидуальный опыт.

За неделю до президентских выборов в США состоялись финальные дебаты между кандидатами Дональдом Трампом и Джозефом Байденом. Рассмотрим это событие с точки зрения двух издательств, поддерживающих разных кандидатов. Газета “The New York Times” на протяжении практически пятидесяти лет поддерживала кандидатов только партии демократов (Джозеф Байден – кандидат от демократической партии в президентских выборах 2020), в то время как издание “The New York Post” официально поддержало кандидатуру представителя республиканской партии Дональда Трампа в предвыборной гонке.

Говоря в статьях о прошедших дебатах, авторы обсуждают диаметрально противоположные взгляды кандидатов, резюмируют сильные и слабые стороны их выступления. Характеризуя выступ-

ление Д. Трампа, авторы сравнивают первые и финальные дебаты. The New York Times изображает его как агрессивного оппонента, называет его поведение оскорбительным и неполитичным. На протяжении всей статьи высказывания в его адрес сопровождаются оценочными суждениями, выражающими агрессию, злость, раздражение: *“increasing aggression”*, *“harangue”* (“to speak to someone or a group of people, often for a long time, in a forceful and sometimes angry way, especially to persuade them”), *“badger”* (“to annoy someone by repeatedly asking questions or telling the person to do something”) [8]. Также выступление Трампа отождествляется с нападением - *“attacks”*, *“short-circuit”*, *“jab”* (“to push or hit something forcefully and quickly, often with a thin or sharp object”) [8], а его аргументы признаются необоснованными или преувеличенными: *“unsubstantiated or baseless attacks”*, *“exaggerated or baseless charges”* [13].

The New York Post, в свою очередь, описывает финальные дебаты как лучшее выступление Трампа в ходе предвыборной кампании, насыщая текст положительной оценкой: *“sharper and calmer performance”*, *“change in style”*, *“better showing”*, *“Trump’s best debate ever”*. Он предстаёт перед читателем спокойным и рассудительным политиком (*“he was thoughtful and kept to his theme”*). Первым неудачным дебатам в тексте автор не уделяет много внимания, лишь вскользь упоминая о критике со стороны общественности (*“much-criticized first debate”*, *“frequently interrupted”*) [14].

При обсуждении политики в вопросах иммиграции автор New York Times обвиняет Д. Трампа в бессердечности, осуждая его за разлуку множества семей и разжигание расовой ненависти: *“heartless”*, *“inflaming racial tensions”* [13]. В то время как в статье газеты New York Post запрет нелегальной иммиграции и ужесточение миграционной политики признается «здоровым смыслом», «честными» мерами по отношению к гражданам своей страны (*“unfettered illegal immigration was unfair to American workers, a common-sense belief”*). Позиция Джозефа Байдена резко осуждена как враждебная, направленная на улучшение отношений с Китаем, но против своего электората. Автор апеллирует к дихотомии «свои» / «чужие», упрекая Байдена в лицемерии, который готов раздать рабочие места американцев иммигрантам ради улучшения отношений с Китаем (*“them eating our lunch”*) [15].

Нарративы не только отражают реальность, но и формируют её, указывая на способы интерпретации человеческого опыта и ценностные установки в рамках данной культуры. Нарратив имеет субъективный, аксиологичный и эмоциональный характер, что позволяет использовать его в качестве инструмента создания политически направленного модифицированного текста. При освещении политических событий авторы всё чаще прибегают к использованию «мягкой» формы нарратива, в высокой степени подверженной субъективизации. Нарратив способен трансформироваться для передачи авторской интенции через искажение фактов, апеллирование к дихотомии «свои» / «чужие», навязывание оценки, субъективные комментарии и другие приёмы. Освещая политические события, автор нарратива не излагает сухие объективные факты, а проецирует своё видение событий, их предпосылок и последствий. Нарратив представляет собой мощный инструмент воздействия в руках умелого манипулятора, который имеет огромные возможности применения как в политическом дискурсе, так и в других областях социальных наук.

Библиографический список

1. Labov W. The transformation of experience in narrative syntax // Language in the inner city. University of Pennsylvania Press, Philadelphia, PA, 1972. P. 354-397.
2. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29-42.
3. Baker M. Translation and Conflict: A Narrative Account. Routledge, 2006. 208 p.
4. Падучева Е.В. Игра со временем в первой главе романа В. Набокова // Язык. Личность. Текст: сб. ст. к 70-летию Т.М. Николаевой. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 916-931.
5. Плотникова С.Н. Дискурсивное конструирование как теоретическое понятие // Известия ВГПУ. 2014. №5 (90). С. 41-46.
6. Twitter [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/realdonaldtrump> (дата обращения: 02.11.2020).
7. Чанышева З.З. Ипостаси категории «чужие» в медийной коммуникации // Язык и текст langpsy.ru. 2016. Т. 3. № 3. С. 96-105.

8. Cambridge dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 03.11.2020).
9. Москаленко Е.С. Личностный нарратив как когнитивный принцип организации массмедийного дискурса // Вестник ИГЛУ. 2009. №1 (5). С. 175-181.
10. Шейгал Е.И. Многоликий нарратив // Политическая лингвистика. Вып. 2 (22). Екатеринбург, 2007. С. 86-93.
11. Гаврикова О.А. Прагматика кликбейтинга в интертекстуальном пространстве медиадискаурса // Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических н. Специальность: 10.02.19 – Теория языка, Уфа. 2020. 202 с.
12. Fulton H., Huisman R., Murphet J., Dunn A. Narrative and Media. Cambridge University Press, 2005. 343 p.
13. In Calmer Debate, Biden and Trump Offer Sharply Different Visions for Nation // The New York Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2020/10/22/us/politics/debate-presidential-recap.html> (дата обращения: 29.10.2020).
14. Who won the final presidential debate? Experts grade Trump and Biden // The New York Post [Электронный ресурс]. URL: <https://nypost.com/2020/10/23/who-won-the-final-presidential-debate-experts-grade-trump-biden/> (дата обращения: 29.10.2020).
15. The New York Post endorses President Donald J. Trump for re-election // The New York Post [Электронный ресурс]. URL: <https://nypost.com/2020/10/26/the-new-york-post-endorses-president-donald-j-trump-for-re-election/> (дата обращения: 29.10.2020).

References

1. Labov W. The transformation of experience in narrative syntax // Language in the inner city. University of Pennsylvania Press, Philadelphia, PA, 1972. P. 354-397.
2. Brockmeyer J., Harre R. Narrative: problems and promises of one alternative paradigm // Problems of Philosophy. 2000. Vol. 3. P. 29-42.
3. Baker M. Translation and Conflict: A Narrative Account. Routledge, 2006. 208 p.
4. Paducheva E.V. Playing with the time in the first chapter of V. Nabokov's novels // Language. Personality. Text. Moscow, 2005. P. 916-631.
5. Plotnikova S.N. Discourse construction as a theoretical notion. // The Bulletin of VGPU. 2014. Vol. 5 (90). P. 41-46.
6. Twitter [Electronic resource]. URL: <https://twitter.com/realdonaldtrump> (date of the application: 02.11.2020).
7. Chanysheva Z.Z. Different natures of the category 'aliens' in media communication // Language and text langpsy.ru. 2016. Vol. 3. Iss. 3. P. 96-105.
8. Cambridge dictionary [Electronic resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (date of the application: 03.11.2020).
9. Moskalenko E.S. Personal narrative as a cognitive principle of mass media discourse organization // The Bulletin of IGLU. 2009. Vol. 1 (5). P. 175-181.
10. Shejgal E.I. Multiple narrative// Political linguistics. Iss. 2 (22). Yekaterinburg, 2007. P. 86-93.
11. Gavrikova O.A. The pragmatics of click baiting in the intertextual space of media discourse // Thesis ... PhD in phology: 10.02.19 – Language theory. Ufa. 2020. 202 p.
12. Fulton H., Huisman R., Murphet J., Dunn A. Narrative and Media. Cambridge University Press, 2005. 343 p.
13. In Calmer Debate, Biden and Trump Offer Sharply Different Visions for Nation // The New York Times. [Electronic resource]. URL: <https://www.nytimes.com/2020/10/22/us/politics/debate-presidential-recap.html> (date of the application: 29.10.2020).
14. Who won the final presidential debate? Experts grade Trump and Biden // The New York Post [Electronic resource]. URL: <https://nypost.com/2020/10/23/who-won-the-final-presidential-debate-experts-grade-trump-biden/> (date of the application: 29.10.2020).
15. The New York Post endorses President Donald J. Trump for re-election // The New York Post [Electronic resource]. URL: <https://nypost.com/2020/10/26/the-new-york-post-endorses-president-donald-j-trump-for-re-election/> (date of the application: 29.10.2020).

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Статья должна включать:

1) УДК;

2) сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт TimesNewRoman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;

3) инициалы и фамилии авторов (шрифт TimesNewRoman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);

4) название статьи на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);

5) аннотацию (200–250 слов) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);

6) ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);

7) основной текст (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);

8) библиографический список на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе CorelDraw либо в любом из графических приложений MSOffice. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в **квадратные скобки [1; с. 54–67], [2; т. 3, с. 4–6]** с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять библиографический список необходимо в порядке упоминания работ в тексте статьи по ГОСТ Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это краткое содержание статьи. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

Пример оформления статьи

УДК 811.161.1

*Гуманитарный институт филиала
Северного (Арктического) федерального
университета имени М.В. Ломоносова
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск,
тел. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

*Institute of Humanities of Northern
(Arctic) Federal University named after
M.V. Lomonosov
The department of linguistics
PhD, senior lecturer
Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk,
tel. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег... (200-250 слов).

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, признаки образа, ...

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow.

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, ...

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небесполуденной страны* [1]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания его современники и исследователи творчества, в т. ч. Л.Я. Гинзбург [2].

Текст, текст, текст.....

Библиографический список

1. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/> (дата обращения – 15.05.2019).
2. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.

References

1. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/> (accessed – 15.05.2019).
2. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

№ 4(43) 2021

Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год

Дата выхода в свет: 20.12.2021. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 16,1. Усл. печ. л. 17,2. Тираж 500 экз. Заказ №
Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84